

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 2 (58)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2025**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. доктор педагогических наук, доцент,
председатель член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Москва, Россия

Геворкян Е. Н. доктор экономических наук, профессор, академик РАО,
заместитель председателя первый проректор МГПУ, Россия, Москва

Агранат Д. Л. доктор социологических наук, доцент, проректор
заместитель председателя по учебной работе МГПУ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Кириллов В. В. кандидат исторических наук, директор, профессор
главный редактор Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия

Омельянчук И. В. доктор исторических наук, доцент, профессор
заместитель департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
главного редактора Москва, Россия

Андреев И. Л. кандидат исторических наук, доцент, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия

Брэдли Дж. доктор философии по истории (PhD), заслуженный
профессор Университета Талса, Александрия,
Вирджиния, США

Васильев Д. В. доктор исторических наук, доцент, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия

Вишняков Я. В. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва,
Россия

Гагкуев Р. Г. доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН, Россия, Москва

Гайда Ф. А. доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры
истории России XIX – начала XX века МГУ
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Жангуттин Б. О. доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова
КазНПУ им. Абая, Алматы, Казахстан

Иванов А. А. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
новейшей истории России Института истории СПбГУ,
Санкт-Петербург, Россия

Козловская Г. Е. доктор исторических наук, профессор, директор
Самарского филиала МГПУ, Самара, Россия

Копелев Д. Н. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
истории Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Малышева О. Г. доктор исторических наук, профессор, профессор
департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ,
Москва, Россия

Матвеев Г. Ф.	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Михайловский Ф. А.	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Москва, Россия
Николаев А. Б.	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
Орлов С. В.	кандидат экономических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Пазин Р. В.	кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Москва, Россия
Рокки Э. К.	магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
Ртищева Г. А.	кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента истории Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Селезнев Ф. А.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
Сорокин А. А.	кандидат педагогических наук, доцент, начальник департамента методики преподавания социальных и гуманитарных наук Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Токарева Е. А.	кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Москва, Россия
Черникова Т. В.	доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Москва, Россия

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Черникова Т. В.</i> Изменение роли России в пространстве православных Дунайских княжеств в середине XVII в.	6
<i>Исаков В. А.</i> К вопросу о формировании украинского национального характера.....	26
<i>Маслова А. А.</i> «Нечего на зеркало пенять...»: представления И. С. Аксакова об авторитете власти на страницах газеты «Москвич» (1867–1868)	39
<i>Огородникова О. А.</i> Гетевский «Фауст» в свете рампы русской драматической сцены (XIX – начало XX в.).....	49
<i>Сорокин А. А., Соколов Ю. В.</i> Подготовка и заключение российско-германского торгового договора 1904 г. в оценках российской общественности.....	72
<i>Воронцов Ю. А.</i> Представительство новых социальных интересов в Государственной думе поздней имперской России: предприниматели и рабочие.....	92
<i>Иванов А. А.</i> А. И. Дубровин и П. А. Столыпин: причины антагонизма.....	108

Новейшая история России

<i>Местковский Д. А.</i> Аграрный вопрос в партии социалистов-революционеров весной 1917 г.	131
<i>Чемакин А. А.</i> Украинская федеративно-демократическая партия во врангелевском Крыму (1920 г.).....	149
<i>Смирнова Ю. В., Бусаров И. В.</i> «150 школьных зданий для столицы»: непобитый рекорд 1936 г.	167

Всеобщая история

<i>Ахмедов А. П.</i> Вопросы миграции в азербайджано-таджикских политических отношениях	178
---	-----

Критика. Рецензии. Публицистика

<i>Козлова Ю. А.</i> Рецензия на книгу: Копелев Д. Н. Труды и дела Петра Великого. Исторические этюды. СПб.: Крига, 2024. 415 с.	192
---	-----

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Исторические науки», 2025, № 2 (58).....

Требования к оформлению статей.....	203
-------------------------------------	-----

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

<i>Chernikova T. V.</i> The changing role of Russia in the space of the Orthodox Danubian Principalities in the mid-17 th century	6
<i>Isakov V. A.</i> On the issue of the formation of the Ukrainian of a national character	26
<i>Maslova A. A.</i> “There is nothing to blame on the mirror...”: I. S. Aksakov’s ideas about the authority of the government on the pages of the “Moskvich” newspaper (1867–1868)	39
<i>Ogorodnikova O. A.</i> Goethe’s “Faust” in the light of the Russian drama stage (19 th – early 20 th centuries)	49
<i>Sorokin A. A., Sokolov Yu. V.</i> Preparation and conclusion of the Russian-German trade treaty of 1904 in the assessments of the Russian public	72
<i>Vorontsov Yu. A.</i> Representation of new social interests in the State Duma of late imperial Russia: entrepreneurs and workers	92
<i>Ivanov A. A.</i> A. I. Dubrovin and P. A. Stolypin: reasons for antagonism	108

Modern History of Russia

<i>Mestkovskii D. A.</i> The agrarian question in the Socialist Revolutionary Party in the spring of 1917	131
<i>Chemakin A. A.</i> Ukrainian Federative Democratic Party in Wrangel’s Crimea (1920)	149
<i>Smirnova Yu. V., Busarov I. V.</i> “150 school buildings for the capital”: an unbeaten record in 1936	167

General History

<i>Ahmadov A. P.</i> Migration issues in Azerbaijan-Tajik political relations	178
---	-----

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Kozlova Yu. A.</i> Book review: Kopelev D. N. The Works and Deeds of Peter the Great. Historical sketches. St. Petersburg: Kriga, 2024. 415 p.	192
--	-----

Authors of the MCU Journal of Historical Studies,

2025, № 2 (58)	199
Requirements for the Style of Articles	203

Научная статья

УДК 94 (327)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-6-25

Черникова Татьяна Васильевна

доктор исторических наук, доцент

Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД Российской Федерации

Москва, Россия

tchernikova1961@mail.ru; ORCID 0000-0002-3386-9365

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ РОССИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ В СЕРЕДИНЕ XVII в.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению изменения статуса России в геополитическом соперничестве в пространстве Дунайских княжеств в середине XVII в. Дан анализ обстоятельств, которые позволили Российскому царству восприниматься в Молдавии и Валахии как возможный протектор и противовес Османской империи. Прежде в такой роли выступали Польша и Австрия. Главной из причин, позволивших России в середине XVII в. войти в геополитическое соперничество за влияние в Подунавье, представляется успешное для Москвы начало Русско-польской войны за Украину. В статье рассмотрены случаи обращения господарей (или уже экс-господарей) Василия Лупула, Георгия Стефана, Константина Щербана, Михни III к царю Алексею Михайловичу о защите или с предложением взять княжество под свою руку. В 1656 г. молдавской стороной был привезен, а в Москве одобрен даже проект договора, на каких условиях Молдавия становится вассалом России. Однако автор считает, что никаких реальных шансов на осуществление этого и других подобных планов не было и оценивает осторожную позицию Москвы, не желающей серьезно ввязываться в дела княжеств, с которыми Россия даже не граничила, как обоснованную.

Ключевые слова: Россия, Молдавия, Валахия, проект молдавского вассалитета России 1656 г.

© Черникова Т. В., 2025

Для цитирования: Черникова Т. В. Изменение роли России в пространстве православных Дунайских княжеств в середине XVII в. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 6–25. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-6-25>

Original article

UDC 94 (327)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-6-25

Chernikova Tatyana V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russia
tchernikova1961@mail.ru; ORCID 0000-0002-3386-9365

THE CHANGING ROLE OF RUSSIA IN THE SPACE OF THE ORTHODOX DANUBIAN PRINCIPALITIES IN THE MID-17TH CENTURY

Abstract. The article is devoted to the consideration of the change in the status of Russia in the geopolitical rivalry in the space of the Danubian Principalities in the middle of the 18th century. An analysis of the circumstances that allowed the Russian Empire to be perceived in Moldova and Wallachia as a possible protector and counterweight to the Ottoman Empire is given. Previously, Poland and Austria played such a role. The main reason that allowed Russia in the middle of the 17th century to enter the geopolitical rivalry for influence in the Danube region seems to be the successful for Moscow start of the Russian-Polish war for Ukraine. The article examines the cases of appeals by the hospodars (or already ex-hospodars) Vasily Lupul, Georgy Stefan, Konstantin Shcherban, Mikhnya III to Tsar Alexei Mikhailovich for protection or with a proposal to take the principality under his hand. In 1656, the Moldavian side brought, and even a draft treaty was approved in Moscow, on what conditions Moldavia would become a vassal of Russia. However, the author believes that there was no real chance of this and other similar plans being implemented and assesses Moscow's cautious position, which did not want to seriously get involved in the affairs of principalities with which Russia did not even border, as justified.

Keywords: Russia, Moldova, Wallachia, the project of Moldavian vassalage to Russia in 1656.

For citation: Chernikova T. V. The changing role of Russia in the space of the Orthodox Danubian Principalities in the mid-17th century // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 2 (58). P. 6–25. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-6-25>

Введение. В XV–XVI вв. Россия не участвовала в геополитическом соперничестве с Османской империей в Подунавье, так как это лежало в стороне от национальных интересов страны. Правда, в этот период Москву дважды пытались извне привлечь к делам в османском Подунавье: в середине 1470-х – 1482 гг. — молдавский господарь Стефан III Великий, а в начале Долгой войны христианских стран с Турцией 1592–1606 гг. — Святой престол и австрийские дипломаты.

Регулярное взаимодействие России с Молдавией и Валахией выстроилось после Смуты в конце 1620–1640-х гг. Оно не шло далее обмена различными грамотами, посредничества молдавского господаря Василия Лупула в переговорах России и Турции после завершения Азовского сидения казаков, высылки в Россию из Молдавии самозванца.

Молдавские посланцы приезжали в Россию чаще валашских и чаще, чем россияне отправлялись в Яссы или Бухарест. К примеру, с 1639 по 1649 г. в Москве побывало 47 молдавских посланцев, а в Яссах — 19 российских. Одним из главных интересов молдавской и валашской сторон являлись запросы местных митрополий в получении богослужебных книг, икон и отпуска в Дунайские княжества русских иконописцев, а также получение даров для господарей и их окружения. По московскому обычаю царские дары всегда превосходили дары, привезенные иноземными послами. Кроме того, господари, а также их бояре всегда использовали посольства в Россию для закупки здесь соболей и прочих ценных мехов при особых царских льготах. У валашских посланцев закупка русских товаров для господарей часто являлась единственной целью их прибытия в Россию.

К середине XVII столетия ситуация меняется. Москва набирает авторитет в глазах политической элиты Дунайских княжеств, ее царь начинает восприниматься как их вероятный протектор в противостоянии с османами, как ранее воспринимались венгерские монархи (до 1526 г.), Габсбурги, польско-литовские Ягеллоны и прочие короли Речи Посполитой.

Изучению ситуации в Дунайских княжествах, их связей с Россией в первой половине – середине XVII в. посвящено множество работ румынских и молдавских историков, а также отечественных исследователей. Необходимо выделить здесь труды Р. Бутучел¹, И.-А. Поп, И. Болован², В. Стати³, В. Василика⁴, И. С. Достян⁵,

¹ Бутучел Р. Григоре Уреки и Мирон Костин — летописцы XVII в. о молдавской идентичности // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 2. Вып. 1. С. 251–157.

² Поп И.-А., Болован И. История Румынии / пер. с рум.: В. Взратик, В. Н. Мищенко, Н. Н. Чуканова. М., 2005.

³ Стати В. История Молдовы. 2-е изд., доп. и отред. Кишинев, 2014.

⁴ Василик В. Дипломатические отношения Русского государства с Дунайскими княжествами в XV–XVIII вв.: традиции и тенденции // Русин. 2011. № 1 (23). С. 61–68.

⁵ Достян И. С. Балканские народы и международные отношения в Юго-Восточной Европе (до 60-х гг. XVII в.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1998. С. 242–265.

Н. А. Мохова⁶, Л. Е. Семенов⁷, Б. Н. Флори⁸ и, конечно, изданное Институтом славяноведения на рубеже XX и XXI вв. коллективное исследование, посвященное анализу взаимоотношений Османской империи с близлежащими европейскими странами и народами⁹.

Однако, на наш взгляд, изучению причин, характера, специфики новой роли России в пространстве Дунайских княжеств в контексте русских стратегических интересов и возможностей уделено еще недостаточное внимание. В литературе часто встречаются стереотипные оценки, завышающие реальное внешнеполитическое влияния России на православное Подунавье.

Для анализа действительного положения дел имеется широкий круг разнообразных источников — от нарративных (например, «Путешествия антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским») до документов российского Посольского приказа 1629–1660 гг. и разнообразных актов, относящихся к истории Дунайских княжеств, Малороссии и других земель.

Причины изменения позиции России в пространстве Дунайских княжеств в середине XVII в. Постепенному вхождению России в «клуб» крупных геополитических игроков в Подунавье было несколько причин.

Во-первых, к середине XVII в. произошла деформация прежнего, характерного для XV – начала XVII в. расклада сил, когда вассальные султанам Дунайские княжества ради сохранения своей автономии лавировали между Портой и ее давними европейскими противниками (Венгрией до 1526 г., Польшей, Австрией), получая от последних время от времени помощь. В 1618–1648 гг. Габсбурги были поглощены Тридцатилетней войной. Османская империя, хотя и вышла скорее победительницей из Хотинской войны с Речью Посполитой в 1620–1621 гг., но испытывала внутренний кризис после Долгой войны, Войны магнатов и в ходе новых конфликтов первой половины XVII в. с Персией, Венецией и Речью Посполитой.

Арсенал привычных Порте быстрых смещений господарей (за первые 35 лет XVII в. Молдавией управляли 14 господарей¹⁰) к середине 1630-х гг. сменил курс поддержки своих надежных, как представлялось Константинополю,

⁶ Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964; Его же. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. (С древнейших времен до начала XIX века). Кишинев, 1961.

⁷ Семенова Л. Е. Русско-валахские отношения конца XVII – начала XVIII в. М., 1969; Ее же. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в. Очерки внешнеполитической истории. М., 2006; Ее же. Валахия и Молдавия в системе Османской империи (к истории происхождения текстов «капитуляций») // Русин. 2011. № 2 (24). С. 131–139.

⁸ Флоря Б. Н. Россия и Дунайские княжества в 1674 г. // Вестник славянских культур. 2015. № 1 (35). С. 122–129.

⁹ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1 / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1998.; Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 2001.

¹⁰ Бутучел Р. Указ. соч. С. 154.

ставленников: в Валахии — Матвея Басараба, а в Молдавии — Василия Лупула. Их вражда между собой гарантировала равновесие сил и создала иллюзию стабильности в регионе, что объективно способствовало хозяйственному и культурному подъему княжеств, а также регулярной выплате ими дани султану.

Тем не менее острые социальные противоречия и перманентный раскол элит в православном Подунавье никуда не делись и в середине 1650-х регион опять стал напоминать разворошенное осиное гнездо. Дунайские господа сами начали искать среди порубежных стран новых акторов, что открывало возможности для вступления нового игрока в сложную геополитическую борьбу за влияние в Подунавье.

Второй причиной, которая не могла не активизировать попытки Москвы расширить территориальные горизонты ее дипломатии, оказалась геополитическая активность Крыма. На фоне затруднений Турции Крымское ханство во главе с Ислям-Гиреем III стало больше ориентироваться на собственные интересы. Порта не решалась смещать Ислям-Гирея. Хан решил использовать восстание Войска Запорожского для создания нового государственного образования, вассального не только османскому Константинополю, но и Бахчисараю, враждебного Речи Посполитой, а потенциально и Москве. Хотя Богдан Хмельницкий провозгласил себя вассалом султана и получил от него символы власти (булаву и знамя)¹¹, но до 1670-х гг. Порта не имела возможности всерьез встраивать гетманство в османскую государственную архитектуру. Турки положились здесь на запорожско-крымский союз.

Помощь крымского хана Богдану Хмельницкому была вызвана необходимостью разрушить план крестового похода против Турции, который вынашивал в 1740-х польский король Владислав IV, нивелировать возможность сближения на антикрымской основе Москвы и Варшавы, пресечь активность русского донского казачества.

Третьим обстоятельством, разрушительным для равновесия в Подунавье, была активность здесь самого Богдана Хмельницкого. Запорожцы, друзья местных гайдуков, и прежде были участниками многих батальи в Подунавье то как самостоятельная сила, то в составе польских частных или коронных войск. Большинство румынских историков оценивают «запорожский фактор» как негативный для Подунавья. Казаки были враждебны боярству, наносили ущерб боярскому и крестьянскому хозяйству, хотя местные народные предания хранят и позитивный их образ как защитников христиан.

Союз запорожцев с татарами был неожиданным и неприятным событием для Молдавии и Валахии. Княжества часто страдали от крымских набегов и отчуждения Портой в пользу ханства части их земель.

В 1649 г. Богдан Хмельницкий в подкрепление планов наследственного гетманства для своего рода принудил молдавского господаря Василия Лупула

¹¹ Петкевич К. Украина на перепутье: Казацкое государство в XVII в. // История и современность. 2005. № 2. С. 51.

(Лупу) обещать выдать его дочь Роксану за Тимоша, старшего сына Богдана¹². Это было продавлено запорожскими походами в Молдавию в 1649 и 1650 гг. и происходило на фоне крымского набега 1650 г., а также вторжения в Молдавию неприятельских валашских и трансильванских сил. Надежда Лупула на помощь польских магнатов рухнула после разгрома казаками 22–23 мая 1652 г. под Батогом их 20-тысячного частного войска.

Эти события в итоге не принесли пользы ни Богдану, ни Лупулу. «Все не мог взять в толк Василий-воевода, куда же ему устремить свои чаяния? — отмечал современник, сторонник пропольской ориентации Молдавии летописец Мирон Костин. — К туркам хотел бы, да зная переменчивый характер их, опасался страну потерять и в большом беспокойстве был. На казаков опереться тоже не мог, опасаясь уронить свою репутацию у турок. А против войск, что шли на него, стоять, не с чем было, не имел он войска подготовленного, да и вся страна зло на него держала и все только и ждали перемены правления»¹³. Во главе заговора молдавской знати оказался логофет¹⁴ Георгий Стефан. По просьбе боярства султан поставил его новым молдавским господарем. Василий Лупул привел с Украины запорожцев во главе с Тимошем Хмельницким. Тот помог тестю вернуться к власти в Молдавии, но решение Лупула и Тимоша идти войной на Валахию обернулось катастрофой. Силам Лупула и Хмельницкого удалось взять Бухарест, но у села Финты они были разбиты валашско-трансильванским войском. Василий и Тимош отступили в Молдавию и встали в Сучаве. Здесь в сентябре 1653 г. их осадили силы Георгия Стефана и польского магната Дмитрия Ежи Вишневецкого¹⁵. Раненный осколком ядра Тимош скончался 15 сентября 1653 г. от гангрены, а в октябре 1653 г. запорожцы замирились с противниками и ушли.

Василий Лупул, потеряв все, несколько раз безуспешно обращался за помощью в Москву. Вскоре он попал в руки крымцев и был выдан султану. Уже находясь в заключении в Семибашенном замке Константинополя, Василий Лупул сумел отправить свою последнюю, датированную 14 ноября 1656 г. просьбу к царю Алексею. Экс-господарь ходатайствовал, чтобы гетман Богдан Хмельницкий добивался у султана его освобождения¹⁶. Грамота была доставлена в Россию

¹² Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Т. II. М., 1953. С. 124.

¹³ Летопись Земли Молдавской: Уроки истории Молдовы от Мирона Костина / пер. с молд. яз. Мих. Лупашко // *Istoria și filologia moldovenească* = Молдавская история и филология: сайт. URL: <https://terramoldaviae.wordpress.com/2021/03/10/летопись-земли-молдавской/> (дата обращения: 25.01.2025).

¹⁴ Управляющий канцелярией господаря, хранитель государственной печати, составитель официальных грамот. В отсутствие господаря логофет замещал его.

¹⁵ Дмитрий Ежи Вишневецкий в тот момент руководствовался не государственными интересами Речи Посполитой, а чувством любви к Роксане, выданной, как он полагал, насильно за грубого казака, что не соответствовало представлениям не только польской шляхты, но и молдавского боярства.

¹⁶ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы в 3 томах Т. II. 1633–1673. М., 1968. С. 385.

в 1657 г. греком Петром Даниловым, переведена в Посольском приказе на русский язык и доложена царю. Но ни Алексей Михайлович, ни тем более Богдан Хмельницкий, умерший в Чигирине 27 июля 1657 г., уже ничем не могли помочь Василию Лупулу. Он скончался в османской темнице в апреле 1661 г.

Судьба этого человека, сказочно богатого, расчетливого и умного политика, служит отличным примером, сколь нестабильна, непредсказуема и зависима от множества противоречивых внутренних и внешних факторов была ситуация в Молдавии, как, впрочем, в любом из Дунайских княжеств в середине XVII в.

Молдавская эпопея сделала будущее украинской автономии еще более неопределенным, и Хмельницкий решил в 1653 г. еще раз разыграть московскую карту. В конце 1640-х Москва не пошла на военную помощь Гетманщине, только разрешила украинским беженцам селиться в своей Слободской Украине.

В 1653 г. царь решил взять под свою руку Войско Запорожское и Малороссию в границах Полтавщины, Киевщины, Черниговщины, Волыни и Подолии¹⁷. За это высказался и Земский собор, который одобрил включение малороссов в число российских подданных, чтобы «не допустить их отдаться в подданство турецкому султану или крымскому хану»¹⁸.

Это означало войну с Речью Посполитой за Украину. В 1654 г. одна русская армия во главе с царем Алексеем Михайловичем вернула России Смоленщину, потерянную в Смуту, заняла Белоруссию и Литву, другая, объединившись с казаками Богдана Хмельницкого, успешно действовала в Малороссии. На Речь Посполитую с севера обрушился Шведский потоп. Триумфальное для России начало впоследствии оказавшейся трудной и затяжной Русско-польской войны за Украину стало тем четвертым фактором, который заставил многих в Подунавье взглянуть на Россию как на нового защитника и патрона.

Случаи обращения за российским протекторатом господарей Дунайских княжеств. Обращения поверженного Василия Лупула к русскому царю оказались не единственными. Свергший Лупула Георгий Стефан, валахские господа Константин Щербан и заменивший его Михня III в определенный момент также возжелали сменить османский протекторат на российский. Но из последнего не следовало вовсе, что был хоть какой-то реальный шанс осуществить их намерения.

Помимо противодействия Порты и Польши, внутри обоих княжеств существовала мощная антигосподарская боярская оппозиция, часто прибегавшая то к помощи османов, то поляков, то трансильванцев для сохранения собственности и своих привилегий. Благодаря наладившимся связям с Россией бояре имели представление о внутренних русских порядках и догадывались,

¹⁷ Жеребкин М. В. Логика намерений и логика обстоятельств в действиях гетмана Богдана Хмельницкого // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 2 (46). С. 5.

¹⁸ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 2 кн. Кн. 2. Вып. 5, 6, 7. М., 1994. С. 49.

что вассалитет султану при всей его тяжести несет меньшую угрозу политическим правам молдавского и валашского боярства, чем подданство патримониальной российской монархии.

К тому же часто попытки господарей заключить союз мимо Порты с третьей державой инициировались не столько общественным интересом, сколько сиюминутным желанием того или иного господаря усидеть на троне, вернуть трон, а то и просто выжить.

Россия как новый игрок в геополитическом пространстве Подунавья со своей стороны не желала рисковать и всерьез ввязываться в борьбу с османами на землях, с которыми она даже не граничила.

Обращение к России Георгия Стефана. Молдавский господарь Георгий Стефан (1653–1658) пытался разыгрывать русскую карту дважды: в 1654 и в 1656 гг. при посредничестве Богдана Хмельницкого¹⁹.

В 1654 г. московские дипломаты Томило Перфирьев и Гаврила Самарин²⁰, а также посланцы Богдана Хмельницкого пытались выяснить, насколько реален переход молдавского господаря, а возможно, и валашского под руку русского царя. Гаврила Самарин, в присутствии которого в Яссах Георгий Стефан дал тайную клятву перейти в российское подданство, в отчете своем чуть позже констатировал: «только-де те ево клятвенные речи были непостоянны»²¹. О «шаткости» молдавского господаря сообщали из Гетманщины: «Стефан воевода шаток... королю хочет против государевых людей-де помогать»²². В Валахию Гаврилу Самарина вообще не пустили, а когда он вернулся в Молдавию, то был задержан. «И он-де, Гаврило, говорил ему, Стефану, чтоб ево отпустил без задержанья, и угрожал ему гетманом Богданом Хмельницким; и он-де, Стефан, ево, Гаврила, из Ясей отпустил»²³.

Попытка господаря Георгия Стефана в 1654 г. вести переговоры с Москвой вызвала протест пропольской части молдавского боярства, а также недовольство Трансильвании. Георгий Стефан быстро переориентировался на Польшу. Молдавское войско даже выступило на стороне поляков против сил Хмельницкого и России на Украине. Правда, проезжавшему через Молдавию в Россию сербскому митрополиту Гавриилу Георгий Стефан «сказывал, что-де те волохи пошли к ляхом на помочь самовольством, без ево, Стефанова, ведома, потому что-де они люди вольные, домов у себя не имеют и ходят-де в войну из найму, где похотят, а ему-де, Стефану, они непослушны. А он-де, Стефан, желает быть под государевою царского величества высокою рукою всею своею душою»²⁴.

¹⁹ № 365. Письмо Богдана Хмельницкого господарю Георгию Стефану от 4 апреля 1656 г. // Документы Богдана Хмельницкого. 1648–1657 / отв. ред. Ф. Б. Шевченко. Киев, 1961. С. 484.

²⁰ Привез Георгию Стефану известие о переходе Гетманщины под руку царя Алексея Михайловича и пожелание не выступать ни против Хмельницкого, ни против России.

²¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1, 1654 г. Д. 9. Л. 8.

²² Там же. Ф. 68. Оп. 1, 1654 г. Д. 21, Л. 9.

²³ Там же. Ф. 124. Оп. 1, 1654 г. Д. 9. Л. 10.

²⁴ Там же. Л. 6.

Россия запомнила «шаткости» молдавского господаря и в 1656 г. напомнила о них. В царской грамоте от 14 июня 1656 г. читаем: «В прошлом во 163-м году как мы, великий государь... со многими ратьми ходили на неприятеля нашего на польского короля... и как у наших царского величества боярина и воеводы Василья Борисовича Шереметева с товарищи, да у гетмана Богдана Хмельницкого с корунными гетманы и с крымскими татары был бой, и на том бою с твоего (т. е. Георгия Стефана) повеленья были твоего владенья многие молдавские ратные люди»²⁵. Упрек прозвучал за три недели (!) до присяги русскому царю молдавских послов, которые вновь прибыли просить перехода Молдавии под руку Москвы в 1656 г.

Искать российской помощи в 1656 г. Георгия Стефана заставила весть о скором рейде османских и крымских сил в Трансильванию. Надежды на поляков поубавились, а своих «людей-де у Стефана во владенье добре мало, — как сообщал еще в 1654 г. московский посланец Гаврила Самарин, — и земля-де ево от войны запустела»²⁶. Султан подозревал антиосманскую подоплеку союза князя Дьёрда Ракоци II и молдавского господаря и поневоле присоединившегося к ним валашского господаря Константина Щербана.

История Константина Щербана была типична для быстро сменяемых в Дунайских княжествах господарей. Получив господарство по решению совета бояр, он не мог игнорировать их требование сократить господарское войско наемников-сименов²⁷. С середины XVI в. господаи перестали созывать крестьянское ополчение, заменив его наемниками и службой мелких вотчинников (немешамий, куртешамий, служиторов, резешей и др.). Это временно усилило господарей, но встретило противодействие бояр. В XVII в. началось разорение мелких вотчинников и переток их землевладений к боярству, что привело как к сокращению военных сил княжеств и господству в них наемников, так и к ослаблению власти господарей. Долго правивший Валахией до Константина Щербана Матвей Басараб, опираясь на наемников, держал в узде бояр. Павел Алеппский писал, что в 1653–1654 гг. войско Матвея «было числом более 10 000 — все отборные, из самых храбрых молодцов: сербов, болгар, арнаутов, греков, венгров, турок и валахов»²⁸. Константин Щербан, не желая злить боярство, начал уменьшать число сименов. Они подняли мятеж, поддержанный крестьянами и гайдуками. Подавить бунт удалось благодаря помощи войск Георгия Стефана и Дьёрда Ракоци II.

Карательная османо-крымская рать могла попасть в Трансильванию только через Валахию и Молдавию, для которых опасность сложилась даже бóльшая, чем для Трансильвании.

²⁵ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. С. 393.

²⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1, 1654 г. Д. 9. Л. 10.

²⁷ Сименами (от *тур.* «сегмен» — молодой воин) называли набранных с Балкан иностранцев-пехотинцев, вооруженных огнестрельным оружием.

²⁸ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Выпуск 1 (От Алеппо до земли казаков) // Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. Вып. 1. М., 1896. С. 116.

Молдавское посольство во главе с митрополитом Сучавским и всей земли Молдавской Гедеоном и логофетом Григорием Нянулой привезли в Москву составленный на греческом языке проект условий перехода Молдавии в российское подданство. Первый пункт грамоты гласил: «Наказал нам пресветлый государь Георгий Стефан, воевода всей Молдавской земли, преосвященному митрополиту господину Гедеоу да второму логофету Григорию говорить изустно перед благочестивым государем царем Алексеем Михайловичем московским и всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцем, лета 7164 году месяца марта в 16 день»²⁹.

Составление договора на греческом языке в Молдавии, где официальным письменным языком в XV–XVII вв. был славянский, как и поручение послам «говорить изустно», наводит на мысль о некой хитрости. Сам договор, как мы увидим ниже, отражал желание молдавской политической и церковной элиты избавиться от дани и вмешательства патрона во внутренние дела, переложив военное противостояние с Портой на Россию. Последнее проистекало не из эгоизма, а из объективного знания военных возможностей княжества.

Такая постановка вопроса априори со стороны Москвы превратила переговоры в своего рода политический спектакль, имевший цель повышения царского престижа как внутри России, так и за границей. В ходе русско-польского перемирия 1656–1658 гг. обсуждался вопрос о возможности в будущем выбора на трон Речи Посполитой царя Алексея Михайловича или его сына царевича Алексея³⁰.

В Посольском приказе перевели на русский язык привезенную послами грамоту. Сочли ее условия предварительными. Обещали отправить своих великих послов в Молдавию для окончательного решения и проведения присяги всех ее жителей русскому царю.

Пока же, 7 июля 1656 г., Гедeon и Григорий Нянул в Успенском соборе Кремля в присутствии патриарха Никона принесли присягу. «Пред святым Евангелием за себя и за Стефана-воеводу, и за весь духовной и мирской чин» послы клялись в том, что прислал их «к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, Стефан-воевода и владетель Молдавской земли бити челом, чтоб он, великий государь, пожаловал, [и] велел ево, Стефана-воеводу, со всею Молдавскою землею принять под свою государскую высокую руку в вечное подданство. И великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович,

²⁹ № 89. 1656 г. марта 16. Письмо молдавских послов сучавского митрополита Гедеоны и боярина логофета Григория Нянулы в Посольский приказ с изложением условий перехода Молдавии в русское подданство // Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. С. 273.

³⁰ Возможность выбора в короли русского кандидата оказалась иллюзией и скорее ошибкой, которая усложнила и так существовавшие русско-запорожские противоречия в видении масштабов автономии Гетманщины и статуса запорожской старшины и малороссийского шляхетства в составе Российского царства.

всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, его царское величество пожаловал Стефана-воеводу со всею Молдавскою землею под свою государскую высокую руку принять изволил»³¹.

Послы клялись, что Стефану-воеводе с его людьми «быти под царского величества высокою рукою навеки неотступным, и служить... верно, и на всякого его государева неприятеля стоять, по его государеву повелению, безо всякие измены, а к турецкому, и крымскому, и к иным государям впредь не приставать. <...> И опричь государя своего царя... на Московское и на Владимирское государства, и на все великия государства Российского Царствия и на Великое Княжество Литовское и на Княжество Киевское и Черниговское и на всю Малую и Белую Русь иного царя из иных государств, польского и немецких рещ (Государств), королей и королевичей, из розных земель царей и царевичей, и из русских, и из иноземских родов никого не хотети... <...> царского величества подданные молдавские ратные люди, и мне их утверждать, чтоб они царского величества с ратными людьми совет и дружбу имели, и царского величества с недруги бились заодно, не щадя голов своих, чтобы их обещание и клятва у всех была без преткновения постоянна»³².

Присяга требовала также доносить о враждебных намерениях к России, к царю и его семейству со стороны других стран или отдельных людей, сообщать об изменах и с изменниками биться до смерти³³.

Москва договорилась с митрополитом Гедеоном и Григорием Нянулой, что по прибытии царских послов в Молдавию там учинят присягу Стефану-воеводе и всем его подданным³⁴.

В Молдавию митрополит Гедеон и логофет Григорий повезли следующие предварительные обязательства российской стороны:

- Россия обязывалась оказывать военную поддержку Молдавии в случае нападения османов, крымских татар, поляков и прочих врагов, обещала отвоевать молдавские крепости, перешедшие в прямое владение турок;

- подданные молдавского господаря получали право свободно передвигаться по России;

- Россия должна была восстановить в Молдавии тот общественно-государственный порядок, который был в княжестве до начала турецкого владычества;

- Молдавия прекращала выплату дани Порте, а России должна была посылать не регулярную дань, а «щедрый дар»;

- Россия гарантировала, что господарем Молдавии может быть только ее уроженец, а при наличии у умершего господаря сына именно он и будет следующим молдавским монархом;

³¹ Присяга на подданство России / подгот. публикации Т. А. Лаптевой и Т. Б. Соловьевой // Военно-исторический журнал. № 10. 1990. С. 40.

³² Там же. С. 40–41.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

– молдавская митрополия оставалась в подчинении Константинопольского патриархата³⁵.

Последнее примечательно в свете того, что посольство возглавлял сам митрополит Гедеон. Получая от московского патриархата милостыню, книги, помощь в печатном деле и иконописи, молдавское духовенство явно не желало попасть под жесткий контроль русского патриарха и поменять свою «симфонию» с господами на службу православному московскому государю.

По аналогичным соображениям и митрополит Киевский Сильвестр оставался в лоне Константинопольского патриархата, не принял участие в казачьей Переяславской раде в январе 1654 г. Вторая присяга малороссийского населения происходила в Киеве, и митрополит Сильвестр со своими людьми опять не присягнул. Но вскоре это пришлось ему сделать. Впрочем, когда Москва против воли Богдана Хмельницкого пошла на перемирие с «ляхами» в 1656 г., а гетман в ответ начал секретные переговоры со шведами о переходе Войска Запорожского и всей Малороссии в шведское подданство, митрополит Сильвестр был на его стороне.

Российско-молдавский договор 1656 г. так и остался памятником общественно-политической мысли. В январе 1657 г. молдавские послы вернулись на родину. Обещанное русское посольство в Молдавию так и не выехало, а потому и никакой присяги молдавского населения русскому монарху не случилось.

Царь Алексей Михайлович в 1657 г. решил не гоняться за миражом молдавского подданства. Никаких объективных выгод России оно не обещало, а конфликт с Османской империей на фоне Русско-польской войны за Украину (1654–1667) и Русско-шведской войны (1656–1661) был обеспечен.

Кроме того, после нападения на Польшу Швеции России показалось, что появился реальный шанс взять под контроль не одну Украину, а всю Речь Посполитую. В свете таких перспектив тратить усилия на военную помощь «шаткой» Молдавии представлялось неразумным.

Порта прознала о сношениях Георгия Стефана с Москвой, видимо, лишь в начале 1658 г. По крайней мере господарь был смещен только в марте 1658 г. До этого Георгий Стефан обладал властью в Молдавии и вместе с трансильванским князем Дьёрдом Ракоци II и валашским господарем Константином Щербаном намеревался противостоять карательной рати османов и крымцев.

Османо-крымское нашествие принесло крайнее опустошение. Молдавский летописец Иона Некулче свидетельствует: «...был великий голод, вся страна разбрелась, и не могли люди обрабатывать землю, не добывали хлеба. На дорогах и улицах лежали обессиленные люди и тела умерших и было людоедство...»³⁶.

³⁵ № 180. Июня 29. Грамота Молдавскому Воеводе Владетелю Стефану на принятие его со всею Молдавскою землею в подданство России // Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830. С. 384–388.

³⁶ Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы / авт.-сост. В. Н. Виноградов и др. М., 1996. С. 11.

Оставленный Россией без помощи Георгий Стефан в 1658 г. вынужден был бежать за границу. «Лукавые турцы, христианского имени и креста Христова врази», — писал в обращении к Алексею Михайловичу Георгий Стефан уже в 1662 г., — усердие мое проведовше... меня от владательства молдавского изгнаша»³⁷. В 1662 г. он молил «пресветлейшего, вельможнейшего и непобедимейшего царя» России, чтобы «некая капля» «безмерной милости» царской на него «капнула», высказывал желание идти в Россию. Но не сложилось. Георгий Стефан кончил свою жизнь в 1668 г. в Штеттине (Щецине), который после Тридцатилетней войны был под властью Швеции.

В Молдавии, конечно, осмыслили «помощь» единоверного русского царя их господарю, но без особого разочарования. Дунайские господа и боярство привыкли за последние два века к подобным действиям других христианских стран — Австрии и Речи Посполитой. Знали в Молдавии и собственную привычку легко принимать покровительство соседних христианских государств и также легко отказываться от него под османским давлением или от множества внутренних объективных и субъективных обстоятельств.

Георгий Гика и Москва. В Молдавии в 1658 г. Порта посадила господарем представителя знатного албанского рода Георгия Гика. В 1659–1660 гг. султан перевел Гика в Валахию. В 1658 г. Георгий Гика решил на всякий случай «вы-молить» возможность убежища в России, о чем он послал из Ясс в Москву велеречивую грамоту на греческом языке. На переводе грамоты Посольский приказ поставил помету, что текст читан царю Алексею, которого Георгий Гика именовал «христианнейшим и тишайшим царем... святого и великого царствия»³⁸. Начиналась грамота с рассуждения господаря, что «прилично... нежели работати царю беззаконному и неверному и нечестивому, лутче работати законну и праведному и благочестивому... работати вратам московским, нежели отманским», ибо «бедные христиане не могут вознести главы, возрети на небо, мучими под игом тягчайшие работы... от нечестивых»³⁹. Суть же просьбы состояла в том, чтобы отписали «грамоту к гетману казатцкому... и ко всем начальникам казатским, и черни казатцкой... да примут нас з дружелюбием, и да не задержат нас никаким образом пришествие наше, и в Киев грамоту паки, аще лучитца путь нам оттуду»⁴⁰.

³⁷ № 109. 1662 г. декабря 28. Грамота бывшего молдавского господаря Георгия Стефана царю Алексею Михайловичу с подтверждением готовности принять русское подданство и просьбой о помощи и защите // Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. С. 328.

³⁸ № 101. 1658 г. июня 20. Грамота молдавского господаря Григория Гики царю Алексею Михайловичу с выражением дружбы и просьбой предоставить ему в случае необходимости убежища в России // Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. С. 306.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 307.

Убежище Георгию не понадобилось. В дальнейшем членам рода Гика Порты регулярно, особенно в XVIII – середине XIX в., давала посидеть господарями то в Молдавии, то в Валахии⁴¹. Гиков чередовали с другими ставленниками, предпочитая в целом греков-фанариотов.

Итогом такой политики стало выдавливание с постов господарей потомков прежних династий — Басарабов в Валахии и Мушатов в Молдавии. В XVII в. лишь двое из Мушатов, Александр IV Ильяш (1620–1621, 1631–1633) и его сын Ильяш Александр (1666–1668), сумели стать молдавскими господарями⁴². В Валахии заметный след оставили частично связанный происхождением с Басарабами Матвей Басараб и Михня III (1658–1659).

Михня III. Как и Матвей Басараб, Михня III был приведен к власти Портой в контексте крайне неудачной попытки валашского господаря Константина Щербана противостоять крымскому вторжению.

Бедствия Валахии в пору крымского набега и войны Михни III с Константином Щербаном ярко описал очевидец архидьякон Павел Алеппский: «В канун богоявления... пришло из Константинополя известие, что господарь низложен — случай небывалый со времен Матвея воеводы... жители сильно встревожились, а господарь пришел в ярость. Стало известно, наверное, что визирь послал хатти-шериф к хану и татарам, повелевая им идти войной на Молдавию и Валахию. Тогда господарь немедленно разослал каларашей дать знать по всей стране, чтобы люди поднимались... и уходили в горы от татар. Так и было: вся страна пришла в волнение... и селения опустели. Бедные жители! (они должны были бежать) в такой сильный голод и снег. Их положение было достойно слез и рыданий... Все вельможи страны, с общего совета, решили послать прошение визирю, умоляя его простить их, не вводить у них нового обычая и не требовать у них того, что свыше сил их, (обещая) не выходить из повиновения»⁴³.

Тем временем Михня III с османами пошел к Бухаресту и Константин приказал своим войскам зажечь столицу. У Бухареста Константину изменил главнокомандующий его армией, за ним последовали многие и началась полная анархия. Константин у Тырговишта устроил окопы и дал солдатам своим «дозволение разграбить все, что оставалось в Тырговиште... чтобы ничего не осталось неприятелям, но в то время, как они были заняты грабежом и пьянствовали, вдруг явилось около 800 татар... Они напали на валахов, которые при этом совершенно растерялись... бежали от татар, несмотря на свою многочисленность»⁴⁴. Татары, по свидетельству Павла Алеппского, перебили

⁴¹ Сын Георгия, Григорий Гика, был молдавским господарем в 1660–1664 и 1672–1673 гг., а правнук Георгия Григорий II Гика — молдавским господарем в 1733–1735, 1748–1752 гг. и валашским господарем в 1726–1733, 1735–1739, 1739–1741, 1747–1748 гг.

⁴² Бутучел Р. Указ. соч. С. 154.

⁴³ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию... С. 69, 73–74.

⁴⁴ Там же. С. 78.

«всех пехотинцев, которых встретили на дороге и в городе; большинство их были пьяны и несли на спине награбленные вещи. Татары... разграбили город и зажгли. В нем еще оставалась большая часть жителей, запершись в домах, ибо никто не думал, что Константин бежит... Татары захватили здесь множество пленных»⁴⁵. Другой очевидец, молдавский летописец Мирон Костин, писал: «Не дай Боже увидеть еще такой резни и такого кровопролития! Три оврага, заваленные телами людскими и склон Бахлуя до низины устан в три ряда погибшими, как стояли, так и полегли под саблями татарскими... Другие конные, кто куда смог, пустились, кто на Бахлуй, кто к Кырлегатуре, а многие из венгров потонули. Другие, головы сложили уже в ближних лесах»⁴⁶.

Константин Щербан, не вступив в бой, бежал в Трансильванию. Заканчивает рассказ о нем Павел Алеппский следующими словами: «Положение господаря было весьма позорное и постыдное, да не даст Бог насладиться ему миром за содеянное им!»⁴⁷

Одолев с помощью Порты Константина Щербана, Михня III стал помышлять об ослаблении османского ярма, вдохновляясь подвигами своего предка валашского господаря Михая Витязула (1593–1601), участника антиосманской Священной лиги, сумевшего в 1600 г. взять под свою руку все три Дунайских княжества. Михня III даже переименовал себя в Михая. В 1658 г. Михня III отправил в Москву архимандрита Парфения, прося русского протектората. Алексей Михайлович, оставивший без помощи своего «вассала» Георгия Стефана, оставил без внимания и просьбу Михни III.

В конце октября – ноябре 1658 г. валашские силы, опираясь на поддержку Дьёрда Ракоци II, взяли османские крепости Джурджу и Брэилу, разгромили пашей, которые находились подле турецких крепостей на Дунае. Но уже в декабре 1658 г. султан послал крымскую конницу и она разгромила силы Михни III. В 1659 г. господарь бежал в Трансильванию, где и умер 5 апреля 1660 г.

Валашский экс-господарь Константин Щербан. Следуя принципу «разделяй и властвуй», Порта посадила покинувшего Валахию в 1658 г. Константина Щербана господарем в Молдавии. Прежний ее господарь, «вассал» России Георгий Стефан, бежал, а сменивший его было Георгий Гика в силу интриг был переведен в Валахию. Константин Щербан 20 дней был у власти в Молдавии, потом султан заменил его на 16-летнего сына Василия Лупула Стефаницу (1659–1661).

Хотя Дьёрд Ракоци II называл Константина Щербана источником всех бед, он предоставил ему убежище в Трансильвании и даже купил ему замок. Оттуда экс-господарь послал в Москву в августе 1660 г. посольство во главе с Некгаем Степановым с просьбой о покровительстве.

⁴⁵ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию... С. 78.

⁴⁶ Летопись Земли Молдавской: Уроки истории Молдовы от Мирона Костина.

⁴⁷ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию... С. 80.

В архиве Посольского приказа сохранился список с «волоского письма» с тремя главными условиями перехода Константина Щербана вместе «с двумя землями, Мултыанскою и с Молдавскою» в русское подданство:

— «чтоб его царское пресветлое величество указал учинить помощь против неприятелей и врагов-агарян креста святого, которые топщут православных христиан и церкви святые оскверняют, и всякое поругание чинят. <...> Константин воевода... бьет челом... чтоб его царское пресветлое величество // изволил его... с теми землями и с людьми принять под свою государскую высокую руку в вечное подданство...»;

— чтобы прислан был из Москвы от царя боярин для привода к присяге о подданстве России валахов и молдаван, что станет примером для других христианских народов переходить под русское подданство;

— «...и чтоб с тем боярином изволил великий государь ко господарю их послати свое царского пресветлого величества знамя и булаву и иное, что его царское пресветлое величество изволит...»⁴⁸.

Момент Константин Щербан выбрал не лучший. Для России 1658–1660 гг. явились временем больших неудач. Поляки возобновили войну. Гетман Иван Выговский с многими запорожцами России изменил, заключил с поляками 6 сентября 1658 г. Гадячский договор, который мог превратить Речь Посполитую из двуединого государства в триединое. Русское войско было разгромлено под Конотопом 27–28 июня 1659 г.

На обращение Константина Щербана царь в наказе от 10 декабря 1660 г. киевскому воеводе В. Б. Шереметеву велел ответить: «Поскольку Константин Щербан подданный турецкого султана, а у России с Портой мир, он не может принять его под свою руку»⁴⁹. Царь также наставлял воеводу Шереметева, чтобы тот убедил верных России запорожцев не оказывать помощь Константину Щербану, чтобы у России кроме одного врага польского короля не появился еще другой — турецкий султан⁵⁰.

Жесткий отказ не отвел Константина от мысли повторить попытку обращения за подданством к России в 1674 г. уже совместно с молдавским господарем Стефаном Петричейку⁵¹. И хотя Москва на сей раз оговорила с валашским экс-господарем условия (аналогичные проекту договора с Молдавией 1656 г.), но до реального воплощения не дошло. Кстати, как и в двух последующих случаях в 1680-х гг.

Между тем в 1660-е гг. в Подунавье разгорался очередной запутанный и разнонаправленный международный конфликт. В 1661–1662 гг. «началась война в Трансильвании между двумя претендентами на престол: один

⁴⁸ № 106. 1660 г. июля не ранее 16. Статьи («информация») об условиях и порядке принятия Молдавии и Валахии в русское подданство // Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. С. 322.

⁴⁹ Там же. Сноска № 235. С. 400.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 123.

поддерживаемый турками, другой — Габсбургами»⁵². При этом сами Габсбурги не имели возможности контролировать не только антиосманскую «самодеятельность» трансильванцев, но и антиосманские выходки собственных венгров. Подданный Габсбургов Миклош Зрини, представитель знатного и богатого хорватско-венгерского рода, с 1660 г. совершал успешные рейды на османские владения. В результате урегулировать трансильванский конфликт на переговорах с Габсбургами Порты соглашалась только при условии возобновления ежегодных выплат императором 30 000 дукатов в год в компенсацию ущерба, наносимого набегами Зрини⁵³.

Главкомандующий австрийской армии Р. Монтекукколи дал венграм следующую характеристику: «Венгры — народ гордый, беспокойный, переменчивый, ничем не довольный. Они сохранили в себе частично характер скифов и татар, от которых они происходят. Они увлечены свободой, которую понимают как полную распущенность»⁵⁴. Польская шляхта, напротив, как могла симпатизировала венграм.

12 апреля 1663 г. султан Мехмед IV объявил войну Леопольду I, королю Венгрии (с 1655 г.) и императору Священной Римской империи (1658–1705). Османские войска вновь двинулись в Трансильванию через Валахию и Молдавию. Турки сконцентрировали 100-тысячную армию в 160 км от Вены, собираясь, как написал визирь и хранитель печати Хасан Ага, «сбросить с Божьей помощью корону и трон Немецкого императора»⁵⁵. Монтекукколи в 1664 г. разбил османов в битве у местечка, названного в честь святого Готарда. Но заключенный вскоре после боя при Сен-Готарде Варшавский мир вошел в австрийскую историю как позорный. Османские войска были выведены из Трансильвании, но само княжество осталось под властью Порты.

Заключение. Все затронутые нами события подтверждают обоснованность осторожного подхода царя Алексея Михайловича к вовлечению России в дела Дунайских княжеств. Сложность их внутреннего и внешнего положения, ненадежные их союзы между собой и постоянные разлады, частая смена Портой господарей и фактическая деградация государственной центральной власти вместе с упадком военных возможностей княжеств заставляли Россию дистанцироваться от прямого участия в делах Молдавии и Валахии, направляя все силы на решение малороссийского вопроса.

Несмотря на внутренний кризис Османской империи, начавшийся на рубеже XVI–XVII вв., у нее сохранялось достаточно военных средств, чтобы оборонять свои границы, отвоевать у Венеции Крит, успешно удерживать

⁵² Соколов О. В. Битва при Сент-Готарде, 1664 г. // История военного дела: исследования и источники. 2014. Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч. I. 2014. С. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bitva-pri-sent-gotarde-1664-g/viewer>

⁵³ Там же. С. 7.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 21.

вассальные государства Подунавья и даже пытаться расширить свое присутствие в Восточной Европе за счет создания вассального султану гетманства из малороссийских владений Речи Посполитой. В контексте этой реальной угрозы России отвлекаться на эфемерные перспективы подданства Молдавии или Валахии было бы крайне опасно.

Хотя в русской исторической памяти, а также в отечественной историографии утвердился взгляд на якобы приоритетное стремление всех слоев православного населения Дунайских княжеств к единой России, вряд ли такой подход можно считать обоснованным. В середине XVII в. Россия была еще новым и самым слабым из геополитических игроков в Подунавье, хотя бы потому что не имела общих границ с княжествами. В 1658–1660-х гг. из-за начавшейся на Украине Руины, по сути гражданской войны, решение малороссийского вопроса осложнялось и затягивалось. На таком фоне привычка дунайских господарей и значительной части боярства рассчитывать на военную помощь старых оппонентов Порты — Австрии и Речи Посполитой — никуда не исчезала, как и память о том, что они, в отличие от России и в XV–XVI вв., и в XVII в., вводили свои войска для войны с османами и крымцами в Подунавье.

Лавирование между Портой и сопредельными христианскими странами оставалось для Дунайских княжеств способом сохранять свою автономию; обращение за подданством к русскому царю стало лишь способом расширить сферу лавирования.

Становление прорусской партии в политической элите княжеств было спровоцировано успехами России в войне за Украину, но вряд ли можно считать эту партию более влиятельной в сравнении с традиционными проосманской или пропольской партиями боярства.

Не мог не настораживать русское государственное руководство и тот факт, что господа и экс-господа в середине XVII в. (как, кстати, и в последующих прецедентах, случившихся в 1674 и в 1680-е гг.) обращались к России в последнюю очередь, в ситуации крайней нужды или уже потеряв трон, а церковное руководство Дунайских княжеств в проектах договоров о вхождении Молдавии или Валахии в Российское княжество не желало оказаться под властью Московского патриарха.

С другой стороны, случившееся впервые в 1650-е гг. символическое противопоставление Москвы Порте в качестве возможного протектора православных Дунайских княжеств было вполне приемлемым действием не только для подъема международного престижа российской короны, но и как вспомогательного направления для постепенной подготовки России к решению важнейшей для нее стратегической задачи вытеснения османского геополитического присутствия в Северном Причерноморье и в Приазовье.

Литература

1. Бутучел Р. Григоре Уреки и Мирон Костин — летописцы XVII в. о молдавской идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 1. С. 151–157.

2. Василик В. Дипломатические отношения Русского государства с Дунайскими княжествами в XV–XVIII в.: традиции и тенденции // Русин. 2011. № 1 (23). С. 61–68.
3. Достян И. С. Балканские народы и международные отношения в Юго-Восточной Европе (до 60-х гг. XVII в.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 1. / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 242–265.
4. Жеребкин М. В. Логика намерений и логика обстоятельств в действиях гетмана Богдана Хмельницкого // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 2 (46). С. 1–7.
5. Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1964. 440 с.
6. Мохов Н. А. Очерки истории молдавско-руско-украинских связей. (С древнейших времен до начала XIX века). Кишинев: Штинница, 1961. 214 с.
7. Петкевич К. Украина на перепутье: Казацкое государство в XVII в. // История и современность. 2005. № 2. С. 35–63.
8. Поп И.-А., Болован И. История Румынии / пер. с рум.: В. Взратик, В. Н. Мищенко, Н. Н. Чуканова. М.: Весь мир, 2005. 678 с.
9. Семенова Л. Валахия и Молдавия в системе Османской империи (к истории происхождения текстов «капитуляций») // Русин. 2011. № 2 (24). С. 131–139.
10. Семенова Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV - начало XIX вв. Очерки внешнеполитической истории. М.: Индрик, 2006. 400 с.
11. Семенова Л. Е. Русско-валашские отношения конца XVII – начала XVIII вв. М.: Наука, 1969. 167 с.
12. Стати В. История Молдовы. 2-е изд., доп. и отред. Кишинев: Arva Color, 2014. 482 с.
13. Флоря Б. Н. Россия и Дунайские княжества в 1674 г. // Вестник славянских культур. 2015. № 1 (35). С. 122–129.

Reference

1. Butucel R. Grigore Ureki i Miron Kostin – letopistsy XVII v. o moldavskoi identichnosti [17th century Moldovan chronics' writers about Moldovan identity] // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2014. № 1. P. 151–157. (In Russ.).
2. Vasilik V. Diplomaticheskie otnosheniia Russkogo gosudarstva s Dunaiskimi kniazhestvami v XV–XVIII v.: traditsii i tendentsii [Diplomatic relations of the Russian state with the Danubian principalities in the 15th–18th centuries: traditions and trends] // Rusin. 2011. № 1 (23). P. 61–68. (In Russ.).
3. Dostyan I. S. Balkanskie narody i mezhdunarodnye otnosheniia v Iugo-Vostochnoi Evrope (do 60-kh gg. XVII v.) [Balkan peoples and international relations in South-Eastern Europe (before the 1660s)] // Osmanskaia imperiia i strany Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy v XVII v. Ch. 1. [The Ottoman Empire and the countries of Central, Eastern, and Southeastern Europe in the 17th century. Part 1] / responsible editor: G. G. Litavrin. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 1998. P. 242–265. (In Russ.).
4. Zherebkin M. V. Logika namerenii i logika obstoiatel'stv v deistviiakh getmana Bogdana Khmel'nitskogo [Balkan peoples and international relations in South-Eastern Europe (before the 1660s)] // Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo

gosudarstvennogo universiteta [Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University]. 2018. № 2 (46). P. 1–7. (In Russ.).

5. Mokhov N. A. Moldaviia epokhi feodalizma [Moldova in the feudal era]. Kishinev: Kartia Moldoveniaske, 1964. 440 p. (In Russ.).

6. Mokhov N. A. Ocherki istorii moldavsko-russko-ukrainskikh svyazei (S drevnei-shikh vremen do nachala XIX veka) [Essays on the history of Moldavian-Russian-Ukrainian relations. (From ancient times to the beginning of the 19th century)]. Kishinev: Shtinnitsa, 1961. 214 p. (In Russ.).

7. Petkevich K. Ukraina na pereput'e: Kazatskoe gosudarstvo v XVII v. [Ukraine is at a crossroads: the Cossack state in the 17th century] // Istoriia i sovremennost' [History and Modernity]. 2005. № 2. P. 35–63. (In Russ.).

8. Pop I.-A., Bolovan I. Istoriia Rumynii [History of Romania] / translation from Romanian: V. Vzratik, V. N. Mishchenko, N. N. Chukanova. Moscow: Ves' mir, 2005. 678 p. (In Russ.).

9. Semenova L. Valakhiiia i Moldaviia v sisteme Osmanskoi imperii (k istorii proiskhozhdeniia tekstov «kapituliatsii») [Wallachia and Moldova in the Ottoman Empire (on the history of the origin of the texts of “capitulations”)] // Rusin. 2011. № 2 (24). P. 131–139. (In Russ.).

10. Semenova L. E. Kniazhestva Valakhiiia i Moldaviia. Konets XIV – nachalo XIX vv. Ocherki vneshnepoliticheskoi istorii [Principalities of Wallachia and Moldavia. Late 14th – early 19th centuries. Essays on foreign policy history]. Moscow: Indrik, 2006. 400 p. (In Russ.).

11. Semenova L. E. Russko-valashskie otnosheniia kontsa XVII – nachala XVIII vv. [Russian-Wallachian relations of the late 17th – early 18th centuries]. Moscow: Nauka, 1969. 167 p. (In Russ.).

12. Stati V. Istoriia Moldovy [History of Moldova]. 2nd edition, expanded and edited. Kishinev: Arva Color, 2014. 482 p. (In Russ.).

13. Florea B. N. Rossiia i Dunaiskie kniazhestva v 1674 g. [Russia and Danubian principalities in 1674] // Vestnik slavianskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]. 2015. № 1 (35). P. 122–129. (In Russ.).

Научная статья

УДК 930/94(47)“1”

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-26-38

Исаков Владимир Алексеевич

доктор исторических наук, профессор

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

isakov-va@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-7804-990X>

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. Одной из сложнейших задач при изучении различных исторических процессов является выяснение проблем, связанных с особенностями национального характера, которые влияют на эти процессы и одновременно сами являются производными от этих же процессов. Тема статьи актуальна как в академическом разрезе в силу малоизученности, так и исходя из геополитических реалий. Украинский национальный характер сформировался под воздействием географических и природно-климатических факторов благодаря принадлежности к восточнославянскому миру, соседству с тюркским пространством, степными кочевниками, католическими странами и западными славянами, и это далеко не полный перечень обстоятельств влияния. *Цель настоящей статьи* — рассмотреть, используя историко-генетический метод и метод логического анализа, воздействие на процесс формирования украинского национального характера фактора запорожцев. Их военная деятельность, отношение к православию, к государственной власти, к союзникам, формула внутренней повседневной жизни, самоидентификация, образ оптимального общественного устройства — все это проецировалось на умонастроение малороссов и едва ли не решающим образом влияло на оформление национального характера, с которым приходится иметь дело в нынешней ситуации.

Ключевые слова: запорожцы, формирование, православие, Мазепа, казаки, Дикое поле, походы, служба.

Для цитирования: Исаков В. А. К вопросу о формировании украинского национального характера // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 26–38. <https://doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-26-38>

Original article

UDC 930/94(47)“1”

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-26-38

Isakov Vladimir A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

isakov-va@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0001-7804-990X>

ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF THE UKRAINIAN OF A NATIONAL CHARACTER

Abstract. One of the most difficult problems in the study of various historical processes is to clarify the issues related to national characters that influence these processes and at the same time are themselves derived from the same processes. The topic of the article is relevant both in the academic context due to the lack of knowledge, and based on the geopolitical realities. The Ukrainian national character was formed under the influence of geographical and climatic factors, belonging to the East Slavic world, proximity to the Turkic space, steppe nomads, Catholic countries, and Western Slavs, and this is not a complete list of circumstances of influence. The purpose of this article is to examine, using the historical and genetic method and the method of logical analysis, the impact on the formation of the Ukrainian national character of the factor of the Zaporozhians. Their military activities, their attitude to Orthodoxy, to state power, to the allies, the formula of their inner daily life, self-identification, the image of an optimal social structure — all this was projected onto the mentality of the Little Russians and almost decisively influenced the formation of the national character that they have to deal with in the current situation.

Keywords: Zaporozhians, formation, Orthodoxy. Mazepa, Cossacks, Wild field, hiking, service.

For citation: Isakov V. A. On the issue of the formation of the Ukrainian of a national character // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 2 (58). P. 26–38. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-26-38>

Одной из сложных проблем в изучении истории является выяснение факторов, повлиявших на формирование национального характера и его финальное, т. е. современное, содержание. Очевидно, что тема эта непростая и масштабная. В настоящей статье предпринимается скромная попытка наметить некоторые черты украинского характера. Даже перечислить все факторы, повлиявшие на этот процесс, достаточно сложно. Географическое положение, природа, соседи, миграционные потоки, исторические обстоятельства и многое другое. Мы судим по тому, что видим сейчас, а формирование национального характера занимает столетия. На этот процесс, несомненно, наложилась также история запорожского казачества, которое «ис-кони веков своего существования считало себя хранителем народно-казацких

начал не только в одном Запорожье, но и всей Малороссии»¹. «Малороссийская масса всегда обращала свои взоры к Запорожью, к голосу запорожцев чутко прислушивались как простые казаки, так и вся малороссийская чернь»². Автор этих слов Дмитрий Иванович Яворницкий был авторитетнейшим знатоком и исследователем запорожского казачества. Труды его не потеряли значения до сегодняшнего дня и содержат огромное количество источников. Требуется сделать уточнение, что речь идет о той группе украинского населения, которая была базовой — о малороссах. Но вопрос этот дискуссионный. Евгений Терещенко считает, что можно говорить об особенном украинском характере, особой культурной нации, «чтобы изучить этот характер и иметь о нем представление, нужно жить на правом берегу Днепра, в центре и на западе Украины, ибо наблюдать его в крупных городах юго-востока страны, с ничтожным количеством представителей украинской культурной нации, сложно»³.

Логичным представляется для начала затронуть хотя бы в общих чертах проблему возникновения казачества и его характеристик, и не только запорожского, поскольку процессы на берегах Днепра и Дона с их притоками, на Волге, Яике были во многом сходны.

Степь никогда не была пустынным местом. Помимо кочевых народов это пространство служило убежищем для разного рода беглого люда: рабов, преступников, изгоев, отбившихся воинов, дезертиров, неприкаянных, крепостных крестьян и прочих. Л. Н. Гумилев считал, что «в конце XI и начале XII в. в родовых общинах стали все чаще появляться юноши, которых режим воинствующей посредственности тяготил настолько, что они бросали юрты своих родителей и уходили в горы и пустыни. Их называли “людьми длинной воли” или “свободного состояния”»⁴. По сути, это одна из составляющих будущего казачества, заряженная предельно динамично на отрицание прежнего уклада жизни и нацеленная на новую формулу существования. Но требовались дополнительные характеристики, чтобы затеплился этот процесс.

Степь давала возможность укрыться, но шанс выжить был невелик. Некоторые характеристики казаков, выработавшиеся в ходе этой эпопеи укоренения и выживания, были очевидны. Только при определенной социальной и военной организации, при достаточной физической силе и выносливости такой шанс появлялся. И тогда из гонимых эти группы превращались в атакующих. Их шансы на успех увеличивались при условии объединения и прекращения вражды между ватагами беглецов. А это уже был процесс формирования войска, который занял не одно десятилетие, что у запорожцев, что у донских казаков, тем более что часто донцы перебирались к запорожцам, а те — на Дон. Очевидно, что в одиночку выжить было невозможно. Требовалась групповая

¹ Яворницкий Д. И. Історія запорозьких козаків. В трьох томах. Київ. 1990. Т. 3. С. 288.

² Там же. С. 292.

³ Терещенко Е. Об украинском национальном характере. 2016. URL: <https://proza.ru/2016/02/22/1717>

⁴ Гумилев Л. Н. Черная легенда: друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С. 24.

солидарность и взаимопомощь. Требовался понятный и добровольно принятый порядок власти и жизни: казачий круг (собрание), выборы, дисциплина.

Бежавшие по разным причинам из разных мест постоянного проживания люди стремились оказаться на территории, где над ними не было бы никакой власти. Это было пространство Дикого поля. Почему бежали, когда особенно интенсивно бежали — это вопросы, ответы на которые породили разные гипотезы генезиса казачества, и окончательного ответа пока нет. Формула «сбрел в степь, сшел в казаки» касалась разных сословий и разных стран. Затем начался процесс «козацства на поле»⁵. Генезис казачества не является предметом настоящей статьи. Автор склоняется к варианту, сформулированному А. В. Соповым: «Адекватный ответ о происхождении казаков состоит не в выборе между различными версиями автохтонной и миграционно-колониционной теориями, но в их доброкачественном синтезе»⁶.

Несомненно, это были люди чаще всего молодые, решительные, сильные, не обремененные семьями и стариками. Удадь была их характеристикой и фатализм был их философией: убьют так убьют, а, может, выживешь и будешь свободен.

Безгосударственность была отличительной особенностью их социального устройства. Все они бежали от государства, польско-литовского, русского, крымского, турецкого. Бежали от ногайских, черкесских и калмыцких владык. Бежали, чтобы никогда более не оказаться под чьим бы то ни было гнетом. А история постоянно ставила их перед выбором: подчинение или свобода. Анархии не было, но временами вольница была страшная; многие атаманы, провинившиеся перед казаками, кончали жизнь в мешке с камнем на шее. Та же участь ожидала воров, дезертиров и редких предателей. Как пишет исследовательница, «помимо воровства, смертная казнь, по казацким обычаям, предусматривалась за такие преступления, как убийство, прелюбодеяние, скотоложство, мужеложство, грабеж, разбой, гайдамачество, оскорбление войсковыми старшинами членов общины, посягательство на неприкосновенность сечевого имущества, пьянство во время похода, трусость и проигрыш старшиной сражения»⁷. Самоуправление в наибольшей степени отвечало практическим потребностям казаков: решения принимались быстро и быстро же реализовывались.

В Диком поле беглецы жались к рекам. В открытой степи составить конкуренцию кочевникам было нереально. Потребовалось длительное время, прежде чем казаки стали наездниками, равными степнякам. Не зря были среди них и беглецы из среды кочевников. Изначально проверенным средством передвижения казаков в походах были быстрые ладьи (чайки), сохранявшиеся едва ли не всю историю запорожцев.

⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть III. М., 1988. С. 99.

⁶ Сопов А. В. Современные научные концепции происхождения казачества // Новые технологии: сб. научных трудов МГТУ. Майкоп, 2006. С. 68.

⁷ Паришина Н. В. Применение смертной казни как вида наказания в Запорожском казачьем войске (XVI–XVIII вв.) // Вестник российского университета кооперации. 2021. № 3 (45). С. 137.

Будущие запорожцы впервые приглядели место за днепровскими порогами еще в конце XV в. Враг не мог подобраться к островам незамеченным, а далее за ними начинался большой луг — пространство более чем на 400 квадратных километров с бесконечными протоками, кустарником, камышами и заливными дугами. Было изобилие рыбы и дичи.

Основой экономики поначалу было рыболовство, охота, звероловство, скотоводство, бортничество, соледобыча, мелкий грабеж⁸. Затем, по мере обретения силы, — масштабные походы за добычей и торговля этой добычей. А для этого требовались связи с соседними поселениями, русскими, польскими, крымскими, с кочевыми ордами. В итоге походы за добычей и доходы от ее сбыта стали основным источником существования запорожцев, что не могло не отразиться на их характере и отношении к производительному хозяйству.

В степь люди бежали постоянно. Процесс усилился по мере роста эксплуатации крестьянства, славян становилось все больше. Но этническое многообразие все равно поражает: русские, малороссы, татары, поляки, ногайцы, молдаване, евреи, турки. Случалось, что судьба заносила сюда и западноевропейцев. И не сказать, что славяне преобладали абсолютно. Тарас Ковалец пишет, что «этническое происхождение абсолютного большинства имен упомянутых в источниках 20–30-х годов XVII в. казаков можно трактовать как восточнославянское. Вместе с тем в среде запорожцев были люди разных народностей. Кроме украинцев, белорусов и россиян традиционно очень мощным в запорожском подразделении был татарский элемент»⁹. Очевидно, что проблема национального состава требует дальнейшего изучения.

Однако очевидно, что если возможность вступить в запорожское братство могла быть реальной только после крещения или подтверждения христианского (православного) вероисповедания претендента, то можно предположить, что славянский элемент был основным и лидирующим изначально. Это же обстоятельство подводит к мысли о том, что православные славяне были в начале процесса. В середине XVII столетия их было чуть больше трети, а представителей мусульманских народов чуть больше четверти, остальных чуть больше одной пятой¹⁰. Это обстоятельство признается исследователями: «Казакам на всех этапах существования была свойственна терпимость как национальная, так и конфессиональная, большинство являлось носителями византийской веры. Важно понимать, что процесс образования казачества был долгим и сложным, и вероятно, в основе его были смешаны представители разных этносов. Внешние признаки казаков практически однозначно указывают на то, что они — продукт смешивания различных народностей (остатки

⁸ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 98–103.

⁹ Ковалец Тарас. «Этот род человеческий пестрый из разных наций...»: этническое лицо запорожского войска в 20–30-х гг. XVII в. // Русин. 2013. № 2 (32). С. 68.

¹⁰ Семченко И. В., Радченко Л. А. История Украины с древнейших времен до наших дней. 3-е изд., испр. и доп. Харьков, 2003. С. 100.

германских, славянских, арийских, кавказских и других)»¹¹. Таким образом, национальная терпимость была обязательной характеристикой в Запорожской Сечи, чего не скажешь о ее нынешних наследниках. Даже свирепые еврейские погромы, осуществляемые запорожцами, не мешали принимать в казаки представителей еврейского народа, соглашавшихся перейти в православие, иногда под давлением обстоятельств. Еврейское происхождение имеет заметное количество казачьих фамилий, например, Перехрист, Герцык, Жидок, Юдин. А погромы, несмотря на заметный процент евреев, примкнувших к запорожцам и перешедших в православие, были жесточайшие, системные и далеко не спорадические: «Вопрос о том, сколько евреев погибло и сколько уцелело в 1648 году, породил множество дискуссий среди историков. Проблема заключается в несоответствии теоретических оценок тому, что зафиксировали современные события хроник. В настоящее время большинство историков называют цифру 40 тысяч евреев. Несмотря на то, что эти данные получены теоретическим путем, многое говорит об их достоверности»¹². Масштабность еврейских погромов подтверждают современные украинские авторы, но выводят их причины из предыдущей жестокой деятельности евреев-арендаторов¹³.

Проблемным было соседство с крымскими татарами и османскими турками. С ними воевали, их грабили в походах. А грабили запорожцы все окрестные народы, невзирая на национальность и веру, в том числе и православных греков, молдаван, русских, белорусов, болгар. Этнорелигиозная терпимость внутри войска не распространялась вовне. Это была общеизвестная характеристика запорожцев. Об этом писали исследователи их истории и свидетельствуют источники. Знаток истории запорожских казаков П. А. Кулиш писал в этой связи: «Наши малорусские повести, драмы, поэмы, лирические стихотворения, относящиеся к прошедшему, исполнены детского лепета о той славе, которою гордились казаки, эти безрассудные и беспощадные опустошители соседних стран, не только иноплеменных, но и родственных им по племени и по православной вере. ...Мы придали разгульным добытчикам обоих берегов Днепра значение патриотов или защитников гонимой веры. И, сохранив еще в самих себе дикие инстинкты родной старины, прославляли как нельзя усерднее подвиги, не имевшие никакой гуманной цели»¹⁴. В. О. Ключевский по сути написал то же самое: «Ни до чего другого, кроме добычи, казакам не было дела»; «набеги на соседние страны назывались тогда на Украине “казацким хлебом”»¹⁵. На сегодняшний день такой нюансированный оценочный подход встречается редко. Практически общепризнанным является факт

¹¹ Гетманцева Т. А. Гипотезы происхождения казачества // Молодой ученый. 2017. № 12 (146). С. 449.

¹² Лев Израилевич. Кровавый гетман. URL: <https://proza.ru/2013/08/01/1933> (дата обращения: 25.05.2025).

¹³ Семченко И. В., Радченко Л. А. Указ. соч. С. 128–129.

¹⁴ Кулиш П. А. Материалы для истории воссоединения Руси. Т. 1: 1578–1630. М., 1877. С. VII.

¹⁵ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 103.

стойкой защиты православной веры запорожцами, и он выдвигается на первый план. Об этом пишут современные авторы. Так, С. Дроздовски отмечает у запорожцев «непреклонность в защите интересов православной церкви»¹⁶. Можно вспомнить эталонные слова Тараса Бульбы о верности православной вере. Но таким же бесспорным фактом было то, что запорожцы легко шли против православных народов и православного Российского государства. Этот сюжет почему-то уходит на задний план. Все внимание уделяется усилиям запорожцев по защите православной веры в своем пространстве и в своей среде. С. Дроздовски пишет, что на конвокационном сейме Речи Посполитой осенью 1632 г. и элекционным сейме в марте 1633 г. запорожцы свое участие в войне против православного Московского государства обусловили уступками им со стороны польских властей в плане «успокоения греческой религии», т. е. признания прав православной церкви Польско-литовским государством, что и было в основном проделано¹⁷. Мировосприятие запорожцев допускало такое: рьяно отстаивать свое право на православное вероисповедание и вести военные действия против православных в иных местах. Это явление прослеживалось гораздо раньше начала 1630-х гг.

Источники показывают, что запорожцы не только грабили. В Баркулабовской летописи содержатся сведения о том, как запорожцы в Белоруссии убивали, насиловали, уводили в плен, а затем захваченных продавали, «тут на Руси Полоцку великую шкоду чинили», «запорожцы великую шкоду чинили, а место славное Витебск завоевали, злата-серебра множество побрали, мещан учтивых порубали... Горше злых неприятелей, албо злых татар», — написал свидетель этих событий рубежа XVI–XVII вв., белорусский священник Федор Филиппович¹⁸. «Великую силную шкоду по селам по местах чинили: жонки, девки и хлопята з собою много брали. Так же коней много з собою побрали»¹⁹. В летописи описываются подвиги национального героя Украины Северина Наливайко: «Лета божого нароженья 1595, месяца ноября 30 дня в понедело[к] за тыдень пред святым Николою, — Севериан Наливайко; при нем было козаков 2000, дел 14, гаковниц. Место славное Могилев, место побожное, дома, крамы, острог выжгли, домов всех яко 500, а крамов з великими скарбами 400. Мещан, бояр, людей учтивых так мужей, яко и жон, детей малых побили, порубали, попоганили, скарбов теж незличонных побрали с крамов и з домов»²⁰.

Разнузданность по отношению к пленным любой национальности отмечали все современники. В 1575 году запорожцы вторглись в Крым, разграбили

¹⁶ Дроздовски М. Р. Проблема православия и церкви. Запорожские казаки в борьбе за свободу вероисповедания в период конвокации, элекции и коронации Владислава IV // Петербургский исторический журнал. 2017. № 1 (13). С. 87.

¹⁷ Там же. С. 86–87.

¹⁸ Баркулабовская летопись // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 312.

¹⁹ Там же. С. 314–315.

²⁰ Там же. С. 306.

и сожгли много поселений, мужчинам выкалывали глаза, а женщинам отрезали груди. Насиловали малолетних. А затем запорожцы строили церкви, уходили в монастыри, если доживали до старости, делали им богатые пожертвования. Надеялись, что Господь, ухватившись за оселедец, вытащит их из ада.

Особенность современной историографии в том, что, как пишут исследователи, «характерной чертой мировоззрения запорожского казачества была глубокая преданность православной вере, что оказывало значительное влияние на их быт и традиции. Сечь обоснованно называли “христианской казацкой республикой”. Религиозный вопрос на территории Запорожья издавна имел особое значение»²¹. Но требуется обратить внимание на приведенные выше примеры, касающиеся православных за пределами проживания Запорожского войска. Надо помнить и о том, что значительная часть запорожцев была из татар, поляков, евреев, турок, православными они стали совсем недавно²². Ключевский цитирует православного русского пана Адама Ковалю, по мнению которого казак «в религиозном отношении более похож на татар, чем на христиан. И Ключевский добавляет: «Казак оставался без всякого нравственного содержания»²³.

Запорожцы практически одновременно с донскими казаками узнали, что такое государственная служба. Польский король для обуздания казацкой вольницы с начала 1570-х гг. начал зачислять часть казаков в реестр и платить жалованье за охрану рубежей. Этим действием запорожцев разделили. Реестровые становились элитой. Донцы же сначала получали жалованье за отдельные акции (разведку, сопровождение и охрану послов), а в начале XVII в. уже все без исключения получали жалованье натурой на все войско (зерном, мукой, порохом, свинцом, сукном, вином).

Большинство запорожцев, за исключением «зимовых», или «сидней», «гнездюков», имевших хозяйство, семью и снабжавших Сечь продуктами (Тарас Бульба), брезговало любой продуктивной деятельностью, признавая только грабеж. Награбить, сбыть, пропить-прогулять и вновь отправиться в поход. Не зря Кулиш обоснованно назвал их «безрассудные и беспощадные опустошители соседних стран», «разгульные добытчики обоих берегов Днепра».

Для власти царской и польской долгое время запорожцы и донцы создавали проблемы своими походами на Крымские владения, доходя даже до турецких берегов — до Константинополя, Синопа, Трапезунда, Варны. В последней запорожцы устроили резню болгарского православного населения. Власти, и польские, и московские, отреклись от казаков, мол, не наши люди. В 1538 г. на жалобу крымцев пришел из Москвы ответ: «И те люди, — писали княжеские дипломаты, — как вам тати и разбойники, так и нам тати и разбойники»,

²¹ Гавришева А. А., Шерстобитова Н. А. Традиции и быт запорожских казаков // Шаг в науку. 2021. № 1. С. 45.

²² Ключевский В. О. Указ соч. С. 105.

²³ Там же.

«на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят»²⁴.

Иногда все же запорожцы могли и снисходительность проявить. В 1616 г. взяли Кафу (Феодосию) и освободили христианских пленников²⁵. Чуть ранее, во времена Смуты, запорожцы пришли на Русь с поляками Лжедмитрия и показали в полной мере свой страшный нрав. А чуть позднее, в 1618 г. гетман Сагайдачный пошел на помощь королевичу Владиславу под Москву, по дороге захватывая, разоряя и сжигая многие русские православные города, в частности Путивль, Ливны, Елец, Лебядин, Данков, Скопин, Рязск, Романов, Касимов, Бронницы и Каширу, «истребив в них много мужчин, женщин и детей и предав огню несколько церквей и монастырей»²⁶. Как отмечает Д. Шарко, «“запорогов” московские летописцы называли “змии люты и волцы хищницы”». Это была заслуга Петра Конашевича Сагайдачного (1577–1622)». В финале похода Сагайдачный был разбит князем Пожарским²⁷.

Но если ситуация складывалась иначе, то, ведомые своими вождями, запорожцы шли воевать вместе с москвитями против турок и крымчаков. Они были в составе русской армии в Чигиринских походах на турок (1677–1678), а также в Крымских (1687, 1689) и Азовских (1695–1696).

Упомянутый гетман Сагайдачный вскоре после неудачного похода в Россию, закончившегося поздней осенью 1618 г., лишенный поляками гетманского звания, уже в марте 1620 г. попросился с войском Запорожским в российское подданство. «Посланцы говорили, что гетман, атаманы и все войско, памятуя то, как прежде их, все запорожское гетманы и все войско прежним великим государям повинность чинили и им служили и за свои службы милость и жалование себе имели, так в той же повинности и ныне хотят быть»²⁸. Похоже, проблемы морального характера не волновали ни казацкую старшину, ни большинство рядовых казаков. Прощение было отклонено. В этой связи можно предположить, что для формирования национального характера существенна еще одна черта — воевать против, а затем попроситься в союзники с обязательной соответствующей оплатой.

Значение имело то, насколько силен или слаб был очередной союзник. Но если запорожцы чувствовали над собой железную руку, то повиновались беспрекословно. И становился очевидным процесс переориентации на сильного соседа. Это повторялось многократно, о чем пишут исследователи: «В невероятно тяжелых и жестоких условиях беспощадной национально-освободительной и гражданской войны (Руины) происходил переход

²⁴ Савельев Е. П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. Новочеркасск, 1915–1916. Ч. 2. С. 217.

²⁵ Яворницкий Д. И. Указ. соч. С. 149.

²⁶ Там же. С. 150–151.

²⁷ Шарко Дмитрий. Как запорожцы вместе с поляками резали москалей. 2019. URL: <https://stihi.ru/2019/01/31/5901> (дата обращения: 25.05.2025).

²⁸ Яворницкий Д. И. Указ. соч. С. 153.

днепровских казаков Гетманщины на московскую службу. Эта война, как и всякая гражданская война, сопровождалась многосторонней военной интервенцией. Процессу сопутствовала непрерывная череда измен, предательств и перебежек казачьих гетманов и шляхты вместе с войсками к разным участникам конфликта»²⁹.

Принципиально и жестко отношения Российского государства с Запорожским войском были установлены Петром I в непростой период вторжения Карла XII в Малороссию, измены гетмана Мазепы, брожения и раскола в среде запорожцев. Значительная часть казаков осталась верна русскому царю, кто-то даже перешел в армию на русскую службу. Царь выполнил все свои финансовые обязательства перед Запорожским войском, но предательство состоялось³⁰.

С непокорными расправились жестоко. Царь Петр был непреклонен: «И ту всю вашу неверность и противность видя, указали мы, великий государь, постлатъ на вас войска свои, дабы привести вас к покорению, а буде явитесь противны, то поступать с вами, яко с изменниками без пощады». Сечь была разгромлена, «разорена и скрыта до основания»³¹. Царь был удовлетворен таким исходом и написал Меншикову, что получил «письмо о разорении проклятого места, которое корень зла и надежда неприятелю была» с превеликой радостью. Это был, по его словам, «последний корень Мазепин»³².

В следующем письме к уже поверженным запорожцам царь упрекал их во «всегдашних своевольствах и шаткостях и непослушаниях», в том, что даже при временной покорности «никогда не оставляли злобного своего умысла» и не желали малороссийскому краю «мирного покоя и тишины»³³. Монарх требовал однозначного повиновения, без чего невозможен был военный успех, и действовал единственным понятным и признаваемым запорожцами методом — силой. Этот метод действовал и впредь, вплоть до окончательной ликвидации Запорожской Сечи Екатериной II. В Русско-турецкую войну 1787–1791 гг. в Малороссии собрали оставшихся после переселения на Кубань казаков и послали их воевать против турок, с которыми шли запорожцы, сбежавшие за Дунай (Задунайская Сечь). Командовал процессом Григорий Потемкин, настроенный добиться полного повиновения и добившийся его.

Около 300 лет существовала Сечь и семь раз меняла местоположение. Хортица была началом истории запорожцев, а потом приходилось постоянно переезжать, обустраиваться, налаживать структуру жизни. Менялись и иные обстоятельства. Но всегда созидательная повседневная деятельность ими едва ли не презиравалась. В такой среде идея собственной государственности,

²⁹ Волгин Сергей. Измена Мазепы и погром казачьих вольностей царем Петром // Военное обозрение: сайт. URL: <https://topwar.ru/33994-izmena-mazepy-i-pogrom-kazachih-volnostey-sarem-petrom.html> (дата обращения: 25.05.2025).

³⁰ Яворницкий Д. I. Указ. соч. С. 331.

³¹ Там же. С. 331.

³² Там же. С. 332.

³³ Там же. С. 333.

как об этом пишут некоторые историки³⁴, вряд ли могла осуществиться. Но тезис о «казачьей государственности» не нов. В разной редакции, например, о «попытке создать вассальную государственность на базе вооруженных сил казачества» в 1648–1676 гг., а затем о «кризисе казачьей государственности» пишут В. И. Семченко и Л. А. Радченко³⁵.

Идея государственности в запорожской среде так и не прижилась. Запорожцы были лидерами национально-освободительной борьбы поневоле, считал Ключевский: «Неистоимо комплектуясь из накопившейся массы, Запорожье сделалось очагом, на котором заваривались казацкие восстания против самой Речи Посполитой»³⁶. Инициатива оставалась за запорожцами, но максимальное достижение — приткнуться к сильному соседу — Польше, России, Турции. Как считает Р. Ключник, Хмельницкий «не хотел создать свое независимое суверенное государство, — он желал добиться более хороших условий жизни в рамках Польши»³⁷.

Специалисты спорят: чем и кем была Запорожская Сечь — военно-монашеским орденом, казацкой республикой, системой вольницы, подобной пиратским сообществам? Но точно не государством. Хотя еще в 1576 г. король Стефан Баторий даровал казакам право на войсковое устройство, а атаману — гетманские регалии. Но ничего из этого не получилось. Ключевский уточняет: «Международное положение Малороссии деморализовало эту сбродную и бродяжную массу, мешало зародиться в ней гражданскому чувству». Казачество состоялось как вариант антигосударственного уклада в форме «военно-промышленного товарищества»³⁸, что в исторической перспективе оказалось тупиком. Вождем запорожцев идеалом виделось казацкое правление, «целость всей Украины», они ратовали «за вольность городовых казаков» и «благо малороссийской черни» в Малороссии и «так называемые казацкие права и вольности» для Запорожского войска без вмешательства Москвы и Польши. При этом, по мнению Яворницкого, «вся простая масса тянулась к московскому царю», «в нем видели залог исторического бытия своего»³⁹. И если случались периоды брожения, неустойчивости, и запорожцы под воздействием вождей подумывали, как они писали в письме к Мазепе, «отдаться под протекцию, опеку и оборону найяснейших королей их милостей шведского и польского», то не забывали потребовать гарантий «стародавних прав и вольностей»⁴⁰. О самостоятельном политическом бытии речь не шла. В том же письме казаки заявляли: «Мы, войско запорожское, отдалившись от царя московского, желаем знать, под кем будем жить и кого себе за верховнейшего пана иметь и чтобы

³⁴ Таирова-Яковлева Т. Г. Гетманы Украины. Истории о славе, трагедиях и мужестве. М., 2011.

³⁵ Семченко И. В., Радченко Л. А. Указ. соч. С. 125.

³⁶ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 102–103.

³⁷ Ключник Роман. От Петра I до катастрофы 1917 г. СПб., 2008. С. 23.

³⁸ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 104–105.

³⁹ Яворницкий Д. И. Указ. соч. С. 291, 288, 289.

⁴⁰ Там же. С. 297.

нам права и вольности и клейноты войсковые и иные дачи получать»⁴¹. Поневоле став лидерами национально-освободительной борьбы — «обстоятельства навязали религиозно-национальное знамя»⁴², церковь была в кризисе, а украинская шляхта расколота — запорожцы, оказались во главе многослойного противоречивого процесса, в который вовлечено было основное население Малороссии. «Крестьяне все пошли в казаки», — писал С. М. Соловьев⁴³. Но и совокупность этих обстоятельств не послужила процессу образования государства. Цели виделись иные.

Эта историческая хромота и политическая наивность проявляются и сейчас. «Протекция, оборона и опека», предоставляемые под залог экзистенциального характера, к успеху привести не могут. Украинское государство представляется следствием казацких формул бытия. Только силовой вариант в крайней форме, какой Украина уже проходила, может вывести ее на нормальные отношения с Россией, даже на союз. Этого единства Запад боится больше всего.

Черты национального характера, в формирование которых солидную лепту внесли запорожцы, сказывались на истории Малороссии-Украины долгое время. Это постоянные метания в поисках надежного куратора для «протекции, опеки и обороны», жадность до подачек, ненадежность по отношению к союзникам. Жестокость по отношению к православным народам, даже к близким славянам — русским, белорусам, болгарам. Отсутствие моральных устоев и легкость предательства прежде всего элиты проявлялись многократно. Все это просматривается и сегодня.

Положительное и достойное уважения тоже следует знать и помнить и изучать. Это несомненные высокие боевые качества, самопожертвование, способность переносить тяготы и лишения, демократизм внутреннего устройства, уважение прав каждого казака, готовность бороться за справедливое устройство, даже если оно спорно.

Литература

1. Гумилев Л. Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М.: Экопрос, 1994. 778 с.
2. Дроздовски М. Р. Проблема православия и церкви. Запорожские казаки в борьбе за свободу вероисповедания в период конвокации, элекции и коронации Владислава IV // Петербургский исторический журнал. № 1 (13). 2017. С. 79–90.
3. Ключник Роман. От Петра I до катастрофы 1917 г.: масонские заговоры: декабристов, Сперанского, против Павла, против А. Пушкина. СПб.: СПб СРП «Павел» ВОГ, 2008. 462 с.
4. Ковалец Тарас. «Этот род человеческий пестрый из разных наций...»: этническое лицо запорожского войска в 20–30-х г. XVII в. // Русин. 2013. № 2 (32). С. 62–71. <https://doi.org/10.17223/18572685/32/5>

⁴¹ Яворницкий Д. И. Указ. соч. С. 298.

⁴² Ключевский В. О. Указ. соч. С. 106.

⁴³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. Т. 9–10. М., 1955. С. 571.

5. Паршина Н. В. Применение смертной казни как вида наказания в Запорожском казачьем войске (XVI–XVIII вв.) // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 3 (45). С. 136–139.
6. Сопов А. В. Современные научные концепции происхождения казачества // Новые технологии. 2006. № 1. С. 67–69.7
7. Семченко И. В., Радченко Л. А. История Украины с древнейших времен до наших дней. 3-е изд., испр. и доп. Харьков: Торсинг, 2003. 480 с.
8. Таирова-Яковлева Т. Г. Гетманы Украины. Истории о славе, трагедиях и мужестве. М.: Центрполиграф, 2011. 610 с.

References

1. Gumilev L. N. Chernaia legenda: Druz'ia i nedrugi Velikoi stepi [The Black legend: Friends and foes of the Great Steppe]. Moscow: Ekopros, 1994. 778 p. (In Russ.).
2. Drozdowski M. R. Problema pravoslaviia i tserkvi. Zaporozhskie kazaki v bor'be za svobodu veroispovedaniia v period konvokatsii, elektzii i koronatsii Vladislava IV [In behalf of the Eastern Orthodox Church. The Zaporozhian Cossacks's struggle for religious freedom in the period of King Władysław IV convocation, election and coronation] // Saint-Petersburg Historical Journal. 2017. № 1 (13). P. 79–90. (In Russ.).
3. Klyuchnik Roman. Ot Petra I do katastrofy 1917 g. Maponskie zagovory: dekabristov, Speranskogo, protiv Pavla, protiv A. Pushkina [From Peter the Great to the catastrophe of 1917. Masonic conspiracies: Decembrists, Speransky, against Paul, against A. Pushkin]. St. Petersburg: SPb SRP «Pavel» VOG, 2008. 462 p. (In Russ.).
4. Kovalets Taras. «Etot rod chelovecheskii pestryi iz raznykh natsii...»: etnicheskoe litso zaporozhskogo voiska v 20–30-kh g. XVII v. [“This motley human race from different nations...”: the ethnic face of the Zaporizhian army in the 20s and 30s of the 17th century] // Rusin. 2013. № 2 (32). P. 62–71. (In Russ.).
5. Parshina N. V. Primenenie smertnoi kazni kak vida nakazaniia v Zaporozhskom kazach'em voiske (XVI–XVIII vv.) [The use of the death penalty as a form of punishment in the Zaporizhye Cossack Army (16th – 18th centuries)] // Vestnik of the Russian University of Cooperation. 2021. № 3 (45). P. 136–139. (In Russ.).
6. Sopov A. V. Sovremennye nauchnye kontseptsii proiskhozhdeniia kazachestva [Modern scientific concepts of the origin of the Cossacks] // New Technologies. 2006. № 1. P. 67–69. (In Russ.).
7. Semchenko I. V., Radchenko L. A. Istoriia Ukrainy s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Ukraine from ancient times to the present day]. 3-е изд., испр. i dop. Khar'kov: Torsing, 2003. 480 p. (In Russ.).
8. Tairova-Yakovleva T. G. Getmany Ukrainy. Istarii o slave, tragediiakh i muzhestve [Hetmans of Ukraine. Stories of glory, tragedy and courage]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2011. 610 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-39-48

Маслова Анна Александровна

кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

Москва, Россия

avonavi.anie@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9643-668X

**«НЕЧЕГО НА ЗЕРКАЛО ПЕНЯТЬ...»:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И. С. АКСАКОВА
ОБ АВТОРИТЕТЕ ВЛАСТИ НА СТРАНИЦАХ
ГАЗЕТЫ «МОСКВИЧ» (1867–1868)**

Аннотация. На архивном материале исследуется деятельность И. С. Аксакова в период выхода газеты «Москвич» (1867–1868), которую автор расценивает как неподчинение цензурному распоряжению министра внутренних дел П. А. Валуева. Манифестация виднейшего славянофила против несправедливой системы административных взысканий в отношении печати тем символичнее, что именно на страницах данного органа он подверг критике все направления деятельности силового ведомства. Круг освещенных в этом издании сюжетов раскрывает представления И. С. Аксакова о законности и справедливости. В свою очередь, запрет «Москвича», инициированный в кулуарах правительства, не только нанес удар по авторитету власти, пренебрегающей правовым порядком, но и бросил тень на престиж монархии. Борьба И. С. Аксакова с цензурным произволом в том числе способствовала уходу П. А. Валуева с поста министра внутренних дел.

Ключевые слова: пореформенная цензура в России, система административных взысканий печати, И. С. Аксаков, газета «Москвич», министр внутренних дел П. А. Валуев.

Для цитирования: Маслова А. А. «Нечего на зеркало пенять...»: представления И. С. Аксакова об авторитете власти на страницах газеты «Москвич» (1867–1868) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 39–48. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-39-48>

Original article

UDC 93

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-39-48

Maslova Anna A.

Candidate of Historical Sciences

Bauman Moscow State Technical University

Moscow, Russia

avonavi.anie@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9643-668X

**“THERE IS NOTHING TO BLAME ON THE MIRROR...”:
I. S. AKSAKOV’S IDEAS ABOUT THE AUTHORITY
OF THE GOVERNMENT ON THE PAGES
OF THE “MOSKVICH” NEWSPAPER (1867–1868)**

Abstract. The archival material examines the activities of I. S. Aksakov during the period of publication of the *Moskvich* newspaper (1867–1868), which the author regards as disobeying the censorship order of the Minister of Internal Affairs P. A. Valuev. The demonstration of the most prominent Slavophile against the unfair system of administrative penalties against the press is all the more symbolic because it was on the pages of this body that he criticized all areas of activity of the law enforcement agency. The range of subjects covered in this publication reveals I. S. Aksakov’s ideas about legality and justice. In turn, the ban on *Moskvich*, initiated on the sidelines of the government, not only dealt a blow to the authority of the government, which disregarded the legal order, but also cast a shadow on the prestige of the monarchy. I. S. Aksakov’s struggle against censorship “arbitrariness” contributed, among other things, to the resignation of P. A. Valuev from the post of Minister of Internal Affairs.

Keywords: post-reform censorship in Russia, the system of administrative penalties for the press, I. S. Aksakov, *Moskvich* newspaper, Minister of Internal Affairs P. A. Valuev.

For citation: Maslova A. A. “There is nothing to blame on the mirror...”: I. S. Aksakov’s ideas about the authority of the government on the pages of the “Moskvich” newspaper (1867–1868) // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 2 (58). P. 39–48. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-39-48>

Введение. Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) известен как славянофил, ведущий активную полемику с правительством по широкому спектру вопросов в печати. Исследователями неоднократно поднимался вопрос о его позиции по государственно-правовым вопросам¹. В частности, А. А. Васильев, выводя славянофильскую формулу справедливости, отметил, что представители этого течения отдают приоритет

¹ Мотин С. В. 10.3. И. С. Аксаков о праве, свободе слова и цензурном законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 277–280; Андреев Н. Ю. О правовых взглядах славянофилов и их идейных последователей // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 2 (180). С. 56–61; и др.

внутренней правде — нравственным идеалам, а закону (внешней правде) отводят подчиненное положение: «Нравственной личности нет надобности в формальном законе, в жизни духовно добродетельных людей не возникает вопросов соблюдения закона»². Тема авторитета власти и законности стала центральной для Аксакова на страницах газеты «Москвич» (1867–1868), заменившей газету «Москва», издание которой было приостановлено. Само появление газеты-дублера явилось актом неповиновения редактора властям и публичным выступлением против системы административных взысканий по отношению к поврежденной печати³. Уже в первом донесении в Главное управление по делам печати Московский цензурный комитет сообщил о сходстве новой газеты с запрещенной, которое являлось намеренным средством убедить публику, что «кара правительства в отношении приостановленной газеты недействительна» и что эта газета не перестает издаваться⁴. Отдельный интерес представляет содержание крамольной газеты, закрытой позднее в обход закона без вынесения предварительных предупреждений. Представляется актуальным дополнить выводы исследователей о правовых взглядах известного славянофила. Обратимся к некоторым сюжетам газеты «Москвич», раскрывающим отношение И. С. Аксакова к деятельности аппарата власти и проблеме сохранения его авторитета.

Ход и результаты исследования. Будучи редактором пострадавшей от цензурной опалы газеты, Аксаков на страницах нового органа сразу же вступил в полемику с министром внутренних дел П. А. Валуевым по вопросам печати, стремясь обличить незаконность всей системы правительственных предостережений органам печати. В третьем выпуске «Москвича» от 29 декабря 1867 г., обсуждалась карательная цензура со ссылкой на статью министра, опубликованную в «Северной почте» в выпусках № 279 и 280 от 21 и 22 декабря 1867 г.: «Ни один независимый орган русской периодической печати, — писал Аксаков, — не может, конечно, сочувствовать с теми мерами “административного произвола” (берем выражение освященное официальным употреблением и ссылаемся на № 280 Северной Почты), которыми поражается от времени до времени другой подобный орган печати»⁵. Редактор «Москвича» особенно подчеркивал нелегитимность существующего порядка, закрепляющего цензурные распоряжения исключительно за министром внутренних дел: «...отличительное свойство административных взысканий в том и состоит, что им закон не писан и что они налагаются “по личному усмотрению”»⁶. Последнее выражение прямо относилось к П. А. Валуеву, бывшему единственным должностным

² Васильев А. А. Государственно-правовые взгляды славянофилов // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2 (66). С. 72–73.

³ См. подробнее: Маслова А. А. «И проповедь неповиновения»: цензурный «маневр» И. С. Аксакова в издании газеты «Москвич» // История и архивы. 2025. № 1. С. 82–98.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 3. Д. 779. Л. 10.

⁵ Москвич. 1867. 29 декабря. № 3. С. 1.

⁶ Там же.

лицом, которое, согласно Временным правилам, выносило предупреждения печатным изданиям⁷. Сам министр в своей публикации настаивал, что при обсуждении реформы был выработан наиболее приемлемый проект: «...все то, что ныне заявляется относительно системы предостережений, было уже в свое время высказано, взвешено и отложено»⁸. Однако «Москвич» возражал, что прения по цензуре происходили до внедрения нового судопроизводства: «... порядок административных взысканий, как произвол, противен законности и принять ее за общую систему было бы несогласно с понятиями о правильном законодательстве. ... <эта> мера чрезвычайная, переходная, необходимая только до тех пор, пока суд наш не получит окончательного устройства (курсив наш. — А. М.)»⁹. Поскольку на момент этой дискуссии судебная реформа была уже проведена, а суд окончательно устроен, то, по мнению Аксакова, «вместе с тем упраздняется и то основное, единственное условие, которое делало систему предостережений необходимой и заключало в себе весь ее reason d'être, смысл и оправдание»¹⁰.

Карательная цензура в отношении печати вызывала возмущение Аксакова, в том числе и когда несправедливость касалась органов, полярных по взглядам его изданию. «Ни одно честное издание не может не скорбеть о несчастии, постигшем другое издание, хотя бы и противоположного направления», — писал он¹¹. В № 3 от 29 декабря 1867 г. «Москвич» поместил рассуждение редактора «Современных известий» об административном преследовании органов печати. «Не гораздо ли больший кроется элемент беспорядка в административной приостановке или запрещении издания, чем в самой невоздержанности печати», — задавал он риторический вопрос. «Следовало бы ожидать, что эта мера <приостановка или запрещение издания> карает легче, нежели суд», но «на деле, из всех наказаний, налагаемых уголовным законом, кроме лишения прав состояния, едва ли какое тяжелее третьего административного предостережения», — заключал редактор «Современных известий»¹². Солидарность коллег в борьбе за ослабление правительственного контроля над печатью после отставки П. А. Валуева привела к пересмотру цензурной системы в пользу концессионного карательного механизма и выработке закона, при котором печать «получила бы большие свободы, а власть — реальные рычаги управления и обуздания вредного влияния печатного слова»¹³, однако этот проект, как известно, не был реализован из-за обострения внутривластной обстановки¹⁴.

⁷ № 41990. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях, 6 апреля 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание II. Т. 40. Ч. 1. СПб., 1867. С. 400.

⁸ Северная почта. № 279. 21 декабря 1867 (2 января 1868). С. 1.

⁹ Москвич. 1867. 31 декабря. № 5. С. 1.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. 29 декабря. № 3. С. 1.

¹² Там же. С. 2.

¹³ Горбачев И. Г., Печников В. Н. Институт цензуры в российском законодательстве XVI–XIX веков (историко-правовое исследование). Казань, 2004. С. 185–189.

¹⁴ См. подробнее: Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб., 2013. С. 292–299.

Помимо цензуры, в освещаемый период в ведении министерства внутренних дел находилось земское дело и судопроизводство, ситуация вокруг которых также беспокоила Аксакова. Особое недовольство у него вызвал закон от 13 июня 1867 г., дающий возможность местной администрации превращать публичные земские собрания в закрытые¹⁵. Аксаков считал это стеснением гласности, подчинением земских учреждений административным правительственным органам, с тех пор называя земство «“так называемым” самоуправлением»¹⁶. Реагируя на сближение ряда земских организаций с местной властью, Аксаков поместил в № 5 «Москвича» от 3 января 1868 г. заметку с едким заглавием «Вятский административный оркестр». Описывая банкет в Вятке по случаю закрытия сессии первого губернского земского собрания, «автор с иронией, вполне неприличной, передает подробности этого торжества и речи, произнесенные на нем, таким образом, что всю статью нельзя не принять иначе как за глумление над тем единодушием между земством и администрацией, которые и послужили поводом к обмену речей между гласными земства и местным губернатором»¹⁷. Номер 10 «Москвича» от 9 января затронул сюжет о превышении полномочий депутатов тамбовского губернского земского собрания¹⁸. Кроме того, «Москва» и позднее «обличала произвол местных властей и злоупотребления отдельных земских деятелей»¹⁹, в частности в выпуске газеты от 12 апреля 1868 г. Аксаков задавался вопросом: «Что такое в сущности земское учреждение: самоуправление ли общественное, или новый вид правительственного управления делами земства?» И отвечал сам себе: «Нельзя не признать, что неясность понятий об истинном характере дарованного земству так называемого самоуправления была причиною многих самообольщений, ошибок и наконец разочарований»²⁰. Рассуждая о причинах несостоявшихся земских съездов, он предполагал, что есть обстоятельства, «способные отбить у гласных всякую охоту тащиться издалека, тратиться в город и подвизаться подвигом вовсе бесплодным»²¹.

Не оставался без внимания «Москвича» и аграрный вопрос. В № 1 от 23 декабря 1867 г. освещалось бедственное положение тверских крестьян и дороговизна хлеба в Иркутске, вынуждающие крестьян скупать пыль с мельниц и печь из нее лепешки. Такая трагичная ситуация сложилась вследствие запрета на продажу хлеба при наличии у продавца недоимок, что, по мнению

¹⁵ № 44690. О порядке производства дел в земских, дворянских и городских, общественных и сословных собраниях, 13 июня 1867 г. // ПСЗРИ. Собрание II. Т. 42. СПб., 1871. С. 896.

¹⁶ Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 143.

¹⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 779. Л. 15–16.

¹⁸ Москвич. 1868. 9 января. № 10. С. 3.

¹⁹ Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 143.

²⁰ Аксаков И. С. Что такое в сущности земское учреждение: самоуправление или общественное, или новый вид правительственного управления делами земства? URL: http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_1868_chno_takoe_oldorfo.shtml (дата обращения: 28.02.2025).

²¹ Там же.

Аксакова, являлось «странным пониманием круговой ответственности и еще более странным исполнением законов, строго воспрещающих стеснять под каким бы то ни было видом внутреннюю хлебную торговлю»²². Аксаков отрицательно оценивал правительственные меры, считая, что их непоследовательность способствовала ухудшению продовольственного положения в критический момент. Он подчеркивал, что народная мудрость и самобытность эффективнее способны выработать оптимальное решение.

В № 7 от 4 января 1868 г. на страницах «Москвича» обсуждалось распоряжение министерства внутренних дел о посеве яровых в Олонецкой губернии. Аксаков, рассуждая об этом плане правительства, утверждал, что общество и желало бы действовать самостоятельно, «но будучи стесняемо административною опекою, до сих пор не имело права (так в тексте! — А. М.) не только что-либо для себя делать, но даже и думать о себе»²³. Редактор замечал, что деятельность земледельцев подчинена знанию, исходящему из продолжительной практики, но «это <знание> не находит у нас признания и заменяется часто приказаниями, нередко даже произволом власть имущих, так что администраторы подчас распоряжаются судьбами народного хозяйства вопреки естественным его двигателям»²⁴. Отсутствие авторитета власти в данном случае Аксаков видел в отрицании прозорливости земледельцев, выработанной многовековым опытом, и игнорировании их интересов. «Где общество видит исход в своих собственных средствах», — говорится в статье, — пусть оно свободно ими пользуется: оно лучший судья в своем деле и лучше умеет распоряжаться своим имуществом, чем иная административная инстанция, взирающая на его нужды из своего прекрасного далека»²⁵.

В донесении Главному управлению по делам печати об этой статье Московский цензурный комитет указал на «чрез меру широкие притязания на самостоятельность общества, каковыми отличалась и газета “Москва”, притязания, почти отторгающие административное управление самого Правительства»²⁶. В свою очередь, управление, отвечая на это донесение, распорядилось о публикации в газете «Москвич» отказа от своей первоначальной оценки указа министерства внутренних дел. Эта мера была непреложна к исполнению, поскольку любое издание обязано было «поместить безотлагательно и безденежно, без всяких изменений и примечаний в тексте и без всяких в том же самом номере возражений, сообщенное ему от Правительства официальное опровержение или исправление обнародованного тем изданием известия»²⁷.

²² Москвич. 1867. 23 декабря. № 1. С. 2.

²³ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 779. Л. 21–21 об.

²⁴ Москвич. 1868. 4 января. № 7. С. 1.

²⁵ Там же. С. 2.

²⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 779. Л. 22 об.

²⁷ № 41990. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях, 6 апреля 1865 г. // ПСЗРИ. Собрание II. Т. 40. С. 400.

Одним из примечательных отделов газеты «Москвич» была рубрика «Новый суд», в которой освещались различные прецеденты и на шумевшие разбирательства. В частности, в № 4 «Москвича» за 1867 г. содержалась перепечатанная из «Голоса» заметка о конфликте, произошедшем между крестьянами села Хрущевки Данковского уезда и администрацией Рязанской губернии²⁸. Бывшие крепостные обвинялись в неповиновении и сопротивлении властям, насилию и беспорядкам, что случилось по недоразумению, в связи со слухом, будто требование «отправлять недельную повинность на земле помещика, находящейся за чужими рубежами, незаконно»²⁹. В результате заседаний суда, продолжавшихся два дня, присяжные постановили из более чем двухсот вопросов, только один, «об оскорблении пристава неприличными словами», решить против подсудимых, вследствие чего все арестованные были немедленно освобождены. Помимо сути инцидента, Аксаков считал важным воспроизвести «великий момент народного умиления», в ходе которого крестьяне всем миром служили «благодарственное молебствие с коленопреклонением о здравии Царя-Освободителя, защитника, даровавшего им кроме свободы, и еще суд правый и милостивый»³⁰. В этих строках выразился восторг редактора «Москвича» перед механизмом и результатом работы обновленного суда, решение которого было беспристрастно вынесено в народную пользу. Для славянофила Аксакова приоритетную важность имела защита справедливости, а не закон как таковой, вследствие чего его одобрительное отношение к этому прецеденту обусловлено нравственными категориями.

Однако данная тяжба вскоре получил продолжение. Передовая статья № 35 газеты «Москвич» за 1868 г. сообщала о привлечение к уголовному суду за мнимый бунт тех самых крестьян села Хрущевки, которые ранее уже были оправданы судом присяжных. «Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива», — дал Аксаков отсылку на русскую пословицу на первой полосе во вступлении к публикации, тут же объяснив примененный им оборот: «...на чистом фоне законности нового судопроизводства так неумолимо-отчетливо рисуется и выдается произвол тех и других административных властей, с такой беспощадной резкостью оттеняется грубость полицейской расправы, и вся эта бесцеремонность полицейского отношения к личности частных людей»³¹. Аксаков в очередной раз отметил достоинство судебного учреждения, отличающегося строгим следованием закону: «Не он (новый суд. — А. М.) виноват, что ему, по его обязанности, пришлось изыскивать верных и точных доказательств там, где о доказательствах, особенно же юридического свойства, не в обычаях заботиться; не он виноват, что устав 20 ноября³² дает защитника подсудимым, даже крестьянам, которым,

²⁸ Москвич. 1867. 30 декабря. № 4. С. 3.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. 1868. 8 февраля. № 35. С. 1.

³² Имеется в виду «Высочайше утвержденный Устав уголовного судопроизводства, 20 ноября 1864 г.»

по административным преданиям, не дозволяется обыкновенно молвить слово в свою защиту, а приказывается, ради достоинства и обаяния власти, только “молчать” и “молчать”»³³.

Под занавес истории газеты «Москвич» Аксаков направил едкую шпильку в адрес бюрократического аппарата: «Наконец, нельзя же винить суд и в том, что даже самого ничтожного наказания не может он, по закону, наложить без достаточных юридических данных даже и таким людям, которых, напротив, администрация позволяет себе сечь без суда, без исследования, без допроса...»³⁴. Это замечание редактора привлекло широкое общественное внимание, за которым последовала резкая реакция Главного управления по делам печати, а также гнев министра П. А. Валуева как руководителя, ответственного за его работу и за деятельность судебных учреждений. В дневниковой записи от 12 февраля 1868 г. отразились его возмущение и принятые им меры: «...по поводу невозможной статьи “Москвича” послал государю записку, в которой испрашивал разрешения представить Комитету министров о прекращении этой газеты. Разрешение получил»³⁵. Необходимо отметить, что сам предложенный министром внутренних дел механизм расправы с язвительным изданием Аксакова выходил за рамки цензурного законодательства, что бросало тень на самодержавную власть императора. Откликаясь на этот сюжет, Ф. И. Тютчев писал своей дочери Анне, супруге И. С. Аксакова: «Клика, находящаяся сейчас у власти, проводит линию *антидинастическую*... Если она продержится, то сделает господствующую власть не только *непопулярной*, но и *антинациональной* (курсив наш. — А. М.)»³⁶.

Заключение. Таким образом, закон правовой в представлении Аксакова не столь значим, как Закон Божий. В то же время охранение норм, защищающих угнетаемых, для Аксакова представляется обязанностью самодержавного аппарата. В историографии отмечается, что взгляды славянофилов на власть связаны с народностью самодержавия: «Русский народ, — отмечал Аксаков, — чужд всякого поползновения к политическому державству; он желает себе лишь свободы быта, свободы внутреннего общественного служения и самороста, свободы жизни и деятельности»³⁷. Концепция доверия, авторитета и престижа власти в понимании Аксакова строится на базе таких выражений, как «справедливость», «обязанность», «доказательство», «ответственность», и противопоставляется «произволу». Наряду с этим, славянофилы утверждали, что монархия должна быть близка к народу и учитывать его интересы, соответственно, равнодушие правительства к незащищенности земледельцев,

³³ Москвич. 1868. 8 февраля. № 35. С. 2.

³⁴ Там же.

³⁵ Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел: в 2 т. М., 1961. Т. 2: 1865–1876 гг. С. 246.

³⁶ Цит. по: Аксаков Иван Сергеевич: материалы для летописи жизни и творчества / под ред. С. В. Мотина. Т. 4. Ч. 3: 1867–1869. Уфа, 2012. С. 109.

³⁷ Цит. по: Васильев А. А. Указ. соч. С. 70.

народным нуждам или бедственному положению населения, по оценке редактора «Москвича», не способствует сохранению престижа самодержавия. «Закон не есть непреложная истина, не есть какое-то непогрешимое изречение оракула, неподверженное изменениям: он имеет значение ограниченное и временное, и бессмыслен закон, носящий в себе притязание уловить в свои тесные рамки свободную силу постоянно творящей и разрушающей жизни! Самое “право” не есть нечто само для себя и по себе существующее: неспособное выразить полноты жизни и правды, оно должно ведать свои пределы и находиться, так сказать, в подчиненном отношении к жизни и к идее высшей нравственной справедливости»³⁸. В соответствии со славянофильскими представлениями самодержавный политический аппарат являлся хранителем мира, порядка и справедливости. Аксаков, будучи выразителем этого идейного течения, считал новые демократические институты, в частности суд, инструментом поддержания нравственности, добродетели и гарантом реализации равноправия. Авторитет власти, по мнению Аксакова, исходит из патерналистской функции самодержавия и напрямую связан с гарантией и соблюдением гражданских прав населения вне зависимости от социального положения и отменой ограничений, стесняющих народное самосознание и быт.

Литература

1. Андреев Н. Ю. О правовых взглядах славянофилов и их идейных последователей // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 2 (180). С. 56–61.
2. Васильев А. А. Государственно-правовые взгляды славянофилов // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2-2 (66). С. 70–73.
3. Горбачев И. Г., Печников В. Н. Институт цензуры в российском законодательстве XVI–XIX веков (историко-правовое исследование). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. 226 с.
4. Маслова А. А. «И проповедь неповиновения»: цензурный «маневр» И. С. Аксакова в издании газеты «Москвич» // История и архивы. 2025. № 1. С. 82–98. <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2025-7-1-82-98>
5. Мотин С. В. И. С. Аксаков о праве, свободе слова и цензурном законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 277–280.
6. Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. 620 с.
7. Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во МГУ, 1978. 264 с.

References

1. Andreev N. Yu. O pravovykh vzgliadakh slavianofilov i ikh ideinykh posledovatelei [On the legal views of the Slavophiles and their ideological followers] // University

³⁸ Аксаков И. С. Доктрина и органическая жизнь // Наше знамя — русская народность. М., 2008. С. 20.

News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series. 2014. № 2 (180). P. 56–61. (In Russ.).

2. Vasilyev A. A. Gosudarstvenno-pravovye vzgliady slavianofilov [State and legal views of Slavophiles] // Izvestiya of Altai State University. 2010. № 2-2 (66). P. 70–73. (In Russ.).

3. Gorbachev I. G., Pechnikov V. N. Institut tsenzury v rossiiskom zakonodatel'stve XVI–XIX vekov (istoriko-pravovoe issledovanie) [Institute of censorship in Russian legislation of the 16–19 centuries (historical and legal research)]. Kazan: Publishing House of Kazan University, 2004. 226 p. (In Russ.).

4. Maslova A. A. «I propoved' nepovinoventiia»: tsenzurnyi «manevr» I. S. Aksakova v izdanii gazety «Moskvich» [“ ‘The preaching disobedience’. I. S. Aksakov's censorship ‘maneuver’ in the publication of ‘The Moskvich’ ”] // History and Archives. 2025. Vol. 7. № 1. P. 82–98. <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2025-7-1-82-98> (In Russ.).

5. Motin S. V. 10.3. I. S. Aksakov o prave, svobode slova i tsenzurnom zakonodatel'stve [I. S. Aksakov about law, freedom of speech and censorial legislation] // Gaps in Russian Legislation. 2010. № 4. P. 277–280. (In Russ.).

6. Patrusheva N. G. Tsenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoi sisteme Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century]. St. Petersburg, 2013. 620 p. (In Russ.).

7. Cimbaev N. I. I. S. Aksakov v obshchestvennoi zhizni poreformennoi Rossi [I. S. Aksakov in the public life of post-reform Russia]. Moscow: MSU Publishing House, 1978. 264 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 930.85

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-49-71

Огородникова Ольга Александровна

кандидат исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

ogorodnikovaoa@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-0604-670X

ГЕТЕВСКИЙ «ФАУСТ» В СВЕТЕ РАМПЫ РУССКОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЦЕНЫ (XIX – НАЧАЛО XX в.)

Аннотация. Статья посвящена отечественной сценической истории величайшего произведения мировой драматургии, наиболее значительного и известного литературного и философского шедевра Иоганна Вольфганга фон Гете — трагедии «Фауст», утверждавшейся на театральных подмостках уже на исходе 1820-х гг., однако увидевшей свет рампы лишь во второй половине XIX в., завоевавшей прочные позиции в репертуаре в начале XX столетия.

В соответствии с указанными событиями театральной биографии пьесы, с позиции историка, при привлечении неопубликованных официальных документов и материалов периодической печати представлен ее путь на русской драматической сцене — императорской и частной.

Проанализированы как условия, благоприятствовавшие «укоренению» «Фауста» в театральной эстетике и практике, так и препятствия на этом пути, цензурного и творческого характера в том числе.

Рассмотрены проекты художественных воплощений драматической поэмы, неудавшиеся и осуществленные в театральном пространстве российских столиц; прослежена их критическая рецепция.

На основе представленной ретроспективы постановок, эволюционировавших от опереточной пародии Александринского театра и вольных трактовок Малого до интеллектуальных режиссерских опытов П. П. Гнедича и созданной «под знаком философии» сценической интерпретации Ф. Ф. Комиссаржевского, выявлены этапы освоения гетевской трагедии отечественным драматическим театром.

Ключевые слова: И. В. фон Гете, трагедия «Фауст», немецкая драматургия, русская сцена, Малый театр, Александринский театр, П. П. Гнедич, Ф. Ф. Комиссаржевский, частная антреприза, репертуар, постановка.

Для цитирования: Огородникова О. А. Гетевский «Фауст» в свете рампы русской драматической сцены (XIX – начало XX в.) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 49–71. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-49-71>

Original article

UDC 930.85

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-49-71

Ogorodnikova Olga A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

ogorodnikovaoa@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-0604-670X

**GOETHE'S "FAUST" IN THE LIGHT
OF THE RUSSIAN DRAMA STAGE
(19th – early 20th centuries)**

Abstract. The article is devoted to the Russian stage history of the greatest work of world drama, the most significant and famous literary and philosophical masterpiece of Johann Wolfgang von Goethe — the tragedy “Faust”, which was established on the stage since the 1820s, but saw the light of day only in the second half of the 19th century, having won a strong position in the repertoire at the beginning of the 20th century.

In accordance with the indicated events of the theatrical biography of the play, from the position of a historian, with the involvement of unpublished official documents and materials of the periodical press, its path on the domestic dramatic stage — imperial and private — is presented.

The conditions that favored the “rooting” of “Faust” in theatrical aesthetics and practice are analyzed, as well as the obstacles on this path, including censorship and creative ones. The projects of artistic embodiments of the dramatic poem are considered — both unsuccessful and realized in the theatrical space of Russian capitals; their critical reception is traced.

Based on the presented retrospective of productions that evolved from the operetta parody of the Alexandrinsky Theatre and free interpretations of the Maly, to the intellectual directorial experiments of P. P. Gnedich and the stage interpretation of F. F. Komissarzhevsky created “under the sign of philosophy”, the main stages of the assimilation of Goethe’s tragedy by the Russian drama theatre are identified.

Keywords: J. V. von Goethe, the tragedy “Faust”, German drama, Russian stage, Maly Theatre, Alexandrinsky Theatre, P. P. Gnedich, F. F. Komissarzhevsky, private enterprise, repertoire, production.

For citation: Ogorodnikova O. A. Goethe’s “Faust” in the light of the Russian drama stage (19th – early 20th centuries) // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 2 (58). P. 49–71. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-49-71>

«Все думали... что Фауст будет убит сценою, — и ошиблись».

*И. В. Киреевский*¹

Введение. Русский «Фауст», уверенно расположившийся в центре проблемного поля отечественной гетеаны, корнями уходящей в 1780-е гг., в настоящее время представлен обширным массивом научной литературы. Судьба трагедии неоднократно являлась предметом общих и специальных исследований, при этом исторически сложилось, что лидирующее положение в разработке неисчерпаемой и многогранной фаустианской темы занимают филологические науки. Несравнимо менее значителен по объему сегмент исследований, посвященных утверждению произведения Гете на отечественных театральных подмостках, однако авторы большинства работ, преимущественно театроведческих и музыковедческих, акцентируют свое внимание на сценической истории оперных и балетных версий «Фауста», не рассматривая драматические².

Ретроспектива постановок трагедии, осуществленных русским драматическим театром, была намечена авторским коллективом гетевского тома археографической историко-литературной серии «Литературного наследства», приуроченного к столетию со дня смерти поэта³. Особого внимания в контексте настоящего исследования заслуживают статьи библиографов и литературоведов Н. Волкова, С. Рейсера и А. Федорова, проследивших основные направления репертуарного движения пьесы, проанализировавших фрагменты ее «цензурного» прошлого⁴. Значительным вкладом советских исследователей было введение в научный оборот уникальных, ранее не публиковавшихся документов.

Несмотря на успехи в разработке некоторых аспектов темы, история «Фауста» в интерпретациях отечественной драматической сцены не являлась до настоящего времени предметом специального исследования, однако отдельные ее эпизоды освещались как в обобщающих трудах по истории национального театра⁵,

¹ *Киреевский И. В.* Фауст, трагедия, соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко. 1844 г. В привил. тип. Фишера. С.-Петербург // Полное собрание сочинений И. В. Киреевского: в 2 т. Т. 2. М., 1911. С. 128.

² См., например: Гете и музыка: сб. статей к 250-летию со дня рождения поэта / отв. ред. А. В. Гусева. СПб., 2004; *Тихонова О. В.* Литература и музыка: «Фауст» Гете в музыкальной культуре XIX века // Литература в диалоге культур: материалы международной научной конференции. Т. 10. Ростов-на-Дону, 2013. С. 223–230; *Ковалевская Т. В.* «Фауст» Ш. Гуно и художественные принципы Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 2 (14). С. 89–115.

³ Литературное наследство [И. В. Гете]. Т. 4–6. М., 1932.

⁴ *Волков Н.* Гете в русском театре // Литературное наследство [И. В. Гете]. Т. 4–6. М., 1932. С. 909–914; *Рейсер С., Федоров А.* Гете в русской цензуре // Там же. С. 915–934; *Рейсер С.* Запрещенные переводы из Гете // Там же. С. 915–917.

⁵ См., например: История русского драматического театра: в 7 т. М., 1977–1987. Т. 5: 1862–1881. М., 1980; Т. 6: 1882–1897. М., 1982; Т. 7: 1898–1917. М., 1987; *Петровская И. Ф.* Театр и зритель российских столиц: 1895–1917. Л., 1990.

так и в публикациях, посвященных художественным коллективам⁶, ведущим жанрам и направлениям эстетических поисков⁷, творческой биографии деятелей искусства, благодаря которым трагедия получила свое визуальное воплощение⁸.

Научная актуальность, а также недостаточная освещенность в научной литературе рассматриваемой темы предопределили цель исследования — проанализировать историю трагедии И. В. фон Гете «Фауст» и выявить этапы ее эволюции на отечественной драматической сцене в хронологических границах XIX – начала XX в.

Ход и результаты исследования. Сценическая история «Фауста» в России не менее сложна, чем судьбы подавляющего большинства произведений мировой классики, однако в отличие от многих бессмертное творение поэта и мыслителя «укоренялось» на отечественной почве поэтапно и в разных жанровых направлениях, пройдя путь от опереточной инсценировки до драматического спектакля; от французской переделки к более точному переводу подлинника; от пародии и карикатуры к попытке глубокой философской интерпретации.

Гетевскому репертуару, широко представленному немецкими императорскими труппами, в русском театре рассматриваемого периода была отведена довольно скромная роль: свои сценические версии на родном для подавляющей массы публики языке получили лишь две трагедии, при этом, в отличие от исторической драмы «Эгмонт», находившейся большую часть XIX в. под прессом цензурного veto, «Фауст» — «полу-роман, полу-трагедия, полу-философская диссертация, полу-волшебная сказка, полу-аллегория, полу-правда, полу-мысль, полу-мечта, полу-музыка, но всего менее театральное зрелище» — в соответствии с поэтическим, но при этом точным определением И. В. Киреевского⁹ был беспрепятственно одобрен к представлению уже в первой половине столетия — в 1834, 1837, 1839 и 1847 гг.¹⁰

Однако важно уточнить, что речь шла о пьесе «в том виде, как она играна на Дрезденской, Дармштадтской и других Германских сценах»¹¹, т. е. исключительно о первой, романтической части «Фауста» (впервые опубликована

⁶ См., например: *Зограф Н. Г.* Малый театр второй половины XIX века. М., 1960; *Его же.* Малый театр в конце XIX – начале XX века. М., 1966.; *Мамчур Е. В.* Александринский театр в начале XX века: лица и идеи // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2015. № 2. С. 41–60.

⁷ *Янковский М. О.* Оперетта: Возникновение и развитие жанра на Западе и в СССР. Л.; М., 1937; *У истоков режиссуры: Очерки из истории русской режиссуры конца XIX – начала XX в.* Л., 1976; *Алпатов И.* Вечное во временном // Комиссаржевский Ф. Ф. Я и театр: Мемуары, дневники, письма. М., 1999. С. 7–57.

⁸ См., например: *Гоян Г. И.* Гликерия Федотова: Жизнь и творчество великой русской артистки. Л., 1940; *Дурылин С. Н.* Мария Николаевна Ермолова. 1853–1928: очерк жизни и творчества. М., 1953; *Майданова М. Н.* Петр Петрович Гнедич // Сюжеты Александринской сцены. СПб., 2018. Т. 2: Актеры. Режиссеры. С. 348–368.

⁹ *Киреевский И. В.* Указ. соч. С. 128.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 256.

¹¹ Там же.

в 1808 г.). Дозволенная к исполнению с исключениями, но в целом «беспроблемная» с точки зрения цензуры трагедия Маргариты, наивной и любящей бюргерской девушки, «вытекающая из чисто человеческих страстей и производящая такое же чисто человеческое подавляюще тяжелое действие»¹², содержащая все элементы соответствующего жанра, к тому же считалась наиболее сценичной, что подтверждал мировой художественный опыт как оперных, так и драматических трупп: задолго до российской премьеры первая часть произведения Гете завоевала прочные позиции не только в репертуаре театров Германии, но и ряда европейских стран.

Вторая часть «Фауста» (1832), заключающая в себе многолетний философский труд драматурга, который «по содержанию и объему своим составляет вполне самостоятельное сочинение», не рассматривалась цензорами в качестве пригодной «к представлению перед всякой публикой»¹³. Кроме того, «трагедия мысли», как известно, не изобилует драматическим действием и «все попытки инсценировать ее полностью»¹⁴ долгое время оставались безуспешными»¹⁵.

Отечественная сценическая история «Фауста» началась в немецких театрах российских столиц. Репертуарная пьеса, исполнявшаяся на языке оригинала, в переложении, подготовленном для постановки Дрезденского придворного театра (1829) его литературным консультантом, писателем и драматургом Л. Тиком¹⁶, на протяжении десятилетий пользовалась успехом у многотысячной аудитории немецких общин Петербурга и Москвы.

Гетевская поэма, несомненно, привлекала внимание и русского драматического театра, однако не могла быть визуализирована на сцене даже в том объеме, который был дозволен цензурой к представлению, в силу вполне объективных причин: отсутствовал более-менее полный художественный перевод, удовлетворявший театральным требованиям. В предлагаемых обстоятельствах деятели отечественной культуры предпринимали попытки воплотить пьесу в иностранных переделках, однако и они не увенчались успехом. Так, например, еще в 1829 г. цензурой была одобрена драма в трех действиях, скрывавшаяся под названием «Фауст», которую «какой-то француз вознамерился вывести на сцену». Несмотря на талантливый перевод П. И. Юркевича, этот драматический этюд, представлявший собой, по мнению цензора (и филолога) Е. И. Ольдекопа, «уродливую карикатуру» на «прекрасное стихотворение»¹⁷, вероятно, в виду отмеченной его особенности так и не был поставлен.

Всплеск интереса отечественного театра к трагедии, ранее известной на русском языке лишь в качестве культового для многих интеллектуалов

¹² С.-Петербург. Русская драма // Ежегодник императорских театров. Сезон 1901/1902 гг. С. 85.

¹³ Рейсер С. Указ. соч. С. 917–918.

¹⁴ Вторая часть «Фауста» была представлена режиссером М. Рейнхардтом на сцене Немецкого театра (Deutsches Theater) 2 февраля, по другим данным — 15 марта 1911 г.

¹⁵ С.-Петербург. Русская драма... С. 85.

¹⁶ РГИА. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 256.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 4. Л. 220.

литературного и философского сочинения, пришелся на середину 50-х – 70-е гг. XIX в. С 1854 г. не покидал репертуар столичных императорских трупп балет «Фауст», созданный петербургским балетмейстером и хореографом Ж. Перро¹⁸. В 1866 г. в Большом театре в Москве впервые была осуществлена постановка одноименной оперы крупнейшего представителя французской музыкальной культуры Ш. Гуно¹⁹. В 1869 г. состоялись сразу несколько несопоставимых по своему художественному значению петербургских премьер: новая редакция «Фауста» Гуно в Мариинском театре и опера-буфф «Маленький Фауст» (Le petit Faust; в русском переводе — «Фауст наизнанку») соотечественника композитора, одного из основоположников легкого жанра Ф. Эрве (Ф. Ронже), увидевших свет рампы практически одновременно на двух казенных сценах: французской — в Михайловском театре и русской — в Александринском. Опера Гуно и оперетта Эрве, поставленные в первом случае по сюжету трагедии Гете и по ее мотивам — во втором, лишь наметили «перспективы» «Фауста» в русском театре.

Дальнейшее развитие фаустианской темы вполне закономерно происходило не столько в традициях большой оперы, сколько в опереточном формате, на долгие годы задавшем легковесный тон и заложившем «порочные» традиции толкования произведения на отечественной драматической сцене.

Завоевывавшая европейские театральные подмостки мода на французскую оперетту, во второй половине 1860-х гг. охватившая и Россию, с воодушевлением и без колебаний была воспринята драматическим театром, где в течение нескольких прошедших десятилетий процветал водевиль. Режиссеры и артисты, как заметил историк жанра М. О. Янковский, усмотрели в современном театральном веянии «модернизированный водевиль, или «водевиль новой формации»²⁰; публику же привлекали его комедийность и развлекательность, однако оставляли в недоумении пародийность и специфический французский юмор. Музыкальное творение Эрве, представляющее собой «крайнее выражение пародийного жанра в оперетте»²¹ в отношении большой оперы, в частности «Фауста» Ш. Гуно и, разумеется, ее литературного первоисточника, стало наглядной тому иллюстрацией.

Репертуарная новинка, впервые исполненная на французском языке в увеселительном заведении И. И. Излера в пригороде Петербурга, обратила на себя внимание Дирекции императорских театров, которая «вероятно, увлеклась успехом оперетки в Париже, где она выдержала 100 представлений»²²,

¹⁸ Балет «Фауст» был поставлен по мотивам средневековой легенды на музыку Дж. Паниццы и Ц. Пуни.

¹⁹ Опера «Фауст» Ш. Гуно была впервые исполнена в России императорской итальянской труппой в 1863 г.

²⁰ Янковский М. О. Оперетта: Возникновение и развитие жанра на Западе и в СССР. Л.; М., 1937. С. 225.

²¹ Там же. С. 232.

²² Суворин А. С. Театральные очерки. (1866–1876 гг.). СПб., 1914. С. 305.

и рискнула поставить ее сразу в двух версиях — оригинальной и русскоязычной.

Александринская премьера «Фауста наизнанку», переведенного по оперному либретто и эффектно переименованного поэтом и критиком В. С. Курочкиным²³, в постановке «заполнившего опереттой весь репертуар»²⁴ руководимой им сцены режиссера А. А. Яблочкина состоялась 17 октября 1869 г. Пьеса в 3 действиях и 4 картинах, тщательно разыгранная и роскошно обставленная, исполненная корифеями петербургской труппы²⁵ во главе со «звездой первой величины» В. А. Лядовой «согласнее, чем на Михайловской сцене», по свидетельству А. С. Суворина (на данном жизненном этапе — петербургского театрального рецензента и фельетониста), имела однако «посредственный успех»²⁶, очевидно вполне заслуженный, учитывая ее скандальную известность.

Представшие на сцене бессмертные герои Гете, брошенные «невежественною рукою» Эрве «в непроходимый омут пошлости и глупости», заметно преобразились: «умный, благородный философ Фауст» вышел «достойным плевать фатом», а «целомудренная, поэтическая и любящая Гретхен — продажною кокоткою»²⁷, что не могло не возмутить просвещенных столичных театралов, оскорбленных в своих лучших эстетических чувствах.

Критики, в свою очередь, усмотрели в ожившей карикатуре грубое и циничное отношение к произведению из золотого фонда мировой драматургии, неприемлемое для российской столицы и недостойное императорского театра. «Можно пародировать все, можно смеяться на до всем (так в источнике. — О. О.), — приходил к выводу рецензент «Нового времени», выражая общее негодование, — но смех не должен переходить в бесцветный шарж, в зубоскальство, потому что, если от величия до смеха — один шаг, то от смеха до глупости — пол-шага»²⁸.

Тем не менее издевательская пародия задержалась на Александринских подмостках до 1872 г., где была представлена в общей сложности 17 раз и в целом, стоит заметить, пользовалась популярностью у значительной части театральной аудитории, не имеющей возможности отличить подделку от оригинала, чьи репертуарные предпочтения исчерпывались пьесами развлекательного характера.

Значительно дольше оставался на сцене «Фауст наизнанку» в исполнении опереточных трупп летних и городских театров российской провинции: так, в 1882 г. пьесу еще играли в Астрахани; в 1894 г. — в Житомире; в 1905 г. —

²³ В. С. Курочкин перевел французское либретто Г. Кремье и А. Жема, ранее использованное при постановке оперы «Фауст» Ш. Гуно.

²⁴ Янковский М. О. Указ. соч. С. 232.

²⁵ Кроме упомянутой артистки В. А. Лядовой, в основных ролях были заняты Н. Ф. Сазонов, М. П. Лелева, И. И. Монахов и др.

²⁶ Суворин А. С. Указ. соч. С. 309.

²⁷ Некто [И. Ф. Василевский]. Арабески общественной жизни // Новое время. 1869. № 204.

²⁸ Там же.

в Иркутске и во многих других городах империи, что, безусловно, свидетельствовало о ее востребованности, однако далеко не у всех поклонников сцены. На «пошлость» оперетки в интерпретации провинциальных «балаганов» обратила внимание даже чеховская Оленька из рассказа «Душечка», в бытность супругой антрепренера Кукина презиравшая публику «за равнодушие к искусству и за невежество»²⁹.

Примечательно, что в Германии «Маленькому Фаусту» путь на сцену был заказан, а в репертуаре немецкой императорской труппы в России одиозная оперетта так и не появилась.

Следующий этап эволюции «Фауста» в отечественных сценических реалиях связан с попытками создания драматических спектаклей, дважды за короткий срок предпринятых московским Малым театром в конце 1870-х гг.

Первая из них увенчалась постановкой трагедии в переводе М. П. Вронченко³⁰, премьера которой состоялась 14 ноября 1877 г. в бенефис артистки Н. С. Васильевой.

Поэтический перевод «Фауста» — многолетний литературный труд Вронченко, профессионального военного и ученого-геодезиста, увлекавшегося сочинительством и переводческой деятельностью, к слову одного из лучших русских интерпретаторов У. Шекспира, вышел в свет в 1844 г. Представив в полном объеме первую часть сочинения Гете, его толкователь «почел за нужное» прибавить и прозаическое «Изложение» второй части, ранее известной лишь во фрагментах, поскольку без нее, как справедливо полагал автор, у «досужего читателя» не сложилось бы полного представления о главном произведении выдающегося деятеля немецкой культуры.

Интерпретируя «Фауста», Вронченко, по собственному признанию, в первую очередь обращал внимание на точность истолкования подлинника и лишь затем «на связность и последовательность речи»; таким образом, «забота о гладкости стихов, была делом не главным, а последним»³¹. Однако вопреки уверениям переводчик, как и его предшественник Э. И. Губер³², внес в авторский текст немалую долю корректив, особенно «потрудившись» над строками, в которых, на его взгляд, можно было усмотреть политический и религиозный подтекст, на что в конце 1930-х гг., вслед за литературоведами XIX в., обратил внимание академик В. М. Жирмунский³³.

Однако более значительный урон «Фаусту» в переводе Вронченко был нанесен драматической цензурой. В 1865 г. Совет главного управления по делам

²⁹ Чехов А. П. Душечка // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 10. [Рассказы, повести], 1898–1903. М., 1977. С. 102–113.

³⁰ Фауст, трагедия. Сочинение Гете. Перевод первой и изложение второй части М. Вронченко. СПб., 1844. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Фауст_\(Гете;_Вронченко\)/ДО](https://ru.wikisource.org/wiki/Фауст_(Гете;_Вронченко)/ДО) (дата обращения: 21.02.2025).

³¹ Там же.

³² Перевод Э. И. Губера был впервые опубликован в 1838 г.

³³ Жирмунский В. Гете в русской литературе. Л., 1937. С. 627; 630–631.

печати пришел к заключению, что «Пролог», «в котором действия происходят на небе», как и «некоторые места» трагедии, между прочим допущенные к публикации в литературных изданиях, «неудобны к представлению на нашей сцене, а потому должны подлежать исключению»³⁴. Так, под запретом оказались «хор ангелов, жен и учеников», «разговор Фауста с Маргаритой о религии», сцены молитвы перед образом Божьей матери и «раскаяния Маргариты в соборе, в присутствии злого Духа»³⁵, фрагменты из «Вальпургиевой ночи»³⁶, что, однако, было предсказуемо, поскольку «исключения, сделанные в подлиннике (в сценическом его варианте. — О. О.), перенесены и в русский перевод»³⁷. Аналогичному купированию, заметим, был подвергнут перевод первой части поэмы Н. П. Грекова (1844; 1859), как и сцены «Из Фауста» Д. Н. Кафтырева (1864), рассматривавшиеся в том же году в качестве пригодных для театра³⁸.

В целом лишенный лиризма, несколько тяжеловатый, но добросовестный и наиболее полный на тот момент перевод «Фауста» заслужил положительные отзывы литературных рецензентов³⁹, чего нельзя сказать о спектакле, имевшем мало общего как с гетевской поэмой, так и с ее интерпретацией Вронченко.

Самая краткая в истории отечественного театра вариация трагедии, включавшая пять вырванных из контекста сцен⁴⁰, уложенных в 340 строк текста режиссерского экземпляра, исполнялась не более 40 минут⁴¹. Этот, по меткому определению историка литературы С. Волкова, «сценический курьез»⁴², претендовавший называться «Фаустом», несмотря на блестящий артистический состав — М. Н. Ермолову (Маргарита), А. П. Ленского (Фауст), Н. Е. Вильде (Мефистофель), Н. М. Медведеву (Марта) и др., — был воспринят публикой и критикой как очередная пародия, не заслуживающая прочного положения в репертуаре, покинувшая его после трех представлений⁴³.

Следующая, «улучшенная и дополненная» версия трагедии, выпущенная на сцену под названием «Фауст и Маргарита», впервые была представлена публике 19 марта 1878 г. по случаю бенефиса Г. Н. Федотовой.

В основу постановки был положен литературный опыт И. Н. Павлова, преподавателя словесности, писателя, редактора, критика, талантливого переводчика и не особенно удачливого издателя, включавший лишь оба «Пролога»

³⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 206.

³⁵ Там же. Л. 29–30.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 121.

³⁸ Там же. Ф. 776. Оп. 26. Ед. хр. 1. Л. 29–30; 33.

³⁹ Жирмунский В. Указ. соч. С. 632.

⁴⁰ Постановка Малого театра 1877 г. включала следующие сцены: 1) «Маргарита радуется найденной ею шкатулке с драгоценностями»; 2) «Мефистофель стоваривается о свидании»; 3) «Сад Марты»; 4) «Смерть Валентина»; 5) «Тюрьма».

⁴¹ Волков Н. Гете в русском театре // Литературное наследство [И. В. Гете]. Т. 4–6. М., 1932. С. 911.

⁴² Там же.

⁴³ Представления «Фауста» в Малом театре состоялись 14, 16 и 17 ноября 1877 г.

и первые 15 сцен «Фауста», в разные годы опубликованные в «Русском вестнике», объединенные в отдельном издании, увидевшем свет в 1875 г.⁴⁴ Павлов считал своим долгом максимально корректно подходить к истолкованию великого творения, под чем, прежде всего, понимал точное воспроизведение текста подлинника: «В этом переводе, не найдут многого, — признавался его автор в предисловии. — <...> Я не сумел... сказать все, что сказал Гете, но не позволил себе говорить больше, нежели он»⁴⁵.

Пьеса, поставленная по отрывочному тексту трагедии, при этом воплощенная на сцене в более полном объеме, отличавшаяся тщательным внешним оформлением, сопровождавшаяся музыкой, уже не вызывала у зрителей ассоциаций с пародией на «Фауста». Однако драматическая композиция принципиально не изменилась: в центре внимания, как и ранее, находилась не философская, а любовная линия произведения, представленная в жанре мелодрамы.

Исполнителям главных ролей не всегда удавалась принятая за основу классическая трактовка гетевских образов. Так, бенефициантка в роли Маргариты вместо простодушной и искренней девушки, поглощенной своим чувством к Фаусту, создала неожиданный для критиков образ хитрой интриганки, которая «скорее жеманилась и заигрывала, чем боролась со своей страстью»⁴⁶. Тем не менее в последних актах трагедии сошедшая с ума героиня Г. Н. Федотовой была вполне убедительна.

Многогранный и многомерный образ доктора Фауста в предложенной интерпретации предсказуемо оказался плоским, ограниченным лишь одной ипостасью его личности — любовника, отчего в значительной степени эта роль выдающегося А. П. Ленского не вызвала особого сочувствия критиков, как и крайне неуместный костюм, заимствованный из балета «Фауст».

Не дождался одобрения и Н. Е. Вильде, исполнивший Мефистофеля, которому не удалось донести до зрителей метафизический смысл существования насмешливого и циничного духа.

Таким образом, обе постановки Малого театра, в разной степени поверхностные, свидетельствовали о неготовности отечественной сцены, как, впрочем, и зрительного зала, проникнуться духом главного философского труда Гете, требующего серьезных интеллектуальных и эмоциональных усилий, даже применительно к тем сценическим истолкованиям, в которых «Фауст» оказался доступен.

В созвучии со стремительно менявшейся театральной действительностью конца XIX – начала XX в. открылась следующая страница в истории русского «Фауста», украсившего собой репертуар частных сцен⁴⁷, не скованных положениями

⁴⁴ Кроме того, в № 14 журнала «Кругозор» за 1880 г. был опубликован фрагмент «Посвящение Фауста».

⁴⁵ Фауст: Трагедия Гете, Два пролога и первые 15 сцен / пер. [с предисл.] И. Павлов. М., 1875. С. 1.

⁴⁶ Цит. по: *Зограф Н. Г.* Указ. соч. С. 388.

⁴⁷ Частные сцены получили право на существование после отмены в 1882 г. монополии императорских театров на устройство театральных зрелищ в российских столицах.

и инструкциями, а потому более свободных в творческом отношении, нередко создававших оригинальные спектакли и успешно обновлявших традиционные подходы в искусстве.

К их числу принадлежал Литературно-артистический кружок (Суворинский, или Малый театр), первая (1895) и самая долговременная антреприза Петербурга, единственный раз представившая «Фауста» 14 февраля 1897 г. на сцене Панаевского театра в бенефис артиста-трагика Г. Г. Ге.

Репертуарные новинки антрепризы первых сезонов, включая лучшие классические и современные произведения европейской драматургии, поставленные в соответствии с последними достижениями режиссуры, щедро и с размахом обставленные (чем кардинально отличались от императорских подмостков), являлись зачастую, как справедливо заметила известный историк и источниковед отечественной сцены И. Ф. Петровская, «событием не только театральной жизни, но и общественной в более широком смысле»⁴⁸.

Однако трагедия немецкого классика стала не только исключением среди модных премьер Литературно-артистического кружка, но и дополнила собой краткий перечень творческих неудач руководившего художественной частью и заведующего труппой П. П. Гнедича⁴⁹ — режиссера, прозаика и драматурга, переводчика, редактора и издателя, критика и историка искусств, художника и декоратора, который, по меткому определению А. Р. Кутеля, «вообще, был театралом, а быть театралом — значит, болеть всеми театральными болезнями зараз»⁵⁰.

Амбициозные планы постановщика впервые представить сочинение Гете на русском языке целиком⁵¹ не воплотились в реальность. Выпущенная на сцену «в изуродованном и изувеченном виде»⁵², со значительным количеством цензурных изъятий, включая традиционно не допускавшийся на сцену «Пролог на небесах», пьеса в четырех действиях и девяти картинах была далека и от заявленного объема. В действительности, как саркастически заметил ведущий «Театрального курьера» из «Петербургского листка», были исполнены «кусочки из трагедии “Фауст” в плохой сценической иллюстрации»⁵³. Однако значительная часть публики, увлеченная оперой Ш. Гуно, пребывала в полной уверенности, что «либретто ее тождественно с драматической поэмой»⁵⁴, что, конечно, было сильным преувеличением даже в отношении предложенной театральной версии.

⁴⁸ Петровская И. Ф. Указ. соч. С. 67.

⁴⁹ П. П. Гнедич в 1893–1895 гг. являлся председателем Литературно-артистического кружка, в 1895–1900 гг. — заведующим его художественной частью.

⁵⁰ А. К. [А. Р. Кутель]. П. П. Гнедич. (К 40-летию литературной деятельности) // Театр и искусство. 1917. № 7. С. 134.

⁵¹ Гнедич П. П. Книга жизни: Воспоминания: 1855–1918. М., 2000. С. 260.

⁵² Р-ий Н. [Н. А. Россковский]. Театральный курьер. Панаевский театр // Петербургский листок. 1897. № 45.

⁵³ Там же.

⁵⁴ А. П. Театральное эхо // Петербургская газета. 1897. № 45.

Возмутило критиков и то, что в угоду бенефицианту Мефистофель, заслонивший своей фигурой остальных действующих лиц, включая Фауста, роль которого была практически сведена на нет, как и обезличенную, лишившуюся по воле режиссера «полных поэзии монологов» Маргариту, выступал в качестве единственного центрального персонажа спектакля⁵⁵.

Исполнение труппы отличалось небрежностью, чем напоминало одному из рецензентов провинциальный театр в худшем его проявлении⁵⁶. Крайне негативное впечатление производила «неопытная... и невозможно плохая актриса» Новикова в образе Маргариты, «безжалостно убившая полный... великолепных оттенков характер»; немногим лучше был и немногословный Фауст — В. Ф. Эльский, не соответствовавший своей роли «по внешности, по неумению... читать стихи, по слабости... голоса»⁵⁷ и ряду других характеристик. «Поэтический дуэт» играл «вяло, монотонно, безжизненно»⁵⁸.

На общем бесцветном фоне особенно рельефно выделялась фигура Мефистофеля, осовремененная, «тщательно отделанная и недурно воспроизведенная»⁵⁹ интеллигентным и ироничным Г. Г. Ге, в недавнем прошлом артиста провинциальной сцены, где он, кстати, впервые предстал в роли гетевского героя, впоследствии совершенствовавшего амплуа злодея уже на александринских подмостках, получившего известность еще и в качестве драматурга.

Насмешливый и злорадствующий персонаж совсем не походил на «добродушного черта» в тривиальной трактовке оперных певцов. В полной гармонии с характером Мефистофеля был и внешний облик артиста, сумевшего оживить «сказочный» образ «с зачатками рогов», когтями и «последним остатком романтической чертовщины» — хвостом, напомнивший одноименную мраморную аллегория скульптора М. М. Антокольского⁶⁰, с 1897 г. постоянно экспонировавшуюся в Эрмитаже. В одной из лучших ролей своего репертуара Ге, очевидно, был весьма колоритен и определенно имел у публики «выдающийся успех».

Тем не менее талантливая трактовка духа-искусителя и некоторые прекрасные декорации, как, например, «Кабинет Фауста» и «Тюрьма» работы художника театра И. А. Суворова⁶¹, не спасли пьесу «в жалкой обстановке артистической, костюмной, декоративной»⁶², которая «так потеряла в целом», что рецензент «Театра и искусства» счел за лучшее «умолчать о великом произведении Гете»⁶³, не имевшем к ней отношения.

⁵⁵ Р-ий Н. [Н. А. Россовский]. Указ. соч.

⁵⁶ N. «Фауст» // Театр и искусство. 1897. № 8. С. 149.

⁵⁷ Р-ий Н. [Н. А. Россовский]. Указ. соч.

⁵⁸ А. П. Указ. соч.

⁵⁹ N. «Фауст». С. 149.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ А. П. Указ. соч.

⁶² Р-ий Н. [Н. А. Россовский]. Указ. соч.

⁶³ N. «Фауст». С. 149.

Нелицеприятная критика, задевшая профессиональное самолюбие режиссера, послужила стимулом к продолжению работы над спектаклем. Пьеса в 15 картинах⁶⁴ — второй фаустовский проект Гнедича, с 1901 г. управляющего труппой Александринского театра, впервые был представлен на прославленных подмостках 11 февраля 1902 г. и если не претендовал на новое слово в сценическом искусстве, то во всяком случае был более убедителен.

Заметим, что эстетические взгляды режиссера были «сознательно расплывчатые, эклектичные»⁶⁵, лишены крайностей, он использовал в своей постановочной работе лучшее из мирового театрального опыта, но с осторожностью и выборочно. Важнейшую роль обладавший изысканным вкусом выпускник Академии художеств, к слову являвшийся в ряде случаев и автором декораций, отводил внешней стороне спектаклей — стильных, выдержанных в натуралистической манере, «с мотивами эстетского любования стариной»⁶⁶. Тем не менее Гнедича едва ли можно причислить к театральным новаторам, но к способствовавшим утверждению «идеи режиссерского театра»⁶⁷ реформаторам сцены, точнее, всех руководимых им сцен, определенно.

В Александринском театре, ставшем мишенью для критики за неизбывный консерватизм и несоответствие духу времени, необходимость давно назревших преобразований в области постановочной культуры в целом и репертуарной политики в частности была для Гнедича очевидна. Во многом поэтому он спешил закрепить в творческих планах труппы, наряду с шекспировскими трагедиями, и гетевского «Фауста»⁶⁸, истории воплощения которого посвятил отдельную главу своих воспоминаний.

На пути к реализации режиссерских замыслов выбор перевода, отвечавшего условиям современной сцены, стал первой и далеко не простой задачей, учитывая, что в начале XX в. в коллекции русских литературных версий первой части «Фауста» насчитывалось уже немало отличавшихся по своему художественному значению образцов, отчасти подвергнутых постановщиком тщательному анализу. Итогом литературоведческих изысканий стало решение в пользу интерпретации Н. А. Холодковского, товарища Гнедича по гимназии, на что не в последнюю очередь повлиял и выбор В. Ф. Комиссаржевской, которую прочили на роль Гретхен.

⁶⁴ Постановка «Фауста» в Александринском театре включала следующие 15 картин: 1 — «Кабинет директора»; 2 — «Небо»; 3 — «Кабинет Фауста»; 4 — «За городскими воротами»; 5 и 6 — «Кабинет Фауста»; 7 — «Погреб Ауэрбаха в Лейпциге»; 8 — «Улица»; 9 — «Комната Маргариты»; 10, 11 и 12 — «Сад Марты»; 13 и 14 — «Улица»; 15 — «Тюрьма». (С.-Петербург. Русская драма // Ежегодник императорских театров. Сезон 1901/1902 гг. С. 86).

⁶⁵ *Сомина В. П. П. Гнедич. Книга жизни* // Новая русская книга. 2001. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nrk/2001/1/p-p-gnedich-kniga-zhizni.html> (дата обращения: 22.02.2025).

⁶⁶ *Данилов С. С. «Женитьба» Н. В. Гоголя: [Этюд к работе «Гоголь и театр»]*. Л., 1934. С. 61.

⁶⁷ *Майданова М. Н.* Указ. соч. С. 348.

⁶⁸ *Гнедич П. П.* Указ. соч. С. 252.

Талантливый поэт, более известный научному сообществу как выдающийся зоолог, основоположник отечественной школы энтомологии, профессор Военно-медицинской академии Н. А. Холодковский впервые осуществил полный перевод «Фауста», в том числе и второй части, ранее представленной на русском языке лишь в прозаическом изложении. Литературный труд, опубликованный Н. В. Гербелем в «Собрании сочинений Гете»⁶⁹ еще в 1878 г., на протяжении многих лет совершенствовавшийся, только при жизни автора пережил одиннадцать переизданий и заслужил полную Пушкинскую премию, присужденную ему в 1917 г.

Несомненной заслугой переводчика, чью работу, по авторитетному заключению В. М. Жирмунского, отличали не только «достаточно высокий средний уровень поэтического языка, при большой свежести, простоте и доступности», но и смысловая точность, являлось «серьезное отношение к тексту подлинника»⁷⁰.

Между тем литературная версия поэмы разительно отличалась от сценической, по установившейся традиции сокращенной и «адаптированной» для зрителей драматической цензурой. Князь Н. В. Шаховской, с 1900 г. занимавший пост председателя Главного управления по делам печати, потрудившийся перечитать трагедию, пришел к заключению, что «Гете остался в пределах цензурности», однако выдвинул ряд условий, при которых пьеса могла получить пропуск на александринскую сцену, как, например: «...Бог должен быть изображен... чем-то вроде доброго пастыря катакомб — в коротенькой рубашечке, с овечкой»; «Господа Бога должна играть молоденькая женщина...»⁷¹ и т. д.

Выдвигавший порой абсурдные требования, чиновник все же согласился на определенные уступки. Особенно важным было то, что хлопоты Гнедича, который решился на цензуру «нажать»⁷², увенчались разрешением исполнения «Пролога на небесах», ранее на русскую сцену не допускавшегося⁷³.

Получив возможность показать «всю философию Фауста, весь пролог», постановщик предпринял попытку оторваться от мелодраматической модели сценического воплощения трагедии. Отказавшись от некоторых важных, преимущественно фантастических сцен, нарушив тем самым логику спектакля, режиссер, по убеждению критиков, впал в другую крайность: «Ни Вальпургиевой ночи, ни кухни ведьмы, но зато вся философия»⁷⁴. Однако исключение «Кухни ведьмы», «живописной и поэтической картины», в которой Фауст превращается в молодого человека, привело к тому, что сразу после сцены «Погреб Ауэрбаха

⁶⁹ Собрание сочинений Гете в переводах русских писателей, изданных под редакцией Ник. Вас. Гербеля: Т. 1–10. СПб., 1878–1880. Т. 2.: Фауст. СПб., 1878.

⁷⁰ Жирмунский В. Указ. соч. С. 640.

⁷¹ Гнедич П. П. Указ. соч. С. 259–260.

⁷² Гнедич П. П. Мои цензурные мытарства // Ежегодник Петроградских государственных театров. Сезон 1918–1919 гг. С. 199.

⁷³ Гнедич П. П. Книга жизни. С. 260.

⁷⁴ К-ель А. Р. [А. Р. Кугель]. Театральные заметки // Театр и искусство. 1902. № 8. С. 175.

в Лейпциге», где он еще «с седой бородой присутствует при фокусах Мефистофеля», внезапно, «без объяснения причин», герой материализовывался на сцене «уже молодым и ухаживающим за Маргаритой»⁷⁵. Таким образом, значительная часть публики, впервые наблюдавшая за захватывающими приключениями доктора Фауста, пребывала в недоумении, не в силах уловить взаимосвязь представленных событий.

«Философская лекция», как выразился известный театральный критик и автор острых фельетонов А. Р. Кугель, была поручена премьеру Р. Б. Аполлонскому⁷⁶, любимцу публики, обладателю многогранного таланта и благородной красоты. Непревзойденный в амплуа героя-любовника, артист, по на редкость единодушному мнению критиков и чиновников в лице директора императорских театров В. А. Теляковского, «ни с какой стороны к Фаусту не подходил»⁷⁷. Не поняв «ни целей, ни образов Гете», не рискуя выйти за рамки мелодрамы, Аполлонский «не смог оттенить» свою роль⁷⁸.

В отличие от коллеги, в коронном образе Мефистофеля, отточенном до блеска на сценах частных антреприз, публика и критика с большой симпатией вновь принимала Г. Г. Ге, в 1897 г. реализовавшего свою давнюю мечту играть на императорских подмостках.

Маргариту блестяще исполнила В. Ф. Комиссаржевская⁷⁹. Заметим, что роль была для артистки не нова: фрагменты из «Фауста», в частности сцену «Тюрьма», она исполняла и ранее в спектаклях и на концертах, однако для широкой театральной аудитории ее Гретхен оставалась незнакомкой. Своим появлением на александринской премьере Комиссаржевская произвела настоящий фурор, напомнив «лучшие моменты русского драматического театра... которые даются только великими, художественными произведениями и в исполнении крупных, выдающихся драматических талантов»⁸⁰. Особенно эффектной, по мнению рецензентов, была упомянутая сцена в тюрьме, позволившая исполнительнице «безумной Гретхен» продемонстрировать широчайшие возможности своего творческого диапазона: «каждое ее слово, ее замечательная мимика, ее голос, меняющийся от трагического шепота до гортанных, задышающихся нот ужаса — потрясали публику»⁸¹.

Остальные участники спектакля, не особенно задумываясь о соответствии своих героев замыслу автора, играть «старались», но не преуспели и в лучшем случае были лишь упомянуты рецензентами.

⁷⁵ К-ель А. Р. [А. Р. Кугель]. Театральные заметки // Театр и искусство. 1902. № 8. С. 175

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Сборник памяти В. Ф. Комиссаржевской. М., 1931. С. 153.

⁷⁸ Д-в А. Александринский театр. Фауст // Петербургский листок. 1902. № 43.

⁷⁹ В остальных ролях были заняты: Ю. М. Юрьев (поэт); Е. И. Левкеева (Марта); А. Ф. Новинский (директор театра); С. В. Брагин (комик) и др.

⁸⁰ Цит. по: Алконост: [альманах] / издатель: П. П. Гайдебуров, Н. Ф. Скарская. СПб., 1911. С. 34–35.

⁸¹ Там же.

Не только исполнение, но и сценография, по свидетельству очевидцев, была далека от идеала. В соответствии с режиссерской концепцией «Фауст» должен был оторваться от оперных традиций, сопутствовавших трагедии Гете на казенной драматической сцене, вьевшихся, по словам Гнедича, «в кровь и плоть театралов»⁸². Эту задачу, как представлялось постановщику, могли бы решить новые декорации в необходимом количестве, созданные по собственноручно исполненным им эскизам⁸³. Однако полностью дистанцироваться от музыкально-театральных форматов возможности не представилось, во многом из-за нежелания экономной дирекции нести дополнительные расходы на внешнее оформление спектакля. Среди специально подготовленных для «Фауста» декораций числилось лишь оформление «Пролога», состоявшего из двух картин, в исполнении художников К. М. Иванова и П. Б. Ламбина. Остальная обстановка, за исключением иллюстрации еще одной сцены — «Лаборатории Фауста»⁸⁴, — была составлена из оперного наследства.

Таким образом, и это произведение театрального искусства, созданное в силу ряда объективных причин в неполном соответствии с замыслом режиссера, однако под его чутким руководством; в интерпретации одного из лучших переводчиков; дозволенное цензурой в более полном объеме, включая «Пролог на небесах»; воплощенное цветом петербургской труппы, исключительного успеха трагедии Гете не принесло, как, впрочем, и ее постановщику.

Пережившая шесть представлений пьеса исчезла с афиш в год премьеры, однако уже 3 ноября 1904 г. была возобновлена. В последний раз постановка Гнедича, не претерпевшая принципиальных изменений, за исключением состава исполнителей, была представлена на александринской сцене в конце 1905 г.⁸⁵ На этом история «Фауста» в русском императорском драматическом театре подошла к концу, однако продолжилась в новых прочтениях частных антреприз.

Судьба гетевской поэмы на отечественных театральных подмостках, пожалуй, никогда прежде не вызывала в мире искусства такой значительный резонанс, как это было в 10-е гг. XX в. На страницах периодических изданий, в частности, широко дискутировался вопрос художественной целесообразности воплощения «Фауста» на драматической сцене. Скептически настроенная часть театральной общественности усматривала в возможных начинаниях едва ли не кощунство, утверждая, что подобная инициатива априори обречена на неуспех, поскольку «всякая игра будет ниже самой трагедии и титанических образов ее»⁸⁶; другая — отчасти соглашаясь с этим мнением, все же категорически отстаивала право театра обращаться к легендарному произведению.

⁸² Гнедич П. П. Книга жизни... С. 261.

⁸³ Там же. С. 252.

⁸⁴ Там же. С. 261.

⁸⁵ Представления «Фауста» на александринской сцене состоялись 11, 12, 15, 17, 22, 23 февраля 1902 г.; после возобновления — 3, 7, 9, 21 ноября и 5 декабря 1904 г.; 9 октября, 8 ноября и 31 декабря 1905 г.

⁸⁶ Бескин Эм. [Э. М. Бескин]. Московские письма // Театр и искусство. 1912. № 38. С. 720.

Одним из видных энтузиастов сценической визуализации «Фауста» был режиссер, театральный педагог, историк и теоретик искусства, переводчик и художник Ф. Ф. Комиссаржевский, продемонстрировавший многие грани своего таланта в ходе работы над «главной постановкой сезона» 1912 г. театра К. Н. Незлобина, далекого от консервативных штампов императорской сцены и открытого для смелых творческих экспериментов. Премьера трагедии состоялась на сцене «бывшего Нового театра» 5 сентября.

Справедливо полагавший, что над «Фаустом» «можно работать всю жизнь и то не закончить его», Комиссаржевский, в то время главный режиссер московской антрепризы, предпринял попытку донести до зрителей собственное видение заложенного поэтом «внутреннего смысла и движения пьесы»⁸⁷. Руководствуясь этой целью, автор театрального проекта, взявший на себя и труд переводчика (в соавторстве с В. Т. Зенкевичем), создал сценическую версию сочинения Гете в прозе. Как и многие его предшественники, толкователь трагедии не избежал искушения «кое-где» внести коррективы в текст подлинника — «одно совсем отбросить, другое стусевать, на третьем особенно остановить внимание зрителя»⁸⁸.

Справедливости ради стоит заметить, что «отброшено» было совсем не много; более того, «Фауст» никогда не выходил на отечественную сцену в такой полной редакции: первая часть трагедии была представлена почти полностью, в 22 картинах из 25, за исключением единичных сцен и «Пролога в театре», резко диссонирующего, по мнению постановщика, с прологом в небе⁸⁹.

Критики, разделяя мнение, что ставить полностью первую часть произведения «совершенно неосуществимо сценически», упрекали режиссера в том, что он сохранил «Пролог на небесах», едва ли понятный публике без комментариев, и в то же время исключил сцену Мефистофеля с учеником, «для театра выигрышную, а для целой трагедии — нужную»⁹⁰. Тем не менее предпочтение, отданное разнохарактерным картинам «без погони за наиболее занимательными и общедоступными»⁹¹, как и стремление Комиссаржевского синтезировать их в одно стройное целое⁹², встретили понимание и заслужили одобрение значительной части рецензентов.

В полном объеме режиссерская концепция была реализована лишь на премьере, но на последующих представлениях, ввиду того что спектакль вместе с антрактами продолжался пять часов, было решено пожертвовать монологом главной героини в «Комнате Маргариты» и сценой «У колодца»; кроме того, пришлось внести купюры в «Вальпургиеву ночь» и первые два монолога Фауста⁹³.

⁸⁷ Комиссаржевский Ф. Ф. Театральные прелюдии. М., 1916. С. 58.

⁸⁸ Там же. С. 42.

⁸⁹ Москва. Незлобинские перспективы // Обозрение театров. 1912. № 1819. С. 10.

⁹⁰ Эфрос Н. «Фауст» Гете на сцене театра Незлобина // Новая студия. 1912. № 3. С. 5.

⁹¹ Там же.

⁹² Бескин Эм. Указ. соч. С. 720.

⁹³ Там же.

Однако многое из задуманного все же удалось претворить в жизнь, при этом отдельные картины «были полны красоты, стиля и силы»⁹⁴. Так, впечатляющими, а по отзывам некоторых рецензентов, смелыми, были фантастические эпизоды; особенно удалась «Вальпургиева ночь», в которой присутствовали все необходимые составляющие — безумье, шабаш, инфернальность. Положительную оценку заслужила и сцена «Молитвы Маргариты», поставленная «в суровой простоте»⁹⁵. Более сдержанно была воспринята рецензентами «Кухня ведьмы», отчасти потому, что в трактовке постановщика ее чувственный характер ярче подчеркивала не старая, а молодая ведьма в исполнении Е. А. Комиссаржевской, жены режиссера, что диссонировало со сложившимися театральными канонами прочтения образа.

Важнейшую роль Комиссаржевский, чья творческая биография была неразрывно связана с театрално-декорационным искусством, отводил зрительному образу спектакля, поддерживавшему философский замысел всего проекта. Внешняя обстановка трагедии представлялась режиссеру примитивной, передающей «упрощенность внешней жизни, рожденную наивным мировосприятием» людей из окружения Фауста, при этом в определенной степени «готической», как это и предполагалось у Гете, однако не связанной с конкретной исторической эпохой⁹⁶.

Сложносочиненный замысел по планам и эскизам Комиссаржевского воплотил в действительность сценограф антрепризы — живописец, график и архитектор А. А. Арапов, — создавший специально для «Фауста» 18 стильных и минималистичных картин, визуально доносивших торжественную и мрачную атмосферу трагедии, а также эскизы более ста костюмов, выполненных в том же духе. Объединял декорации, наделенные постановщиком символическим содержанием, готический портал, устремленный ввысь, а открывала каждую из них «лиловая тяжелая церковная завеса» с золотым узором, призванные служить напоминанием о том, что в действии вечной трагедии «все время участвует Бог Пролога, объединяющий Собою все ее сцены, созданные под самыми противоположными и сложными впечатлениями великого человека на фоне простой легенды»⁹⁷.

Представив свою режиссерскую концепцию «в интимных архитектурных линиях средневековой готики», Комиссаржевский «вывел, наконец, “Фауста” из холода огромного зала, в котором он терялся по оперному трафарету»⁹⁸, что многие критики по праву отнесли к числу важнейших достижений театрално-го реформатора, свидетельствовавших о долгожданном отходе от стереотипов исполнения трагедии на отечественной драматической сцене.

При этом декорации, как и остальные компоненты спектакля, служили лишь фоном для «главного и неотъемлемого элемента сценического представления» —

⁹⁴ Эфрос Н. Указ. соч. С. 6.

⁹⁵ Львов Як. «Фауст» на сцене театра Незлобина // Рампа и жизнь. 1912. № 37. С. 6.

⁹⁶ Комиссаржевский Ф. Ф. Театральные прелюдии. С. 56.

⁹⁷ Там же. С. 63.

⁹⁸ Бескин Эм. Указ. соч. С. 720.

артиста⁹⁹. Выразить «дух Фауста» предстояло не самым выдающимся творческим силам, которые, судя по нелицеприятному заключению своего режиссера, были «далеко не Сальвини»¹⁰⁰. Комиссаржевскому, проявившему себя и в роли театрального педагога, пришлось «нащупывать трагические возможности среди наличного состава исполнителей»¹⁰¹, а затем «долго и упорно заниматься с ними»¹⁰², однако добиться желаемого результата удалось лишь отчасти.

Яркой иллюстрацией неудачной интерпретации был Фауст в сценической трактовке А. В. Рудницкого. Режиссер, в данном случае не претендовавший на оригинальность, был убежден, что для создания сложнейшего образа мирового классического репертуара необходимо «очень много знать, уметь более чем много чувствовать и облекать в чувственные формы самые отвлеченные мысли»¹⁰³, что для большинства артистов, привыкших «играть», было задачей непосильной. Рудницкий — «ценный, очень разнообразный, талантливый и неутомимый работник сцены», способный перевоплощаться «из грубого Незнамова в изящного Чацкого»¹⁰⁴, освоивший разнохарактерные роли пестрого репертуара провинциального театра, которому посвятил многие годы творческого труда, вероятно, мог бы справиться с поставленной задачей, однако возложенных на него надежд не оправдал.

Примечательно, что артист, склонный демонизировать исполняемых лиц и, на взгляд некоторых критиков, более подходивший на роль Мефистофеля¹⁰⁵, должен был представлять не только философскую, но и романтическую линию трагедии. При этом амплуа «чистого любовника» удавалось ему менее всего: «лицо не такое и голос не такой, какие приличествуют специалистам по любви»¹⁰⁶.

«Основная нота» Фауста у Рудницкого так и не прозвучала: «когда он философствовал, он только резонировал... когда он любил, и страдал, он только декламировал». Артист был скучен, холоден, играл без «искреннего пафоса... лиризма»¹⁰⁷.

Объектом пристального внимания Комиссаржевского был и игравший Мефистофеля А. Э. Шахалов, в отличие от Рудницкого представивший «приблизительно нужный образ»¹⁰⁸. Выразительно ироничный, щеголявший «мастерскими интонациями», артист, по общему мнению, «почти нигде не был... скучным или вульгарным»¹⁰⁹. Некоторым рецензентам новоявленный Мефистофель напомнил

⁹⁹ Цит. по: Алтамова И. Вечное во временном // Комиссаржевский Ф. Ф. Я и театр: Мемуары, дневники, письма. М., 1999. С. 27.

¹⁰⁰ Комиссаржевский Ф. К постановке «Фауста» // Театр и искусство. 1913. № 37. С. 722.

¹⁰¹ «Фауст», как он есть. Беседа с г. Комиссаржевским // Театр. 1911. № 917. С. 6.

¹⁰² Комиссаржевский Ф. К постановке «Фауста». С. 722.

¹⁰³ Комиссаржевский Ф. Ф. Театральные прелюдии. С. 63.

¹⁰⁴ Сараханов К. Письма из Саратова // Театр и искусство. 1910. № 10. С. 226.

¹⁰⁵ Бескин Эм. Указ. соч. С. 719–721.

¹⁰⁶ Сараханов К. Указ. соч. С. 226.

¹⁰⁷ Эфрос Н. Указ. соч. С. 6.

¹⁰⁸ Комиссаржевский Ф. К постановке «Фауста» // Театр и искусство. 1913. № 37. С. 722.

¹⁰⁹ Эфрос Н. Указ. соч. С. 6.

более привычный оперный портрет гетевского персонажа¹¹⁰ в интерпретации Ф. И. Шаляпина¹¹¹, однако большинство склонялось к тому, что громадная задача воплощения демонической сущности, которая по плечу лишь таким выдающимся трагикам современности, как Э. Поссарт и И. Кайнц, была решена молодым исполнителем, ранее специализировавшемся на фарсовом репертуаре, «вполне удовлетворительно»¹¹².

К числу артистов, которые «не вышли из замысла» режиссера, относилась и В. Л. Юренева, чья Маргарита, исполненная искренне и просто, «в красивых, задушевных и глубоких тонах»¹¹³, стала украшением спектакля. Артистка жила чувствами и страданиями «поэтической и чистой девушки» и была настолько убедительна в своей трактовке, особенно в сценах молитвы, в тюрьме, что зрители в скором времени перестали обращать внимание на то, что Юренева не вполне соответствовала своей героине — «старше нужного», да и внешне — «не совсем гетевская...»¹¹⁴.

Несмотря на отдельные артистические неудачи, спектакль не оставлял сомнений в том, «что дает театру полное право ставить “Фауста”»¹¹⁵, в «трепетном отношении» и увлеченности всех его создателей, и прежде всего режиссера Комиссаржевского, для которого этот художественный проект, воплощенный «в причудливом сплаве фантастики и реальности, жизненной достоверности и романтической мечты»¹¹⁶, стал отправной точкой на пути к театральному философскому романтизму, теоретиком и главным идеологом которого он являлся.

Постановка незлобинской труппы была воспринята критиками и публикой как событие: впервые была представлена не только наиболее полная сценическая версия гетевской трагедии, но и предпринята самая серьезная попытка воплотить ее на сцене «под знаком философии», на максимальной дистанции от канонических оперных стандартов и карикатурных опереточных штампов, убедительно доказавшая, кроме прочего, что «среди всех маленьких пьес современности “Фауст” стоит, как высокий гранитный собор»¹¹⁷.

Последнее из 52 представлений трагедии в постановке Комиссаржевского состоялось в Москве 8 апреля 1913 г., после чего пьеса, подвергнутая незначительной корректуре, открыла сезон, а затем прочно утвердилась в репертуаре петербургской антрепризы К. Н. Незлобина и А. К. Рейнеке. Тогда же достоянием общественности стал конфликт, связанный с нарушением прав на авторскую (режиссерскую) собственность, суть которого сводилась к обвинениям

¹¹⁰ Ф. Шаляпин исполнял партии Мефистофеля в операх «Фауст» Ш. Гуно и «Мефистофель» А. Бойто, впервые представленной в России на сцене Мариинского театра в 1886 г.

¹¹¹ Русские ведомости. 1912. 7 сентября.

¹¹² Львов Як. Указ. соч. С. 6.

¹¹³ Бескин Эм. Указ. соч. С. 720–721.

¹¹⁴ Эфрос Н. Указ. соч. С. 7.

¹¹⁵ Бескин Эм. Указ. соч. С. 720.

¹¹⁶ Алтатова И. Указ. соч. С. 29.

¹¹⁷ Львов Як. Указ. соч. С. 6.

в заимствовании творческих наработок Комиссаржевского Незлобиным, имя которого фигурировало на афишах в качестве единственного режиссера спектакля. Поступок «бывшего антрепренера» и претензии к нему Комиссаржевского получили громкую огласку¹¹⁸, однако неприглядная история публику не отпугнула и «Фауст» продолжил завоевывать уверенное положение на драматической сцене, на этот раз задержавшись на частных театральных подмостках российской столицы.

Заключение. Отечественная сцена, сравнительно поздно открывшая для себя «Фауста», следуя поступательно от спектакля к спектаклю, от опереточных пародий и вольных трактовок к смелым интеллектуальным композициям, претендовавшим на новое слово в искусстве, к 1910-м гг. имела в своей коллекции несколько художественных версий произведения Гете, представленных императорскими и частными театрами. С каждым новым прочтением редакция великой трагедии становилась все более полной, а режиссерская концепция, отражавшая эстетические направления творческих поисков ее создателей, все более сложной, отчасти приближавшейся к истинному смыслу философского толкования сочинения немецкого драматурга.

«Фауст» не преодолел бы этот путь, не имея в России своих истинных ценителей и преданных поклонников по обе стороны кулис: представителей литературного и театрального мира, преодолевавших ради утверждения пьесы в репертуаре цензурные, творческие, материальные и многие другие трудности, и зрителей, чей интерес поддерживал ее сценическую жизнь, с успехом продолжающуюся и поныне.

Литература

1. Алпатова И. Вечное во временном // Комиссаржевский Ф. Ф. Я и театр: Мемуары, дневники, письма. М.: Искусство, 1999. С. 7–57.
2. Волков Н. Гете в русском театре // Литературное наследство [И. В. Гете]. Т. 4–6. М.: Жур.-газ. объединение, 1932. С. 909–914.
3. Гете и музыка: сб. статей к 250-летию со дня рождения поэта / С.-Петерб. гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. 212 с.
4. Гоян Г. И. Гликерия Федотова: жизнь и творчество великой русской артистки. М.; Л.: Искусство, 1940. 399 с.
5. Дурьлин С. Н. Мария Николаевна Ермолова. 1853–1928: очерк жизни и творчества. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 652 с.
6. Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л.: Гослитиздат, 1937. 674 с.
7. Зограф Н. Г. Малый театр второй половины XIX века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 648 с.
8. Зограф Н. Г. Малый театр в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 1966. 603 с.
9. История русского драматического театра: в 7 т. Т. 5: 1862–1881. М.: Искусство, 1980. 552 с.

¹¹⁸ См., например: Комиссаржевский Ф. К постановке «Фауста». С. 721–722.

10. История русского драматического театра: в 7 т. Т. 6: 1882–1897. М.: Искусство, 1982. 575 с.
11. История русского драматического театра: в 7 т. Т. 7: 1898–1917. М.: Искусство, 1987. 585 с.
12. Ковалевская Т. В. «Фауст» Ш. Гуно и художественные принципы Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 2 (14). С. 89–115. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-2-89-115>
13. Майданова М. Н. Петр Петрович Гнедич // Сюжеты Александринской сцены. Т. 2: Актеры. Режиссеры. СПб.: Левша. Санкт-Петербург, 2018. С. 348–368.
14. Мамчур Е. В. Александринский театр в начале XX века: лица и идеи // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2015. № 2. С. 41–60.
15. Петровская И. Ф. Театр и зритель российских столиц: 1895–1917. Л.: Искусство: Ленингр. отд-ние, 1990. 269 с.
16. Рейсер С. Запрещенные переводы из Гете // Литературное наследство [И. В. Гете]. Т. 4–6. М.: Жур.-газ. объединение, 1932. С. 915–917.
17. Рейсер С., Федоров А. Гете в русской цензуре // Литературное наследство [И. В. Гете]. Т. 4–6. М.: Жур.-газ. объединение, 1932. С. 915–934.
18. Сомина В. П. П. Гнедич. Книга жизни // Новая русская книга. 2001. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nrk/2001/1/p-p-gnedich-kniga-zhizni.html>
19. Тихонова О. В. Литература и музыка: «Фауст» Гете в музыкальной культуре XIX века // Литература в диалоге культур – 10. Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2013. С. 223–230.
20. У истоков режиссуры: Очерки из истории русской режиссуры конца XIX – начала XX в. Л.: ЛГИТМиК, 1976. 335 с.
21. Янковский М. О. Оперетта: Возникновение и развитие жанра на Западе и в СССР. Л.; М.: Искусство, 1937. 456 с.

References

1. Alpatova I. Vechnoe vo vremennom [The eternal in the temporary] // Komissarzhevsky F. F. Ia i teatr: Memuary, dnevniki, pis'ma [Me and the theater: Memoirs, diaries, letters]. Moscow: Iskusstvo, 1999. P. 7–57. (In Russ.).
2. Volkov N. Gete v russkom teatre [Goethe in Russian theatre] // Literaturnoe nasledstvo [Literary legacy [I. V. Goethe]. Vol. 4–6. Moscow: Journal and Newspaper Association, 1932. P. 909–914. (In Russ.).
3. Gete i muzyka: sbornik statei k 250-letiiu so dnia rozhdeniia poeta [Goethe and music: collection of articles dedicated to the 250th anniversary of the poet's birth] / St. Petersburg State Conservatory named after N. A. Rimsky-Korsakov. St. Petersburg: Publishing House of SPbGPU, 2004. 212 p. (In Russ.).
4. Goyan G. I. Glikeriia Fedotova: zhizn' i tvorchestvo velikoi russkoi artistki [Glikeriya Fedotova: the life and work of the great Russian artist]. Moscow; Leningrad: Iskusstvo, 1940. 399 p. (In Russ.).
5. Durylin S. N. Mariia Nikolaevna Ermolova. 1853–1928: ocherk zhizni i tvorchestva [Maria Nikolaevna Ermolova. 1853–1928: an essay on her life and work]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1953. 652 p. (In Russ.).
6. Zhirmunsky V. M. Gete v russkoi literature [Goethe in Russian literature]. Leningrad: Goslitizdat, 1937. 674 p. (In Russ.).

7. Zograf N. G. Malyi teatr vtoroi poloviny XIX veka [Maly Theatre of the second half of the 19th century]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 648 p. (In Russ.).
8. Zograf N. G. Malyi teatr v kontse XIX – nachale XX veka [The Maly Theatre in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka, 1966. 603 p. (In Russ.).
9. Istoriia russkogo dramaticheskogo teatra: v 7 tomakh. T. 5: 1862–1881 [History of Russian drama theatre in 7 vols. Vol. 5: 1862–1881]. Moscow: Iskusstvo, 1980. 552 p. (In Russ.).
10. Istoriia russkogo dramaticheskogo teatra: v 7 tomakh. T. 6: 1882–1897 [History of Russian drama theatre in 7 vols. Vol. 6: 1882–1897]. Moscow: Iskusstvo, 1982. 575 p. (In Russ.).
11. Istoriia russkogo dramaticheskogo teatra: v 7 tomakh. T. 7: 1898–1917 [History of Russian drama theatre in 7 vols. Vol. 7: 1898–1917]. Moscow: Iskusstvo, 1987. 585 p. (In Russ.).
12. Kovalevskaya T. V. «Faust» Sh. Guno i khudozhestvennye printsiipy Dostoevskogo [Charles Gounod's Faust and Dostoevsky artistic principles] // Dostoevsky and World Culture. Philological Journal. 2021. № 2 (14). P. 89–115. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2021-2-89-115> (In Russ.).
13. Maydanova M. N. Petr Petrovich Gnedich [Pyotr Petrovich Gnedich] // Siuzhet-y Aleksandrinskoi stseny. T. 2: Aktery. Rezhissery [Plots of the Alexandrinsky stage. Vol. 2: Actors. The directors]. St. Petersburg: Levsha. Sankt-Peterburg, 2018. P. 348–368. (In Russ.).
14. Mamchur E. V. Aleksandrinskii teatr v nachale XX veka: litsa i idei [Alexandrinsky Theatre at the beginning of the 20th century: persons and ideas] // Theatre. Fine Arts. Cinema. Music. 2015. № 2. P. 41–60. (In Russ.).
15. Petrovskaya I. F. Teatr i zritel' rossiiskikh stolits: 1895–1917 [Theatre and the audiences of Russian capitals: 1895–1917]. Leningrad: Iskusstvo. Leningradskoe otdelenie, 1990. 269 p. (In Russ.).
16. Reiser S. Zapreshchennye perevody iz Gete [Forbidden translations from Goethe] // Literaturnoe nasledstvo [I. V. Gete]. T. 4–6 [Literary heritage [I. V. Goethe]. Vol. 4–6]. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, 1932. P. 915–917. (In Russ.).
17. Reiser S., Fedorov A. Gete v russkoi tsenzure [Goethe in Russian censorship] // Literaturnoe nasledstvo [I. V. Gete]. T. 4–6 [Literary heritage [I. V. Goethe]. Vol. 4–6]. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, 1932. P. 915–934. (In Russ.).
18. Somina V. P. P. Gnedich. Kniga zhizni [P. P. Gnedich. The book of life] // Novaia russkaia kniga [New Russian Book]. 2001. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nrk/2001/1/p-p-gnedich-kniga-zhizni.html> (In Russ.).
19. Tikhonova O. V. Literatura i muzyka: «Faust» Gete v muzykal'noi kul'ture XIX veka [Literature and music: Goethe's "Faust" in the musical culture of the 19th century] // Literatura v dialoge kul'tur – 10. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Rostov-na-Donu: Publishing House of the Southern Federal University, 2013. P. 223–230. (In Russ.).
20. U istokov rezhissury: Ocherki iz istorii russkoi rezhissury kontsa XIX – nachala XX v. [At the origins of directing: Essays on the history of Russian directing in the late 19th – early 20th centuries]. Leningrad: LGITMiK, 1976. 335 p. (In Russ.).
21. Yankovsky M. O. Operetta: Vozniknovenie i razvitie zhanra na Zapade i v SSSR [Operetta: The emergence and development of the genre in the West and the USSR]. Leningrad; Moscow: Iskusstvo, 1937. 456 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93/94 + 327.2 + 341.24

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-72-91

Сорокин Александр Анатольевич

кандидат исторических наук

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

skaliger1989@yandex.ru; ORCID 0000-0003-1710-0801

Соколов Юрий Вячеславович

младший научный сотрудник

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

sapsan118@yandex.ru; ORCID 0000-0003-1628-8558

ПОДГОТОВКА И ЗАКЛЮЧЕНИЕ РОССИЙСКО- ГЕРМАНСКОГО ТОРГОВОГО ДОГОВОРА 1904 г. В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются общественно-политические дискуссии по вопросу подготовки и заключения российско-германского торгового договора 1904 г. На материалах центральной и провинциальной периодической печати Российской империи, воспоминаний российских дипломатов, а также документов Государственного совета и Министерства внутренних дел Российской империи показано отношение представителей различных политических кругов России к продлению договора между Россией и Германией, заключенного в 1894 г. Авторы показывают состояние баланса российско-германской торговли к началу переговоров, а также выделяют ключевые проблемы при обсуждении нового договора (принятие нового таможенного тарифа Германией, вызвавшего повышение пошлин на российскую продукцию; высокие ставки на перевозку российских товаров в Германию по железной дороге; фактический запрет на поставку мяса и скота из России). Рассматривается роль российского и германского монархов в переговорном процессе. Показывается влияние Русско-японской войны на процесс переговоров и заключение договора. Анализируется изменение ставок на ряд видов российской продукции по результатам переговоров. Делается вывод, что одним из ключевых пунктов для российской дипломатии являлось обеспечение доступа России к возможности кредитования в Германии в обмен на уступки по размерам пошлин по ряду наименований поставляемой продукции.

Ключевые слова: внешняя политика, Германия, общественное мнение, российско-германский торговый договор, Российская империя.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

Для цитирования: Сорокин А. А., Соколов Ю. В. Подготовка и заключение российско-германского торгового договора 1904 г. в оценках российской общественности // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 72–91. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-72-91>

Original article

UDC 93/94 + 327.2 + 341.24

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-72-91

Sorokin Alexander A.

Candidate of Historical Sciences

National Research Lobachevsky State University

of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

skaliger1989@yandex.ru; ORCID 0000-0003-1710-0801

Sokolov Yuriy V.

National Research Lobachevsky State University

of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russia

sapsan118@yandex.ru; ORCID 0000-0003-1628-8558

PREPARATION AND CONCLUSION OF THE RUSSIAN-GERMAN TRADE TREATY OF 1904 IN THE ASSESSMENTS OF THE RUSSIAN PUBLIC

Abstract. The article examines the socio-political discussions on the preparation and conclusion of the Russian-German trade treaty of 1904. The materials of the central and provincial periodicals of the Russian Empire, memoirs of Russian diplomats, as well as documents of the State Council and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire show the attitude of representatives of various political circles of Russia to the extension of the treaty between Russia and Germany, concluded in 1894. The authors show the state of the balance of Russian-German trade by the beginning of negotiations, and also highlight key issues in the discussion of the new agreement (the adoption of a new customs tariff by Germany, which caused an increase in duties on Russian products; high rates for the transportation of Russian goods to Germany by rail; the de facto ban on the supply of meat and livestock from Russia). The role of the Russian and German monarchs in the negotiation process is considered. The influence of the Russian-Japanese war on the process of negotiations and the conclusion of the treaty is shown. The article analyzes the change in rates for a number of types of Russian products based on the results of negotiations. It is concluded that one of the key points for Russian diplomacy was to ensure Russia's access to the possibility of lending in Germany in exchange for concessions in the amount of duties on a number of products supplied.

Keywords: foreign policy, Germany, public opinion, Russian-German trade agreement, Russian Empire.

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

For citation: Sorokin A. A., Sokolov Yu. V. Preparation and conclusion of the Russian-German trade treaty of 1904 in the assessments of the Russian public // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 2 (58). P. 72–91. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-72-91>

Введение. К началу XX в. Российская империя находилась в процессе пересмотра отношений с рядом стран, в том числе торгово-экономических, которые либо порождали развитие политических связей, либо, напротив, базировались на уже устоявшихся политических контактах. Российско-германские торговые отношения в этом смысле являлись яркой иллюстрацией второго явления, хотя политически Россия со времен Александра III все более дистанцировалась от Германии. Несмотря на довольно тесные связи, обусловленные в том числе наличием общей границы, конец XIX в. ознаменовался серией таможенных войн, подробно освещенных в российской и зарубежной историографии¹. Сами российско-германские противоречия при заключении торговых договоров в позднимперский период отчасти были освещены нами в предыдущем исследовании, раскрывающем оценки российской периодической печати, данные процессу подготовки заключения соглашения 1894 г.²

Заключение русско-германского торгового соглашения в 1894 г. не снизило окончательно всех противоречий между странами. Поскольку оно было рассчитано на десять лет, то к началу XX в. встал вопрос о его продлении. Переговорный процесс был тесно связан с принятием таможенных тарифов Германией и Россией в 1902 и 1903 гг. соответственно, о чем уже писалось в исследованиях по российско-германским отношениям³. Укажем также, что

¹ Жильцова Ю. В., Жильцова А. В. Русско-германская таможенная война и торговые договоры 1893 и 1904 гг. Часть II // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21, № 8. С. 974–988; Субботин Ю. Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX века – 1914 г.). М., 1996; Das Kaiserreich transnational: Deutschland in der Welt 1871–1914 / hrsg. S. von Conrad und J. Osterhammel. Göttingen, 2004; Grüning I. Die russische öffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Grossmächten: 1878–1894. Königsberg, 1929, 1929; Kempter G. Agrarprotektionismus: Landwirtschaftliche Schutzzollpolitik im Deutschen Reich von 1879 bis 1914. Frankfurt am Main, 1985.

² Сорокин А. А., Соколов Ю. В. Вопрос о российско-германском торговом договоре в начале 1890-х гг. в оценках российской периодической печати // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сб. материалов XII Всероссийской научной конференции (Самара, 26 апреля 2024 г.) / отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара, 2024. С. 206–213.

³ Копычев Н. И. Таможенный тариф 1902 года и русско-германские отношения // Учен. зап. Псковского гос. пед. института. Псков, 1964. Вып. 19. С. 233–267; Котов Б. С. Российско-германские торговые отношения на рубеже XIX–XX вв. (На примере хлебной торговли) // Россия и современный мир. 2019. № 1 (102). С. 14–31; Кукиль Н. В. Германский вопрос в политической жизни России (конец XIX в. – начало Первой мировой войны): дис. ... канд. ист. наук. М., 2021;

все исследователи обращали внимание преимущественно на экономический и политический аспекты заключения нового договора между Россией и Германией в 1904 г.

В связи с этим в нашем исследовании предпринята попытка на основе материалов Государственного совета Российской империи, отложившихся в фонде министра внутренних дел В. К. Плеве в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ); аналитических материалов, российской периодической печати, а также переписки Николая II и Вильгельма II и участвовавшего в переговорах и заключении договора председателя Комитета министров С. Ю. Витте рассмотреть оценки, данные российской общественностью процессу подготовки и заключения российско-германского торгового договора 1904 г.

Ход и результаты исследования. К началу переговоров о новом торговом договоре (срок договора, заключенного 29 января 1894 г., истек 18 декабря 1903 г.) Россия и Германия имели тесные экономические связи. В 1903 г. Россия экспортировала в Германию товаров на 826,3 млн марок (+8,7 % к 1902 г.), а та, в свою очередь, в Россию — на 378,6 млн марок (+10,2 % к 1902 г.). Россия занимала второе место в числе экспортеров на германский рынок (после США), а для Германии российский рынок был третьим по величине. И если германские товары для российского рынка представляли собой преимущественно готовые продукты (например, шерстяные и мануфактурные изделия), то 92,4 % российских поставок в Германию составляло различное сырье⁴. При этом 73,8 % российского экспорта пришлось на хлеб, составив 279,3 млн марок в денежном выражении⁵.

Вместе с тем в петербургской газете «Заря», которую издавал бывший ранее председателем правления немецкой Сберегательной кассы санкт-петербургских ремесленников, деятельный член Общества содействия русской промышленности и торговле В. В. Ярмонкин, указывалось, что стороны фактически обманывали друг друга, так как по приводимой российской стороной статистике торговли за последние шесть лет с Германией сальдо было в пользу России на 1 200 млн марок, в то время как по германским данным оно было в пользу Германии (на 91 млн руб.)⁶.

В «Заре» также указывалось, что с момента заключения договора 1894 г. стоимость российского экспорта в Германию несколько сократилась, тогда как стоимость германского в Россию, напротив, увеличилась на 66 %, несмотря на «вполне сознательное и ясно выразившееся в конце 80-х годов прошлого столетия общенародное и правительственное стремление к сокращению привоза к нам иностранных товаров и развитию вывоза наших произведений

Острецова М. Л. Русско-германский торговый договор 1904 года // Учен. зап. Московского государственного педагогического института им. В. М. Потемкина. М., 1959. Т. 92 (93). С. 137–216.

⁴ Новое время. 1904. 8 июля.

⁵ К внешней торговле Германии // Гражданин. 1904. № 52. С. 13.

⁶ Заря. 1903. 3 марта.

за границу». Отсюда делался вывод, что за время действия договора 1894 г. Россия только за первые семь лет получила чистого убытка на 570 927 тыс. руб. и все выгоды от его возможного продления получит лишь Германия⁷.

В то же время В. Каспаров и В. Покровский в записке «К вопросу о влиянии русско-германского торгового договора на наш торговый баланс», отложившейся в фонде министра внутренних дел В. К. Плеве в ГАРФ, сделали вывод, что торговый баланс после заключения договора в 1894 г. в первые годы не изменился для России в худшую сторону: напротив, Россия сумела даже увеличить свое присутствие на германском рынке. Что касается некоторого ухудшения торгового баланса в 1895 г. по сравнению с периодом 1885–1892 гг., то это объяснялось одновременным ростом как экспорта, так и импорта, но в связи с низкими ценами на вывозимый хлеб (по сравнению с указанным периодом в 1895 г. стоимость пшеницы упала на 36,0 %, ячменя — на 26,1 %, ржи — на 25,1 %, кукурузы — на 17,9 %, овса — на 17,5 %) экспорт вырос в денежном отношении лишь на 9,4 %, в то время как импорт из Германии — на 28,7 %. Таким образом, это ухудшение было в целом обусловлено не особым характером российско-германской торговли, а исключительно общей структурой российской торговли (весь российский экспорт вырос менее, чем импорт), к тому же германские данные по торговле давали несколько иную картину⁸.

В связи с этим авторы записки отмечали, что, несмотря на понижение некоторых ставок в русском таможенном тарифе, за основными отраслями отечественной промышленности было сохранено достаточное покровительство. Подчеркивалось в итоге, что от договора 1894 г. выиграли обе стороны, что оценивалось вполне благоприятно, поскольку достижение успеха в международных отношениях связывалось с необходимостью соблюдения принципов взаимности и обоюдных уступок⁹.

Секретарь российского посольства в Берлине, а затем министр-резидент при Великогерцогском Гессенском и Герцогском Саксен-Кобург-Готском дворах Л. К. Кнорринг в своих воспоминаниях указывал, что будущий император Вильгельм II в 1888 г., в бытность свою кронпринцем, обещал следовать завету своего умирающего деда поддерживать наилучшие отношения с Россией. Дальнейшее ухудшение отношений двух стран Кнорринг связывал (особенно с началом XX в.) в первую очередь с «национально-шовинистическим настроем», утвердившимся в России, наиболее ярко выразившимся в травле со стороны «Нового времени» (самым активным был лондонский корреспондент Аргус). Именно это обстоятельство и толкало, по его оценкам, правительство и общественное мнение «в объятия сперва Франции, а затем Англии». Результатом стали сложности в отношениях держав: «Взятый политический курс,

⁷ Заря. 1903. 13 апреля.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 181. Л. 5 об. – 6.

⁹ Там же. Л. 13 об.

усиливаясь все более и более, сделался основным препятствием к дальнейшему влиянию личных прекрасных отношений обоих государей, отзывавшихся также на политике обеих правительств». Вильгельм же, по оценкам Кнорринга, дорожил дружбой с Россией даже после удаления Бисмарка и денонсации договора о взаимном страховании¹⁰.

В свою очередь, российский историк Н. В. Кукиль указывал, что «российская экономическая система не могла обойтись без германских промышленных изделий и обработанного сырья, но одновременно с этим она остро нуждалась в кредитах, предоставляемых французским финансовым капиталом», а представители российского руководства, вне зависимости от ранга и занимаемой ими позиции по германскому вопросу, признавали важность сохранения взаимовыгодных экономических контактов между обеими державами¹¹.

Вопрос о заключении нового договора начал прорабатываться еще на рубеже XIX–XX вв. В октябре 1900 г. министр-резидент при дворе Великого герцога Ольденбургского и Сенате вольных городов Гамбурга и Любека С. В. Арсеньев доносил из Гамбурга, что в печатном органе местной биржи *Hamburger Handelsblatt* указывалось на то, что Германия понизит пошлины на ввозимый из России хлеб, если со стороны России последует согласие на уменьшение пошлин на германские железо, каменный уголь и железные изделия¹². Кроме того, по его данным, исходя из сведений 1899 г., Германия могла себя полностью обеспечить продовольствием: картофелем — на 99,8 %, овсом — на 95,8 %, рожью — на 94,9 %, пшеницей — на 69,7 %, ячменем — на 67,3 %¹³.

Проблема будущего российско-германского договора была озвучена на заседании Гамбургской торговой палаты 31 декабря 1900 г., об итогах которого российские дипломаты проинформировали Министерство финансов и Министерство иностранных дел. Так, председателем палаты было высказано предостережение от новой торговой войны, поскольку такие войны для Германии как фабричной державы всегда были более тяжелы. Таким образом, указывалось, что если аграрии будут добиваться односторонних выгод для себя путем повышения ввозных пошлин, что должно привести к ущербу для торговцев, то торговцы тоже должны воспользоваться всеми доступными средствами, чтобы защитить свои интересы. Подчеркивалось также, что повышение ввозных пошлин на хлеб ударит по бюджету практически всех германских семей, в то время как выгоду от этого «за счет всего народа» извлекут не более 1,3 млн землевладельцев из более чем 5,5 млн. В связи с этим в принятой палатой резолюции особо отмечалось, что повышение ввозных пошлин выше уже установленных затруднит или сделает вовсе невозможным заключение новых торговых договоров, не принесет особых выгод для германского сельского

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6373. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹¹ Кукиль Н. В. Указ. соч. С. 113.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 20. Оп. 4. Д. 3136. Л. 29.

¹³ Там же. Л. 32 об.

хозяйства, но неизбежно тяжело отзовется на промышленности и беднейших слоях местного населения¹⁴.

Еще до 1902 г., когда последовало принятие нового германского таможенного тарифа, представители германского правительства в личных беседах с членами российского правительства выражали заинтересованность в том, чтобы не прибегать к денонсации соглашения 1894 г., а обменяться мнениями и затем приступить к переговорам относительно заключения нового договора, который мог бы стать приложением к предыдущему. Затем 8 января 1903 г. германское правительство направило ноту, в которой указывалось, что оно готово приступить к немедленным переговорам о заключении нового договора, причем уточнялось, что переговоры подобного рода не будут вестись с каким-либо государством ранее, чем с Россией. Предполагалось, что договор 1894 г. в общем виде будет сохранен, а необходимые изменения и дополнения в него будут изложены в особой конвенции. Германская сторона исходила также из того, что переговоры будут проходить с учетом действовавшего российского тарифа и нового германского тарифа (принятого 25 декабря 1902 г.)¹⁵.

Необходимо отметить и интерес российских представителей ряда отраслей к германскому рынку. В частности, накануне съезда сельских хозяев Северо-Западного края в 1903 г. в «Виленском вестнике» указывалась такая заинтересованность Берлина в поставках российского сладкого сливочного масла, причем подчеркивалось, что именно губернии данного края могли бы более всего выиграть при установлении соответствующих торговых отношений, поскольку они являлись пограничными¹⁶.

Вместе с тем вопрос о таможенных тарифах, актуальный еще в ходе переговоров России и Германии в конце XIX в., в 1902 г. приобрел новую остроту, поскольку германское правительство, желая привлечь на свою сторону партию аграриев для проведения ряда законопроектов, инициировало значительное повышение таможенных ставок на сельскохозяйственные продукты (прежде всего на зерно и скот). В результате во втором чтении правительственного проекта тарифные ставки на рожь были подняты на 57 %, на пшеницу — на 71 %, ячмень — 175 %, овес — 196 % (само правительство предлагало не столь значительное, хотя и ощутимое повышение на 43, 57, 50 и 178 % соответственно). В денежном выражении минимальные пошлины по новому тарифу превышали нормы договора 1894 г. на 11 коп. с пуда для ржи, на 15 коп. для пшеницы и на 17 коп. для овса¹⁷. С точки зрения С. Н. Южакова, который вел политическое обозрение в «Русском богатстве», это должно было привести к серьезному материальному ущербу для России, а также ряда других стран¹⁸.

¹⁴ РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3136. Л. 63 об. – 64 об.

¹⁵ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 224.

¹⁶ Виленский вестник. 1903. 16 марта.

¹⁷ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 223.

¹⁸ Южаков С. Н. Политика // Русское богатство. 1902. № 10. Отд. II. С. 155–157.

Эта проблема отмечалась и в газете «Киевские отклики», в «Политическом обозрении» которой указывалось, что с момента заключения договора в 1894 г. расклад политических сил в Германии существенно изменился: партия центра, которая составляла большинство в рейхстаге, стала окончательно аграрно-протекционистской, выступающей против заключения торговых договоров и нацеленной на проведение политики протекционизма при активной поддержке сельских хозяев и металлургов¹⁹. Н. В. Кукиль отмечает, что увеличение Германией тарифных ставок на ввозимую из России сельскохозяйственную продукцию было следствием экономического кризиса 1900–1903 гг.²⁰ Как бы то ни было, принятые в 1902 г. таможенные тарифы существенно ограничивали возможности правительства Германии в деле переговоров с Россией, в связи с чем в российской печати констатировалось, что в случае провала переговоров новая таможенная война, которая окажется губительной для обеих сторон, станет неизбежной²¹.

Министерство финансов Российской империи в связи с принятием нового таможенного тарифа в Германии констатировало, что при таких ставках переобложение русского хлеба составило бы от 78 до 110 млн марок²². Буквально вскоре после принятия германского тарифа Россией был подготовлен новый общетамженный тариф по европейской торговле, принятый в январе 1903 г. Одной из его отличительных особенностей было то, что пошлины на ввозимые в Россию морским путем товары были на 20 % ниже, чем на товары, доставляемые по суше. В связи с этим в газете «Бакинские известия» утверждалось, что это был прямой ответ на германские тарифы и делался вывод о неизбежности новой таможенной войны в случае, если в ходе предстоявших в мае 1903 г. парламентских выборов в Германии победу одержат сторонники протекционизма²³.

Публицист П. А. Берлин, проживший несколько лет в Германии, писал по этому поводу, что в случае такой войны Россия, возможно, одержит победу, но вместе с тем указывал, что тезис «Германии больше досталось» не станет утешением для русского народного хозяйства, которое также пострадает. Это объяснялось тем, что увеличение новым российским тарифом пошлин на химические товары, сельскохозяйственные машины и металлы (т. е. на основные позиции германского экспорта в Россию) на 50–200 % приведет к уменьшению их поставок (что вызвало бы падение таможенных доходов российской казны) и резкому увеличению цен на различные виды продукции на российском рынке. Такая тенденция привела бы к необходимости крестьянам продавать еще больше хлеба (даже под угрозой голода), но за счет аграрного протекционизма Германии сбывать его станет гораздо труднее.

¹⁹ Киевские отклики. 1903. 23 ноября.

²⁰ Кукиль Н. В. Указ. соч. С. 96–97.

²¹ Киевские отклики. 1903. 23 ноября.

²² РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 223.

²³ Бакинские известия. 1903. 31 января.

Подобная ситуация, по мнению Берлина, требовала пересмотра финансовой системы, основанной на усиленном вывозе хлеба за рубеж (в том числе и за счет сокращения личного потребления). В связи с этим предлагалось, напротив, смягчить политику протекционизма и «искусственного вскармливания промышленности», чтобы добиться удешевления промышленной продукции на российском рынке и увеличить внутренний спрос на нее, а также за счет этого прийти к такому уровню благосостояния, когда не потребуется поставлять на экспорт огромное количество хлеба ценой собственных жертв²⁴.

Вместе с тем в «Русском вестнике» поднималась проблема неравноправия железнодорожных тарифов, применяемых Германией по отношению к российским товарам. Размеры провозной платы по германским железным дорогам указаны ниже в таблице 1. Данные приведены из расчета стоимости перевозки 100 кг груза в марках, при весе груза в минимальном (менее 5 000 кг) и максимальном (от 10 000 кг) значениях.

Таблица 1

**Сравнение тарифов Германии на перевозку ряда товаров
в Россию и из России по железной дороге²⁵**

Продукт	Тариф при ввозе из России, от Берлина до Вержболово		Тариф при вывозе из России, от Вержболово до Берлина	
	Менее 5 тыс. кг	Свыше 10 тыс. кг	Менее 5 тыс. кг	Свыше 10 тыс. кг
Алебастр	3,89	2,59	8,15	4,45
Чай	3,89	2,59	8,15	4,45
Виноградное вино	3,89	2,59	8,15	4,45
Мед	3,89	2,59	8,15	4,45
Жесть	3,89	1,3	5,93	2,59
Железо и сталь	3,89	1,3	5,93	2,59
Чугун	3,89	1,3	5,93	1,63
Земледельческие орудия	3,89	1,48	5,93	3,33
Кожи и шкуры	3,89	2,59	8,15	2,96
Масло и сыр	3,89	2,59	8,15	4,45
Медные изделия	3,89	1,48	5,93	4,45
Мясо домашних животных	3,89	2,59	8,15	4,45
Табак, табачные изделия	3,89	2,59	8,15	4,45
Хлопок	3,89	2,59	8,15	3,33

Из представленной таблицы видно, что на рассмотренную нами номенклатуру товаров тарифы на перевозку российских товаров отличались от аналогичных тарифов для германских, причем превышение первых над вторыми составляло от 52,4 до 109,5 % (при минимальном объеме груза) и от 25,4 до 200,6 % (при максимальном). Это позволяло обозревателю «Русского

²⁴ Бакинские известия. 1903. 21 февраля.

²⁵ С. А. К. Внутреннее обозрение // Русский вестник. 1904. Т. 292. Июль. С. 451–452.

вестника» сделать вывод, что за счет таких тарифов на перевозку «мы свели почти на нет наши таможенные пошлины, тогда как немцы чуть их не удвоили, хитро и умно воспользовавшись своими железнодорожными тарифами»²⁶.

С точки зрения редакции «Зари», сама попытка поощрять развитие международной торговли в любом случае является обманом, поскольку, чтобы попасть на рынок того или иного государства товарам, обложенным в стране ввоза высокой пошлиной, страна вывоза была вынуждена возвращать отправителям их акциз (или другой сбор), т. е. фактически выдавать премии экспортерам²⁷.

В июне 1903 г. Германии был передан перечень российских пожеланий в виде ключевых положений, которые должны были лечь в основу нового соглашения. В их число входили отмена действовавших стеснительных мер, применяемых по отношению к ввозу из России живого скота, мяса, птицы и продуктов животноводства (в соответствии с германским законом 3 июня 1900 г. о досмотре убойного скота и мяса под предлогом санитарно-ветеринарных норм из России мясо не пропускалось); принятие мер против существовавших в Германии промышленных союзов, сбывающих товар за рубежом по искусственно заниженным ценам и тем самым ослабляющих значение российских пошлин; изложение в новом договоре постановления о наибольшем благоприятствовании, не дающем возможности обложения российских товаров дифференциальными пошлинами, для исключения ситуаций по типу применения ставок к русскому сахару на основании постановлений Брюссельской сахарной конвенции. Заявлялось также о необходимости понижения тарифных ставок на российский хлеб до уровня, максимально близкого к нормам соглашения 1894 г., а по прочим интересующим российскую сторону товарам — непосредственно до норм указанного соглашения²⁸.

В августе 1903 г. по инициативе германской стороны в Санкт-Петербурге состоялась конференция делегатов, однако она не привела к значимым результатам, поскольку ее инициаторы оказались готовы лишь на незначительные уступки России. Следующий раунд переговоров прошел уже в ноябре 1903 г. в Берлине. Состав российской делегации был сформирован из представителей министерства финансов и министерства иностранных дел с привлечением консультантов из министерств внутренних дел и государственных имуществ. Однако в ходе берлинских консультаций и вовсе не удалось приступить к обсуждению тарифов, поскольку Германия категорически отказалась понижать ставки на хлеб и отменять запрет на поставки из России скота и продуктов животноводства. Там же главе русской делегации, товарищу министра финансов тайному советнику В. И. Тимирязеву германский статс-секретарь по иностранным делам вручил новый перечень предлагаемых со стороны Германии

²⁶ С. А. К. Внутреннее обозрение. С. 453.

²⁷ Заря. 1903. 3 марта.

²⁸ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 226.

уступок и пожеланий по пересмотру отдельных российских таможенных ставок. При этом было заявлено, что правительство Германии не имеет возможности понизить минимальный размер пошлин на хлеб, уступки по остальным продуктам в пользу России возможны лишь при возврате российских ставок в отношении германских товаров к нормам соглашения 1894 г., а отмена ограничений на ввоз скота невозможна ввиду состояния санитарно-ветеринарных условий в России²⁹.

30 декабря 1903 г., рассмотрев данное предложение, российское правительство направило ноту, в которой заявило, что данные условия считает неприемлемыми как создающие неравенство в российско-германской торговле, поскольку в таком случае российская сторона переплачивала бы по пошлинам порядка 33,5 млн марок ежегодно, в то время как германская сохраняла бы все льготы, закрепленные в договоре 1894 г. В то же время было отмечено, что российское предложение было последним (т. е. окончательным)³⁰.

После этого переговоры были приостановлены, и лишь 1 мая 1904 г. под председательством С. Ю. Витте было проведено совещание при участии министров финансов, иностранных дел, внутренних дел, государственных имуществ, земледелия, а также главноуправляющего торговым мореплаванием и портами, в ходе которого был сделан вывод о возможности заключения соглашения на основании минимальных пошлин германского тарифа, но при условии достижения во всех прочих частях соглашения как можно более благоприятных для России условий³¹. С. Ю. Витте писал в своих воспоминаниях о том, что Вильгельм II обратился к Николаю II с просьбой заключить договор на условиях нового германского таможенного тарифа сразу после начала войны, одновременно заверив в нерушимости российских западных границ, и этой просьбе в совещании было уделено серьезное внимание (наиболее активно эту аргументацию использовал великий князь Александр Михайлович, после чего участвовавший в совещании министр внутренних дел В. К. Плеве заявил, что ущерб, который российское сельское хозяйство понесло бы от заключения договора на германских условиях, можно будет покрыть иными способами)³².

Проходившая в то время Русско-японская война (хотя Германия не являлась ее участником) приводила к инцидентам: так, следовавший в Японию германский пароход *Prinz Heinrich* был задержан русским крейсером «Смоленск», после чего была изъята вся находившаяся на немецком судне корреспонденция, предназначенная для доставки в Японию. Издатель «Гражданина» князь В. П. Мещерский прямо связывал заключение договора с участием России в войне (более подробно о зависимости России от Германии в период

²⁹ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 227.

³⁰ Там же. Л. 228

³¹ Там же. Л. 229.

³² *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 2022. С. 556–557.

войны указано в отдельных современных исследованиях³³). Он исходил из того, что если бы не это обстоятельство, то изначальные позиции переговорщиков были бы равны, однако ведение войны Россией фактически давало возможность Германии заявить о своей нужности для России, что тут же степень полезности первой для второй ставило в зависимость от российской уступчивости в процессе переговоров о новом торговом договоре³⁴.

В связи с этим Мещерский предлагал отрешиться от возможных предрассудков и рассуждать исключительно с позиции государственных и экономических интересов. А экономические интересы, как он признавал, находились в тесном переплетении с политическими. С одной стороны, при предлагаемых Германией условиях российские поставщики хлеба недополучали бы 12 коп. с каждого поставленного пуда. С другой стороны, в случае отказа от заключения договора Россия лишилась бы преимущества минимального таможенного обложения товаров, уступила бы значительный по размеру рынок сбыта хлеба другим странам, а при начале поставок хлеба при отсутствии нового договора потери российских поставщиков составили бы уже 50 коп. с пуда. Кроме того, Мещерский исходил из того, что попытка германского императора Вильгельма II заручиться поддержкой местных аграриев оказалась бы ударом по самой Германии, ибо он был убежден, что ослабление России неизбежно повлечет за собой и ослабление Германии³⁵.

29 марта 1904 г. Вильгельм II направил Николаю II письмо, в котором мягко упрекал его за задержку с заключением договора: «В конце концов, невозможно же ждать вечно, принимая во внимание, что столько месяцев уже прошло совершенно бесплодно»³⁶. 19 мая последовал ответ, в котором указывалось, что было дано поручение министрам смягчить требования, а Витте рекомендовано учесть немецкие предложения, чтобы не затягивать заключение договора. Главным затруднением сам российский император считал вопрос о размере пошлин на рожь и пшеницу, которые могли нанести «нашему земледелию тяжкий и жестокий удар». Выбор места для проведения переговоров он предоставлял германскому монарху³⁷.

По воспоминаниям Витте, совещание сочло возможным пойти на уступки Германии, но при условии открытия для России доступа к возможности получения займов. Это заключение было одобрено Николаем II, который дал поручение Витте войти в переговоры с канцлером Германии относительно заключения договора в как можно более короткий срок на упомянутых основаниях³⁸.

³³ Казанцев Ю. И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век). Ростов-на-Дону, 2002. С. 55.

³⁴ Дневники // Гражданин. 1904. № 37. С. 16.

³⁵ Там же. С. 17.

³⁶ Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. / с предисл. М. Н. Покровского. М.; Пг., 1923. С. 58.

³⁷ Там же. С. 61.

³⁸ Витте С. Ю. Указ. соч. С. 557.

Отметим, что определенное беспокойство выражала и германская сторона. В «Новом времени» упоминалось, что находившийся в Берлине Русско-германский союз направил канцлеру Бюлову ходатайство, в котором были перечислены пожелания относительно основ будущего договора между Россией и Германией. В нем указывалось, что ставки нового российского таможенного тарифа делали невозможным дальнейший экспорт в Россию германских продуктов, которые и при ранее действовавших ставках поставлялись в сокращенных объемах. Негативно Союз отнесся и к той норме тарифа, согласно которой ввозимые в Россию товары сухопутным способом облагались по большей ставке, чем те, которые доставлялись морем. Более того, утверждалось, что эта мера была принята специально против Германии, поэтому ее отмены следовало добиваться в числе первых. При этом констатировалось, что и германской стороне придется пойти для выполнения этих целей на учет интересов российских экспортеров. С точки зрения «Нового времени» это служило примером сложности достижения компромисса двух держав при заключении нового торгового договора, причем ответственность за их успех возлагалась именно на германскую сторону, которой следовало учитывать интересы российских поставщиков товаров в Германию³⁹.

Германская печать обращала внимание на ряд тонкостей дипломатического свойства. Предыдущий договор был подписан в Берлине, поэтому, исходя из этикета, новый следовало бы подписать в Санкт-Петербурге. Однако российская делегация сама прибыла в Берлин, и, как сообщал корреспондент «Нового времени» Н. К. Мельников, для местной прессы это было знаком того, что Россия готова подписать договор на любых условиях, если не настаивает на соблюдении дипломатического этикета. Правда, по оценкам «Нового времени», эта позиция была не более чем заблуждением, поскольку приезд российской делегации стал результатом личной просьбы императора Вильгельма II, пренебрежение которой было бы куда большим нарушением этикетных норм. Возможным камнем преткновения называлось то обстоятельство, что российская сторона была готова согласиться на минимальные ставки Германии на российский хлеб, но при этом собиралась отстаивать те пошлины, которые были приняты на германские товары, что совсем не устраивало немцев, особенно в отношении продукции химической промышленности. Мельников указывал также на еще один возможный проблемный момент в переговорах: Германия настаивала на жестком соблюдении германских санитарных норм при поставках российских продуктов скотоводства. Такое же требование ею было выдвинуто и к Австрии при обсуждении схожего договора, и именно по этой причине австрийская сторона к тому моменту его так и не подписала⁴⁰.

В «Русском вестнике» выражалась слабая надежда, что российская делегация, ранее отказавшаяся принять жесткие требования германской стороны, сможет отстоять свою позицию и на этот раз (в противном случае предстояло

³⁹ Новое время. 1904. 1 июля.

⁴⁰ Там же. 2 июля.

«опять закабалить себя на много лет»), однако подчеркивалось, что это будет непросто, поскольку немцы выбрали для переговоров именно тот момент, когда Россия сражалась с Японией и имела также и внутривнутриполитические проблемы⁴¹.

Сами переговоры проходили первоначально в Нордернее (Саксония), а затем в Берлине. В состав российской делегации входили председатель Комитета министров С. Ю. Витте, берлинский агент министерства финансов В. Я. Голубев, товарищ министра финансов В. И. Тимирязев и его помощники, В. В. Прилежаев и вице-директор Департамента торговли и мануфактур Н. П. Ланговой. Согласно воспоминаниям Витте, наиболее проблемным оказался пункт о доступе России к германским займам, поскольку канцлер Бюлов находил это весьма проблематичным ввиду провозглашенного Вильгельмом II принципа «немецкие деньги для немцев», который исключал кредитование иностранных держав. Однако Витте проявил настойчивость и отказался подписывать договор, пока в нем не будет соответствующего пункта, после чего Бюлов получил письмо о разрешении займов, и лишь тогда состоялось подписание⁴².

15 (28) июля 1904 г. договор был подписан и должен был вступить в силу в 1906 г. В отложившейся в фондах Российского государственного исторического архива документации Государственного совета по вопросам заключения договора указывалось, что в результате взаимных уступок задача сохранения существовавшего равновесия экономических отношений была выполнена, поскольку разница между переобложением германского экспорта в Россию и российского экспорта в Германию должна была достигнуть порядка 2 млн руб. в пользу российской стороны. Указывалось также, что отмена повышенной надбавки в 20 % на товары, доставляемые по суше из Германии, в сущности, приобрела символический характер, поскольку новый российский таможенный тариф еще не вступил в силу. В целом власти оценивали итоги переговоров как положительные, отмечая, что «усиление по русскому конвенционному тарифу таможенной охраны для некоторых отраслей нашей промышленности будет, по мере их развития, содействовать увеличению покупательной силы нашего рабочего населения, следовательно, и усилению внутреннего спроса на хлеб»⁴³.

Удалось, помимо прочего, добиться некоторых подвижек в решении «сахарного вопроса»: Германия, подписав Брюссельскую сахарную конвенцию 1902 г., должна была применять к российскому сахару повышенную ввозную пошлину (поскольку Россия не присоединилась к данному акту), однако договор 1904 г. предусматривал, что эта пошлина не будет распространяться на тот сахар, который стал бы идти через Германию транзитом в другие страны⁴⁴.

Компромисс был достигнут и по ставкам на значительное количество сельскохозяйственных культур⁴⁵, что отражено в таблице 2.

⁴¹ С. А. К. Внутреннее обозрение // Русский вестник. 1904. Т. 292. Июль. С. 453.

⁴² Витте С. Ю. Указ. соч. С. 559.

⁴³ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 242.

⁴⁴ Там же. Л. 243.

⁴⁵ По данным: РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 262–284.

Таблица 2

Изменение размера пошлин на российские товары в договоре 1904 г.

Культура	Ставка по конвенции 1894 г.	Ставка по германскому тарифу 1902 г.	Ставка по договору 1904 г.
Ячмень	2 марки	4–7 марок	1,3 марки
Горох	1,5 марки	4 марки	1,5 марки
Чечевица	1,5 марки	4 марки	1,5 марки
Кормовые бобы	1,5 марки	2,5 марки	1,5 марки
Вика	1,5 марки	2,5 марки	1,5 марки
Рапс	2 марки	5 марок	2 марки
Сурепка	2 марки	5 марок	2 марки
Льняное и конопляное семя	Беспощлинно	0,75 марки	Беспощлинно
Семя клевера	Беспощлинно	5 марок	Беспощлинно
Хмель	14–20 марок	70 марок	20 марок
Строительный и поделочный лес (необработанный)	1,2 марки с м ³	1,2 марки с м ³ для мягких пород, 1,8 марки с м ³ для твердых пород	0,72 марки с м ³ для мягких пород, 1,08 марок с м ³ для твердых пород
Отесанный лес	1,8 марки с м ³	3 марки с м ³ для мягких пород, 4 марки с м ³ для твердых пород	1,44 марки с м ³ для мягких пород, 1,92 марок с м ³ для твердых пород
Пиленый лес	4,8 марки с м ³	7,5 марок с м ³ для мягких пород, 10 марок с м ³ для твердых пород	4,8 марки с м ³ для мягких пород, 6,4 марки с м ³ для твердых пород
Лошади	20 марок с головы + 10 марок для лошадей не старше двух лет	90–360 марок с головы, дополнительно 30 марок с каждой лошади стоимостью до 300 марок и ростом ниже 140 см	72 марки с головы для лошадей ценой до 1000 марок
Свины	5 марок с головы	18 марок с 100 кг живого веса	9 марок с 100 кг живого веса
Живая птица	Беспощлинно	24 марки с 100 кг для гусей, 6 марок с 100 кг для остальной птицы	Беспощлинно для гусей, 4 марки с 100 кг для остальной птицы

Мясо	15 марок за 100 кг свежего мяса (кроме свинины), 17 марок за 100 кг свиного или приготовленного мяса	45 марок за 100 кг свежего мяса, 60 марок за 100 кг приготовленного мяса	Разрешение на поставку приготовленного по нормам закона 3 июня 1900 г. мяса, при ставке 35 марок за 100 кг
	Птица и дичь	30 марок за 100 кг битой птицы, 20 марок за 100 кг битой дичи	15 марок за 100 кг битой птицы, 20 марок за 100 кг битой дичи или приготовленной битой птицы
Икра		45 марок за 100 кг битой дичи, 60 марок за 100 кг приготовленной битой дичи	
	Масло коровье	300 марок за 100 кг	150 марок за 100 кг
Яйца и яичные желтки	16 марок за 100 кг	30 марок за 100 кг	20 марок за 100 кг
	2 марки за 100 кг яиц, 3 марки за 100 кг желтков	6 марок за 100 кг яиц, 8 марок за 100 кг желтков	2 марки за 100 кг яиц и желтков
Горчица молотая	4 марки за 100 кг	6 марок за 100 кг	3 марки за 100 кг
Минеральные масла	6 марок за 100 кг очищенных масел, 10 марок за 100 кг смазочных масел и дополнительная надбавка 25 % с наливных грузов по весу нетто	6 марок за 100 кг очищенных масел, 10 марок за 100 кг смазочных масел и дополнительная надбавка 25 % с наливных грузов по весу нетто	6 марок за 100 кг очищенных и смазочных масел и дополнительных грузов по весу нетто
Ртуть	Беспшлинно	Беспшлинно	Беспшлинно
Масла эфирные	Беспшлинно для скипидарного и соснового масел, 0 марок за 100 кг анисового масла	Беспшлинно для скипидарного и соснового масел, 30 марок за 100 кг анисового масла	Беспшлинно для скипидарного и соснового масел, 20 марок за 100 кг анисового масла

Безусловным достижением стало понижение ставок на российский ячмень даже по сравнению с тарифом 1894 г. В ходе переговоров и с учетом того, что поставки ячменя в Германию только росли (в 1901 г. в денежном выражении ячмень составил 22 % от всех поставленных зерновых, в 1902 г. уже 27 %, сам объем поставляемого ячменя в 1903 г. увеличился по сравнению с 1901 г. на 125 %), германское правительство понизило пошлину на кормовой ячмень до 1,3 марки⁴⁶.

Удалось добиться существенного успеха и в вопросе поставок скота. По общему порядку, ввоз его из России в Германию был запрещен к моменту заключения договора, и лишь в порядке исключения разрешалось поставлять не более 1 350 голов свиней в округа Верхней Силезии. Поскольку в среднем каждая свинья весила около 10 пудов, то по тарифу 1902 г. ставка выросла почти в шесть раз с головы. Задача-максимум в этом вопросе для российских дипломатов состояла в уменьшении такой ставки, а также в снятии ограничений на поставки. Германское правительство не нашло возможным пойти на уступки до такой степени, однако в ходе переговоров удалось понизить пошлину вдвое по сравнению с 1902 г., а также увеличить количество разрешаемых к ввозу свиней до 2 500 голов⁴⁷.

В целом по 25 основным номенклатурам поставляемых из России в Германию товаров по пяти группам (ячмень, необработанный лес, яйца и яичные желтки, горчица молотая и минеральные масла) российским дипломатам удалось добиться даже улучшения (по сравнению с договором 1894 г.) условий обложения, а еще по 11 сохранить ставки 1894 г., существенно повышенные тарифом 1902 г. Ухудшились по сравнению с 1894 г., но улучшились по сравнению с 1902 г. условия по таким группам товаров, как хмель, пиленный лес, отесанный лес (частично, поскольку, по сравнению с 1894 г., в 1902 г. стали применяться отдельные ставки для древесины мягких и твердых пород), лошади, свиньи, живая птица, мясо, птица и дичь, масло коровье.

Газета «Новое время», комментируя положительные отзывы о факте заключения договора, опубликованные в официальной германской печати, отмечала, что «это чувство разделяется всеми благомыслящими людьми в России, всегда дорожившими дружбой с Германией и особенно чутко оценивающими всякое ее подтверждение в теперешнее нелегкое для России время»⁴⁸.

Вместе с тем отрицательно к сближению с Германией относился публиковавшийся в газете «Слово» один из организаторов Русского собрания и бывший член редколлегии «Нового времени» С. Н. Сыромятников: «Находясь в экономическом рабстве у Германии, мы никогда не можем быть спокойны за судьбу свою и за интересы славянства — нашего авангарда в Западной Европе». Сворачивание же отношений с ней в период руководства министерством

⁴⁶ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93. Л. 262–263.

⁴⁷ Там же. Л. 272–274.

⁴⁸ Новое время. 1904. 19 июля.

финансов И. А. Вышнеградским, напротив, расценивалось им как благо, поскольку это позволило избежать серьезных проблем: предполагалось, что в противном случае «за нашим финансовым крахом последовало бы занятие пруссаками русской Польши»⁴⁹.

Однако основные положения договора для российской общественности долгое время оставались непубличной информацией. Так, обозреватели «Вестника Европы» смогли дать комментарий по договору лишь в феврале 1905 г., причем особо отмечая, что они вынуждены руководствоваться лишь сведениями из германской печати. В связи с этим указывалось, что для немцев договор был результатом в том числе и широкого обсуждения, «плодом внимательного взвешивания и соглашения между парламентскими деятелями и правительством», в то время как за российских аграриев и промышленников «действовало лишь несколько чиновников нашего министерства финансов»: «Эти компетентные чиновники избавили русское общество от ненужных разногласий и споров, взяв на себя окончательное секретное установление тех уступок, которые требуются от нашего народного хозяйства в пользу Германии»⁵⁰.

Заключение. В отличие от процесса подготовки предыдущего российско-германского торгового договора 1894 г. российская периодическая печать уделяла гораздо меньше внимания как собственно состоянию торговли между Россией и Германией, так и вопросам подписания нового соглашения. Вместе с тем в обществе так и не сложилось единого мнения о том, каков был результат (положительный или отрицательный) для России от подписания договора в 1894 г. В свою очередь, как российские, так и германские производители были заинтересованы в развитии дальнейших торговых отношений. Однако попытки сближения со сторонниками протекционизма для германского правительства обернулись принятием довольно жесткого протекционного тарифа в 1902 г., следствием чего стал новый виток таможенной войны с Россией, в ответ принявшей новый тариф в 1903 г. В заключении договора 1904 г. была высока роль личных контактов российского и германского монархов, а также заинтересованность России в скорейшем решении этой проблемы ввиду продолжающейся войны с Японией. Именно этим и объясняется ряд уступок германской стороне в процессе переговоров, а также стремлением получить доступ к германскому денежному рынку (что не афишировалось публично, но фактически являлось одним из ключевых вопросов для России при подписании договора). Во многом закулисный характер переговоров и предопределил слабовыраженную реакцию российской печати на сам факт заключения договора.

⁴⁹ Слово. 1905. 11 августа.

⁵⁰ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1905. Кн. 2. С. 844.

Литература

1. Жильцова Ю. В., Жильцова А. В. Русско-германская таможенная война и торговые договоры 1893 и 1904 гг. Часть II // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21. № 8. С. 974–988. <https://doi.org/10.24891/ia.21.8.974>
2. Казанцев Ю. И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век). Новосибирск: Сибирское соглашение; Ростов н/Д: Феникс, 2002. 350 с.
3. Копычев Н. И. Таможенный тариф 1902 года и русско-германские отношения // Ученые записки Псковского государственного педагогического института им. С. М. Кирова. Вып. 19. Общественные и исторические науки. Псков, 1964. С. 233–267.
4. Котов Б. С. Российско-германские торговые отношения на рубеже XIX–XX вв. (На примере хлебной торговли) // Россия и современный мир. 2019. № 1 (102). С. 14–31. <https://doi.org/10.31249/rsm/2019.01.02>
5. Кукиль Н. В. Германский вопрос в политической жизни России (конец XIX в. – начало Первой мировой войны): дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 226 с.
6. Острецова М. Л. Русско-германский торговый договор 1904 года // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. М. Потемкина. М., 1959. Т. 93. Вып. 5: Кафедра истории нового времени. С. 137–216.
7. Сорокин А. А., Соколов Ю. В. Вопрос о российско-германском торговом договоре в начале 1890-х гг. в оценках российской периодической печати // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов XII Всероссийской научной конференции (Самара, 26 апреля 2024 г.) / отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара: Самарама, 2024. С. 206–213.
8. Субботин Ю. Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX века – 1914 г.). М.: ИРИ, 1996. 271 с.
9. Das Kaiserreich transnational: Deutschland in der Welt 1871–1914 / hrsg. S. von Conrad und J. Osterhammel. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. 327 p.
10. Grüning I. Die russische öffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Grossmächten: 1878–1894. Königsberg, 1929. 219 p.
11. Kempter G. Agrarprotektionismus: Landwirtschaftliche Schutzzollpolitik im Deutschen Reich von 1879 bis 1914. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 1985. 272 p.

References

1. Zhil'tsova Yu. V., Zhil'tsova A. V. Russko-germanskaia tamozhennaia voina i trgovye dogovory 1893 i 1904 gg. Chast' II [The Russian-German customs war and trade agreements of 1893 and 1904. Part 2] // International Accounting. 2018. Vol. 21. № 8. P. 974–988. <https://doi.org/10.24891/ia.21.8.974> (In Russ.).
2. Kazantsev Yu. I. Mezhdunarodnye otnosheniia i vneshniaia politika Rossii (XX vek) [International relations and foreign policy of Russia (XX century)]. Novosibirsk: Sibirskoe soglasenie; Rostov-na-Donu: Feniks, 2002. 350 p. (In Russ.).
3. Kopychev N. I. Tamozhennyi tarif 1902 goda i russko-germanskie otnosheniia [The 1902 customs tariff and Russian-German relations] // Uchenye zapiski Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. S. M. Kirova. Vyp. 19. Obshchestvennye i istoricheskie nauki [Scientific notes of the Pskov State Pedagogical Institute named

after S. M. Kirov. Issue 19. Social and historical sciences]. Pskov, 1964. P. 233–267. (In Russ.).

4. Kotov B. S. Rossiisko-germanskii torgovye otnosheniia na rubezhe XIX–XX vv. (Na primere khlebnoi trgovli) [Russian-German trade relations in the late 19th – 20th centuries. (On the example of grain trade)] // Russia and the Contemporary World. 2019. № 1 (102). P. 14–31. <https://doi.org/10.31249/rsm/2019.01.02> (In Russ.).

5. Kukil N. V. Germanskii vopros v politicheskoi zhizni Rossii (konets XIX v. – nachalo Pervoi mirovoi voyny) [The German question in the political life of Russia (the end of the 19th century – the beginning of the First World War)]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences, Moscow, 2021. 226 p. (In Russ.).

6. Ostretsova M. L. Russko-germanskii torgovyi dogovor 1904 goda [The Russian-German trade agreement of 1904] // Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. V. M. Potemkina [Scientific notes of the Moscow State Pedagogical Institute named after V. M. Potemkin]. Moscow, 1959. Vol. 93. № 5: Department of Modern History. P. 137–216. (In Russ.).

7. Sorokin A. A., Sokolov Yu. V. Vopros o rossiisko-germskom torgovom dogovore v nachale 1890-kh gg. v otsenkakh rossiiskoi periodicheskoi pechati [The issue of the Russian-German trade agreement in the early 1890s in the assessments of the Russian periodical press] // Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istoriia i sovremennost': sbornik materialov XII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Samara, 26 apreliia 2024 g.) [Russia's foreign policy interests: History and Modernity: a collection of materials from the XII All-Russian Scientific Conference (Samara, April 26, 2024)] / ed. by A. N. Skvoznikov. Samara: Samarama, 2024. P. 206–213. (In Russ.).

8. Subbotin Yu. F. Rossiia i Germaniia: partnery i protivniki (torgovye otnosheniia v kontse XIX veka – 1914 g.) [Russia and Germany: partners and opponents (trade relations at the end of the 19th century – 1914)]. Moscow: IRI, 1996. 271 p. (In Russ.).

9. Das Kaiserreich transnational: Deutschland in der Welt 1871–1914 / hrsg. S. von Conrad und J. Osterhammel. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. 327 p.

10. Grüning I. Die russische öffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Grossmächten: 1878–1894. Königsberg, 1929. 219 p.

11. Kempter G. Agrarprotektionismus: Landwirtschaftliche Schutzzollpolitik im Deutschen Reich von 1879 bis 1914. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 1985. 272 p.

Научная статья

УДК 93/94 + 328.182

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-92-107

Воронцов Юрий Александрович

аспирант

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Пермь, Россия

ural550@mail.ru; ORCID: 0009-0002-4909-1743

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И РАБОЧИЕ

Аннотация. Артикулирование интересов социальных групп и институционализация торгово-промышленных и рабочих ассоциаций в начале XX в. совпали с внедрением и реформированием законодательных учреждений, формируемых на основе представительства интересов. Сравнение думского представительства новых групп интересов проводится на основании анализа социал-демократической фракции и межпарламентской торгово-промышленной группы как организованных формирований, обладающих специфическим лоббистским инструментарием. В ходе исследования выделяются как незначительные сходства между данными формированиями, так и значительные различия в групповой организации и в способах защиты интересов.

Ключевые слова: Государственная дума, группы интересов, рабочее представительство, социал-демократическая фракция, парламентская группа, межпарламентское торгово-промышленное объединение, лоббистские практики.

Для цитирования: Воронцов Ю. А. Представительство новых социальных интересов в Государственной думе позднеимперской России: предприниматели и рабочие // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 92–107. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-92-107>

Original article

UDC 93/94 + 328.182

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-92-107

Vorontsov Yuriy A.

Graduate student

Perm State National Research University

Perm, Russia

ura1550@mail.ru; ORCID: 0009-0002-4909-1743

**REPRESENTATION OF NEW SOCIAL
INTERESTS IN THE STATE DUMA
OF LATE IMPERIAL RUSSIA:
ENTREPRENEURS AND WORKERS**

Abstract. The articulation of the interests of social groups and the institutionalization of business and workers' associations in the early 20th century coincided with the introduction and reform of legislative institutions based on representation of interests. The comparison of the Duma representation of these modern interest groups is based on the analysis of the Social Democratic fraction and the parliamentary trade and industrial group as organized formations with specific lobbying tools. The study highlights both minor similarities between these formations and significant differences in group organization and ways of protecting interests.

Keywords: State Duma, interest groups, workers' representation, social democratic faction parliamentary group, interparliamentary trade and industrial association, lobbying practices.

For citation: Vorontsov Yu. A. Representation of new social interests in the State Duma of late imperial Russia: entrepreneurs and workers // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 2 (58). P. 92–107. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-92-107>

Введение. Законодательные органы начала XX в. подразумевались как представительство различных групп интересов, что обуславливало формирование в них сословных, корпоративных, этнорелигиозных и территориальных объединений. Борьба крупной промышленности за экономические привилегии, рост мощи частного сектора привели к созданию предпринимательских организаций и формированию торгово-промышленного представительства в Государственной думе и реформированном Государственном совете. Тяжелые условия труда и социальная незащищенность рабочих подталкивали к профсоюзной, забастовочной и партийной самоорганизации, в том числе и к формированию думской рабочей фракции. Выбор для исследования данных групп интересов обусловлен, во-первых, их современным характером, во-вторых, их взаимообусловленностью.

Целью исследования является характеристика торгово-промышленного и рабочего представительства в Государственной думе как групп интересов,

обладающих специфическими формами организации и инструментарием по артикуляции и защите своих прав.

Сравнительный анализ думского представительства модерных социальных интересов позволяет глубже раскрыть многообразие потребностей и противоречий между ними. Под рабочим представительством в исследовании понимается вся социал-демократическая фракция с акцентом на методах и тактике революционного парламентаризма. Последняя реализовывалась преимущественно большевистским крылом фракции, обладающим поддержкой и связями с рабочими массами, избираемым и представленным рабочими.

Корпоративные группы интересов исследованы неравномерно. Социал-демократической фракции и тактике революционного парламентаризма посвящен ряд исследований¹. Торгово-промышленное представительство в законодательных органах затрагивалось еще в пятитомнике под редакцией Ю. О. Мартова, П. П. Маслова и А. Н. Потресова², а также в работах советского историка А. Я. Авреха³ и современных исследователей В. В. Лысова⁴, В. А. Демина⁵ и И. К. Кирьянова⁶. Однако в данных исследованиях не в полной мере проанализированы особенности групповой организации и лоббистского инструментария.

Концепция исследования базируется на теории групп интересов А. Бентли⁷, полагавшего, что основу политического процесса составляет взаимодействие заинтересованных групп. Данная теория, широко применяемая в политологических исследованиях, позволяет взглянуть на думское представительство не только в разрезе классических политических фракций, но и альтернативных межфракционных депутатских объединений, обладающих специфическими требованиями, артикулированными и агрегированными из потребностей различных социальных групп, выступающих опорой данных формирований. Исследование основано на историко-сравнительном методе, позволяющем проанализировать данные группы по отдельным характеристикам.

¹ Зайчиков Г. И. Борьба рабочих депутатов Государственной Думы против царизма в 1907–1914 гг. М., 1981; Рудь А. С. Депутаты-большевики в IV Государственной думе. М., 1980; Циунчук Р. А. От имени пролетариата: историография истории большевистской думской тактики в 1905–1907 гг. Казань, 1989; Платова Т. В. Социал-демократические депутаты в Государственной думе (1907–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; Савельев П. Ю. Источники изучения деятельности социал-демократов в I и II Государственных думах Российской Империи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 41–53.

² Общественное движение в России в начале XX-го века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1910. Т. 2. Ч. 2.

³ Аврех А. Я. Столыпин и III Дума. М., 1968.

⁴ Лысов В. В. Торгово-промышленная политика Совета съездов представителей промышленности и торговли и государство (1906–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

⁵ Демин В. А. Верхняя палата Российской империи, 1906–1917. М., 2006.

⁶ Кирьянов И. К. Депутатский корпус и лоббистские практики в России начала XX века // Власть. 2009. № 1. С. 105–109; Его же. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006.

⁷ Bently A. The process of government / ed. by P. H. Olegard. Cambridge, 1961.

Источниками для исследования стали стенографические отчеты законодательных учреждений⁸, справочник, подготовленный приставской частью⁹, мемуары¹⁰, периодические издания (журнал «Промышленность и торговля», газеты «Голос Москвы», «Новое время», «Звезда», «Правда» и т. д.), и брошюры членов фракции и экспертов РСДРП¹¹. Данные источники раскрывают основные формы деятельности и роль групповых форм в продвижении «новых» интересов, дискуссии и этапы работы с законопроектами.

Ход и результаты исследования. Представительства раскрываются как группы интересов на основе определенных критериев: органы управления, состав и политическая принадлежность членов, субъектность и организованность группы, внешнее сопровождение и поддержка, участие в законотворческом процессе, целостность объединения.

Социал-демократическая фракция сложилась в июне 1906 г. из объединения Рабочей группы трудовиков и депутатов от Кавказа. В последующих созывах фракция сохраняла организационную преемственность при обновлении депутатского представительства с незначительными изменениями во внешних и внутренних условиях взаимодействия.

Вся думская деятельность социал-демократической фракции проходила в условиях политического раскола самой РСДРП на большевиков и меньшевиков, что привело к созданию одноименных самостоятельных фракций в октябре 1913 г. Меньшевистское крыло было более ориентировано на мирную думскую деятельность и легальные методы борьбы за пределами Думы, допускало возможность совместных действий и компромиссов со всеми оппозиционными фракциями, сопротивлялось партийному контролю над фракцией, следуя реформистскому пути развития социал-демократии.

Руководство фракцией осуществлялось несколькими членами Комитета фракции, заседающего ежедневно; избирались председатели фракции. Основной формой координации думской деятельности являлись общие собрания фракции с участием представителей ЦК, проводимые два-три раза в неделю в помещениях Таврического дворца или в специально снятой для фракции квартире.

Деятельность фракции опиралась на аппарат, в том числе и из внедумских экспертов и помощников: внешние взаимодействия фракции осуществлялись

⁸ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созывы I–IV. СПб., 1906–1917; Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессии I–XIII. СПб., 1906–1916.

⁹ Справочник / Гос. Дума; сост. Приставской частью Гос. думы. СПб., 1909.

¹⁰ Зурабов А. Г. Вторая Государственная дума: воспоминания. СПб., 1908; Бадаев А. Е. Большевики в Государственной Думе: большевистская фракция 4 Государственной думы и революционное движение в Петербурге: воспоминания. М., 1930; Витте С. Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Т. 2. Л., 1924. 518 с.

¹¹ Балабанов М. С., Дан Ф. И. Рабочие депутаты в Первой Государственной Думе. СПб., 1907; Никитин К. Н., Степанов И. И. Деятельность Второй Государственной думы: сборник статей. М., 1907; Семашко Н. А. Социал-демократическая фракция в III Государственной думе. Женева, 1910.

секретариатом; участие в законотворческом процессе — комиссией из профессиональных юристов; подготовка речей и материалов к выступлениям — «сведущими лицами».

У каждой из групп интересов в Думе была своя социальная база. «Рабочая среда является для партии пролетариата естественной средой», тогда как для «гг. Гучковых и бар. Тизенгаузенев — среда мукомолов, сахарозаводчиков и других промышленников», — цитировал историка-марксиста М. Н. Покровского большевик Н. А. Семашко¹².

Во II Думе численность социал-демократической фракции достигала 64 человек, в думах других созывов она не превышала двадцати. Крайне левая политическая позиция рабочего представительства в Думе обуславливала его антиправительственный настрой и противостояние со всеми партиями, кроме левых, за влияние на которые велась борьба с кадетами.

Руководящую роль в определении думской тактики рабочей фракции играла партия, которая в лице ЦК и при посредстве партийной печати, по мнению Н. А. Семашко, «несомненно улучшила деятельность фракции»¹³. В таких условиях отдельные депутаты являлись лишь исполнителями принципов революционного парламентаризма. Субъектность социал-демократической фракции возросла только в IV Думе, так как некоторые депутаты являлись членами или доверенными лицами ЦК РСДРП.

Думская фракция была главной легальной структурой РСДРП, а депутатская неприкосновенность использовалась для «сочетания нелегальной деятельности с работой в легальных организациях»¹⁴, под ее защитой «велась переписка ЦК с местными организациями, рассылались агитационные материалы, передавались бастующим собранные деньги»¹⁵.

Рабочее представительство в форме думской фракции не только отстаивало узкоклассовые рабочие интересы (улучшение условий труда, повышение заработной платы и т. п.), но и выдвигало более масштабные общеполитические требования, предлагая, например, конфисковать помещичьи земли. Думу в целом члены социал-демократической фракции воспринимали не как представительный орган, в котором путем планомерной законодательной работы можно добиться улучшения жизни рабочих, а как «революционную кафедру, с которой на весь мир можно открыто сказать свободное... слово»¹⁶, считали ее «могучим средством организации масс для дальнейшего развития революции»¹⁷. Думская деятельность эсдеков была подчинена общепартийной деятельности. Революционный парламентаризм социал-демократической фракции проявлялся

¹² Семашко Н. А. Указ. соч. С. 79, 80.

¹³ Там же. С. 92.

¹⁴ Платова Т. В. Указ. соч. С. 14.

¹⁵ Государственная Дума России: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. М., 2006. С. 593.

¹⁶ Никитин К. Н., Степанов И. И. Указ. соч. С. 12.

¹⁷ Зурабов А. Г. Указ. соч. С. 60.

и в выступлениях против регламентации прений, их принудительного прекращения, лишения слова и удаления из зала, и в праве выносить «на широкое обсуждение все то, что было сказано в стенах Таврического дворца»¹⁸, и в демонстративном отказе от борьбы за места в президиуме.

Важную роль в деятельности фракции играли легальные партийные газеты. «Звезда» являлась газетой фракции III Думы, «Правда» — рабочей газетой, в руководстве которой состояли депутаты IV Думы (издатель А. Е. Бадаев, казначей и редактор Г. И. Петровский и др.). В этих изданиях печатались думские речи и статьи рабочих депутатов, а также освещалась тактика фракции.

Рабочим интересам в законодательных учреждениях противостояли интересы их корпоративного антагониста, связи и противоречия с которым сформировались задолго до учреждения Думы. В ноябре 1907 г. при поддержке Совета съездов представителей промышленности и торговли было организовано межпарламентское объединение — «Совещание членов Государственного Совета и Государственной Думы, интересующихся работами обеих палат в области промышленности, торговли и финансов»¹⁹. Идея о создании такого объединения возникла одновременно у членов Думы и членов Госсовета, избранных от промышленности и торговли. Но инициативу проявили последние: «...члены Государственного Совета предложили нам, членам Думы, принять участие в их работах», — писала газета «Голос Москвы»²⁰. В Совещании предполагалось паритетное представительство от Думы и Госсовета. Однако, продолжал «Голос Москвы», «официального соглашения между ними нет»²¹, как не было и конкуренции, при руководящей роли членов Госсовета.

Координировали работу межпарламентского объединения «старосты», представляющие обе палаты (от Госсовета — Н. С. Авдаков и С. П. Глезмер, от Думы — барон Е. Е. Тизенгаузен и С. П. Беляев). Общее руководство и внешние сношения осуществлялись единым президиумом, первоначально полностью состоявшим из членов верхней палаты: председатель — Н. С. Авдаков, его заместитель — С. П. Глезмер. Впоследствии председателем президиума избирался Н. С. Авдаков, заместителями — двое представителей от Думы. Основной формой работы членов Совещания являлись собрания, проводимые в здании Совета съездов²². Собрания объединения были нерегулярны и их количество напрямую было связано с количеством обсуждаемых

¹⁸ Борисова Т. Stephen Lovell. How Russia learned to talk: A history of public speaking in the stenographic age, 1860–1930. Oxford: Oxford University Press, 2020. 327 pp. ISBN 9780199546428 // Laboratorium. 2022. № 3. С. 162.

¹⁹ Кирьянов И. К. Указ. соч. С. 6.

²⁰ Голос Москвы. 1907. 11 декабря. № 286.

²¹ Там же. 9 декабря. № 285.

²² Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве: дис. ... д-ра ист. наук. Пермь., 2009. С. 200.

законопроектов. Так, «в сессию 1908–1909 гг. группа имела 15 заседаний»²³, в сессию 1909–1910 гг. — 12 заседаний²⁴.

Совещание на первом собрании было представлено 42 «сочувствующими» от обеих палат, в 1908–1910 гг. численность возросла до 55 человек: 27 — от Госсовета, 28 — от Думы²⁵.

Несмотря на формально внепартийный характер²⁶, торгово-промышленное межпарламентское Совещание самоидентифицировалось как «филиальное отделение группы центра»²⁷. Думской основой этого объединения выступала партия октябристов, разделяющая, по мнению Д. В. Рыбина, принципы либерального консерватизма²⁸. Противники объединения — «крайние» фракции, не признававшие институциональное значение Думы²⁹, выступавшие против интересов предпринимателей. Из числа членов Госсовета основой Совещания была группа центра и ее «торгово-промышленная подгруппа»³⁰.

Необходимость отдельной группы давления при наличии «Союза 17 октября» обуславливалась противоречиями между интересами частных предпринимателей и партийными экономическими установками, формируемыми представительством интересов широких социальных слоев. Совещание декларировало лояльность к власти, но критиковало экономическую политику Совета министров, полагая необходимым «освободить промышленность от циркулярного вмешательства Правительства»³¹, тем более что «содействие Правительства... не превышало 0,2 % всех расходов Государства»³².

Межпарламентское объединение, или «созданный по частной инициативе кружок», как назвал его «Голос Москвы»³³, являлось своего рода дискуссионным клубом со специфическими торгово-промышленными интересами и совещательным характером деятельности. По степени организации, выработке единой тактики, обязательствам участников Совещание проигрывало думским фракциям с их партийной дисциплиной и иерархией. Внутригрупповое взаимодействие в нем было построено на коллегиальном характере принятия решений и равноправии членов.

Отношения между межпарламентским объединением предпринимателей и Советом съездов можно охарактеризовать как равноправное партнерство.

²³ Промышленность и торговля. 1909. № 20. С. 440.

²⁴ Там же. 1910. № 22. С. 552.

²⁵ Там же. № 20. С. 439.

²⁶ Лысов В. В. Указ. соч. С. 36.

²⁷ Голос Москвы. 1907. 9 декабря. № 285.

²⁸ Рыбин Д. В. Идеология движения либеральных легалистов и теория консервативного либерализма // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 310.

²⁹ Брэдли Дж. Позднеимперская история России в оценке американских историков // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 115.

³⁰ Демин В. А. Указ. соч. С. 182.

³¹ Промышленность и торговля. 1909. № 8. С. 506.

³² Там же. 1910. № 7. С. 497.

³³ Голос Москвы. 1907. 9 декабря. № 285.

При этом Совет съездов оказывал экспертную поддержку и содействие Совещанию, но не мог влиять на коллективные решения входивших в него членов Думы и Госсовета. В то же время и Совещание, несмотря на то что состояло из «видных членов Думы и Совета — крупных промышленников»³⁴, являвшихся авторитетными политиками и предпринимателями, влиять на повестку Совета съездов могло лишь неформально.

Целью создания межпарламентского торгово-промышленного объединения являлось предварительное обсуждение законопроектов, вносимых в Думу, для выработки общего мнения и последующих действий. Из цели вытекает и подход Совещания к участию в законодательной работе: «...группа взяла на себя задачу провести в этой области совершенно другие начала, выработать иные условия и с помощью законодательных учреждений провести их в жизнь»³⁵.

Одним из инструментов продвижения интересов частного предпринимательства являлось печатное издание Совета съездов — журнал «Промышленность и торговля». В нем публиковались статьи членов Совещания, отражающие интересы промышленности и торговли и их защиту в законодательных органах, а также материалы деятельности этого межпарламентского объединения, ибо «без печатного слова нельзя нести надлежащей защиты интересов отечественной промышленности и торговли», утверждал журнал³⁶.

Продвижение корпоративных интересов в рамках депутатского представительства осуществлялось некоторыми как официально-институциональными, так и неформальными методами. К официальным относятся работа с законопроектами в комиссиях и деятельность в общих заседаниях Думы, к неофициальным — давление на органы власти и косвенное воздействие на общество.

Во II Думе социал-демократическая фракция пыталась использовать комиссии для «революционизирования» представительного органа, требуя передачи себе дополнительных полномочий, не предусмотренных законодательством, и предлагая наделить Продовольственную комиссию правом контроля за деятельностью властей на местах и распределением продовольственной помощи голодающим.

Размеренная работа в комиссиях не позволяла социал-демократам пропагандировать свои взгляды, а малое в них представительство (в III Думе из 33 членов рабочей комиссии, только трое были эсдеками) — добиться значимых результатов при постатейной обработке рабочих законопроектов. Тем не менее члены фракции участвовали в заседаниях рабочей комиссии, вносили поправки, подавали председателю Думы заявления от лица меньшинства комиссии, однако вся их деятельность, как писал советский исследователь,

³⁴ Голос Москвы. 7 декабря. № 283.

³⁵ Там же. 13 декабря. № 288.

³⁶ Промышленность и торговля. 1908. № 1. С. 1.

была погребена «в мрачных тайниках Таврического дворца черносотенными могильщиками»³⁷.

В III Думе торгово-промышленная группа не участвовала в распределении мест в комиссиях, но при этом была значительно представлена в них благодаря доминирующему положению октябристской фракции. «В создаваемых Думой комиссиях — финансовой, бюджетной, по рабочему вопросу октябристы получают не менее 40 % мест», — писал советский историк А. Я. Аврех³⁸. Например, в комиссии по рабочему вопросу из 33 членов десять принадлежали к Совещанию, в их числе председатель комиссии барон Е. Е. Тизенгаузен и секретарь С. П. Беляев. В комиссии по промышленности и торговле из 22 членов десять являлись участниками Совещания. Беляев и Тизенгаузен заняли в ней посты председателя и секретаря соответственно³⁹. Широкое представительство в рабочей комиссии торгово-промышленных кругов позволяло им затягивать рассмотрение страхового законодательства. Так, например, законопроекты, внесенные в 1907 г., под давлением Правительства все же были рассмотрены в 1912 г.⁴⁰

С одной стороны, члены думской торгово-промышленной группы ориентировались на законотворческий процесс, с другой стороны, подчеркивали отсутствие у группы законодательной инициативы («не для разработки новых законопроектов» она создавалась, утверждал «Голос Москвы»⁴¹) и ее направленность на работу с готовыми законопроектами. Таким образом, группа не вносила новые законопроекты и поправки, не подавала запросы, но координировала отстаивание интересов торгово-промышленного класса на общих заседаниях и в комиссиях Думы.

Процедура утверждения ведомственных смет в Думе рассматривалась рабочим представительством не как кадетская «веревочка, на которой народное представительство будет держать правительство»⁴², а как «оружие... для победы народа над его врагом»⁴³. Социал-демократическая фракция голосовала против бюджета, критикуя его как в целом, так и сметы отдельных министерств и призывая к расширению бюджетных прав в Думе. Рабочие законопроекты, внесенные в III Думу, признавались фракцией недостаточными, но в то же время их изменение путем внесения поспешных поправок использовалось как эффективное средство пропаганды.

Распространенным способом привлечения внимания к социальным проблемам или нарушениям закона правительством являлись запросы, хоть они, по мнению советского исследователя Г. И. Зайчикова, и «не приводили

³⁷ Рудь А. С. Указ. соч. М., 1980. С. 32.

³⁸ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 235.

³⁹ Справочник. С. 95, 99.

⁴⁰ Государственная Дума России: энциклопедия. Т. 1. С. 292.

⁴¹ Голос Москвы. 1907. 9 декабря. № 285.

⁴² Зурабов А. Г. Указ. соч. С. 72.

⁴³ Там же. С. 47.

к прекращению незаконных» и «наказанию виновных должностных лиц»⁴⁴. В Первой Думе социал-демократической фракцией было внесено около 20 запросов из 391⁴⁵, во Второй — 10 из 37⁴⁶, в Третьей — 60 из 157⁴⁷. Еще до официального оформления рабочей фракции в I Думе за подписью 14 депутатов было опубликовано воззвание «Ко всем рабочим России...», призывавшее «добиваться передачи всей власти Учредительному собранию» и «защищать свои интересы»⁴⁸. Декларация о формировании фракции была зачитана в Думе во время прений по законопроекту о собраниях 16 июня 1906 г., но обращалась она «не столько к членам Думы, сколько — через их голову — к народу»⁴⁹.

Поскольку «установление тесной связи с рабочими фракция считала основным условием успешности своей деятельности»⁵⁰, приоритет в неформальном продвижении интересов отдавался взаимодействию с рабочими массами. Связи социал-демократов с рабочими формировались посредством участия ее членов в собраниях, митингах и конференциях, ответов на обращения, организации личных приемов и участия в работе легальных рабочих организаций (больничных кассах, профсоюзах, рабочих клубах и т. д.). Эти связи пригодились в феврале 1917 г., обеспечив включение рабочих депутатов Думы в ядро формирующегося Петросовета⁵¹.

Исключительным средством протеста против действий властей являлась обструкция. В апреле 1914 г., в ответ на судебное преследование Н. С. Чхеидзе, трудовики и социал-демократы сорвали выступление председателя Совета министров И. Л. Горемыкина, не давая ему говорить пока всех левых депутатов не исключили на 15 заседаний⁵². Социал-демократы защищали интересы рабочих и прямым давлением на исполнительную власть, пытаясь «хлопотать у министров об арестованных»⁵³. В мае 1913 г. большевик А. Е. Бадаев в ходе приема у товарища морского министра М. В. Бубнова добился освобождения задержанных во время забастовки на Балтийском заводе⁵⁴.

Торгово-промышленная группа также пользовалась рядом практик прямого воздействия на правительство, отправляя deputации, подавая запросы или прошения от лица объединения. Например, запрос в Главное управление по делам печати «по вопросу об изменении распубликования частных обязательных

⁴⁴ Зайчиков Г. И. Указ. соч. С. 94.

⁴⁵ Балабанов М. С., Дан Ф. И. Указ. соч. С. 155.

⁴⁶ Государственная Дума России: энциклопедия. Т. 1. С. 594.

⁴⁷ Зайчиков Г. И. Указ. соч. С. 91.

⁴⁸ Там же. С. 77.

⁴⁹ Балабанов М. С., Дан Ф. И. Указ. соч. С. 89.

⁵⁰ Там же. С. 161.

⁵¹ Иванов А. А., Машкевич С. В. С. Т. Варун-Секрет. «А. Д. Протопопов и последние дни Государственной думы» // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 3. С. 793.

⁵² Государственная Дума России: энциклопедия. Т. 1. С. 596.

⁵³ Бадаев А. Е. Указ. соч. С. 144.

⁵⁴ Там же. С. 152.

объявлений»⁵⁵ или ходатайство в Совет министров об отпуске средств на содержание комиссии⁵⁶ при Совете Съездов по пересмотру торговых договоров.

Депутаты, входившие в состав социал-демократической фракции и межпарламентского торгово-промышленного объединения, имели опыт организационной и общественной деятельности до формирования представительства в Думе. Предприниматели создавали легальные лоббистские организации и состояли в общественных структурах при министерствах: «Здесь встречаются друг с другом старые знакомые — деятели отечественной промышленности, привыкшее и раньше действовать вместе в своих крепких организациях и в правительственных совещаниях»⁵⁷. Социал-демократы же имели опыт исключительно нелегальной партийной и издательской деятельности, организации забастовок и участия в революционных событиях 1905–1907 гг.

Исследуемые представительства социальных интересов выделяются и особенностями выступлений во время прений. Социал-демократы пользовались марксистской лексикой, транслировали классовый взгляд на сословно-групповую и антирабочую природу политической системы России начала XX в., считали себя единственными защитниками интересов рабочих. Представителям торгово-промышленной группы была свойственна более умеренная риторика, они выступали за примирение сторон в социальных и классовых конфликтах, исходя из архаично-патриархальных представлений об отеческой заботе фабрикантов о рабочих, говорили о единстве интересов рабочих и владельцев предприятий, сельского хозяйства и промышленности.

Проиллюстрировать разнообразие методов отстаивания групповых интересов можно на примере противостояния социал-демократической фракции и Совещания по поводу законопроекта о вознаграждении рабочих и служащих заведений Министерства финансов, пострадавших в результате несчастных случаев, а также членов их семей. Общая стратегия по отношению к страховым проектам до их внесения в Думу обсуждалась на собрании межпарламентского торгово-промышленного объединения 4 ноября 1907 г. На нем было решено отстаивать одновременное, «совокупное» рассмотрение всего многообразия страхового законодательства, сохраняя определенную очередность и постепенность. Для информирования Совета министров о позиции Совещания по поводу стратегии внесения законопроектов в Думу предлагалось направлять ходатайства от лица торгово-промышленных организаций.

Законопроект о страховании служащих заведений Министерства финансов и представителей торгово-промышленного межпарламентского объединения вызывал опасения представителей Совещания количеством обязанностей, налагаемых на работодателя, если нормы законопроекта будут распространены и на частные предприятия (что изначально не предусматривалось).

⁵⁵ Промышленность и торговля. 1909. № 20. С. 440.

⁵⁶ Сибирская жизнь. 1911. 12 июня. № 129.

⁵⁷ Общественное движение в России в начале XX-го века. С. 58.

Представители торгово-промышленного межпарламентского объединения развернули активную деятельность в рабочей комиссии Думы с целью не допустить принятия данного законопроекта. К министру финансов были направлены авторитетные «старейшины» объединения — С. П. Глезмер и Н. С. Авдаков. Членам Думы рассылались записки с указанием основных доводов: «мозаичность» проекта при подготовке правительством более широкого страхового законодательства; создаваемая проектом неравномерность страхования для частных и казенных предприятий; недостаточная проработка случаев профессиональных заболеваний и т. д.

Доклад думской комиссии был отложен на основании записки 38 депутатов о снятии его с повестки. С предложением о разборе проекта по существу безрезультатно выступал социал-демократ Н. М. Егоров, возмущаясь восьмимесячной задержкой законопроекта: «Что бы ни касалось рабочего вопроса, мы никогда ничего не признаем спешным»⁵⁸. Рабочая комиссия предлагала отклонить законопроект, а после внесения правительством общих страховых проектов повторно запросить его на доработку. Социал-демократы выступали против возврата проекта в комиссию, предлагая рассмотреть его на общем собрании Думы, одновременно предупреждая рабочих о невозможности улучшения своего положения при помощи нижней палаты: «...пускай русский пролетариат не ждет от Государственной Думы своего улучшения. Это антирабочая Государственная Дума»⁵⁹.

После доработки в комиссии законопроект сохранил социальные гарантии по несчастным случаям, исключив страхование по профессиональным заболеваниям до представления ведомством дополнительных данных и точного их определения. Социал-демократы, отмечая свою узкоклассовую точку зрения, «на которой стояла и стоит рабочая комиссия»⁶⁰, предлагали вернуть проект в комиссию на двухнедельный срок для проработки профессиональных заболеваний, критикуя думские лоббистские практики: «Дума, за спиной рабочего класса, и где-то в тайниках, в недрах сталкивалась с представителями промышленности и представителем Правительства»⁶¹; вопросы социального законодательства «решаются с заднего крыльца, не прямым путем»⁶².

Члены рабочей комиссии и межпарламентского Сопровождающего С. П. Беляев, Е. Е. Тизенгаузен и А. Е. Фаворский выступали в защиту доклада комиссии и агитировали за отклонение законопроекта. Эсдеки И. П. Покровский и Г. С. Кузнецов безуспешно вносили поправки, увеличивающие денежное содержание пострадавшим, расширявшие круг подлежащих страхованию лиц и уточнявшие расплывчатые формулировки в пользу рабочих.

⁵⁸ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб., 1908. Ч. 3. Стб. 4178.

⁵⁹ Там же. Сессия II. СПб., 1909. Ч. 1. Стб. 986.

⁶⁰ Там же. Ч. 4. Стб. 653.

⁶¹ Там же. Стб. 655.

⁶² Там же.

В Госсовете, где представительство торгово-промышленной группы было существеннее (в сессию 1908–1909 гг. — около 14 %), а рабочие вовсе отсутствовали, законопроект был передан в специальную комиссию из 15 членов, восемь из которых входили в состав Сопения⁶³. Двое из них — Г. А. Крестовников и М. Н. Триполитов — предлагали отклонить проект на тех же основаниях, что и рабочая комиссия Думы, однако это не было поддержано общим собранием Госсовета.

Комиссия Госсовета исключила из числа страхуемых вольнослужащих, в результате чего страхование вместо 136 500 рабочих и служащих коснулось всего 3–4 тысяч рабочих⁶⁴. Однако согласительная комиссия все же вернула страхование вольнослужащих, и 23 марта 1911 гг. законопроект, внесенный в Государственную думу в ноябре 1907 г., наконец удостоился Высочайшего утверждения.

Заключение. При сравнении корпоративного представительства через призму групповых форм отстаивания интересов получилось выделить ряд незначительных сходств между сравниваемыми формированиями.

Деятельность обеих групп — социал-демократической фракции и межпарламентского Сопения — поддерживалась печатными изданиями и внешними организациями, оказывавшими экспертное и техническое сопровождение. Каждое из исследуемых объединений отстаивало классовые интересы, опиралось на определенные социальные группы и имело два центра внутри: большевики и меньшевики в социал-демократической фракции, члены Думы и Совета в межпарламентском Сопении.

Несмотря на принадлежность обоих формирований к ассоциативным группам интересов, данные объединения являлись противоположностями по основополагающим особенностям групповой организации и позиционирования, что в том числе связано и с преобладанием партийного или лично-авторитетного вклада в избрание депутатом. Думские социал-демократы — политическая фракция, выдвигающая радикальные общеполитические требования, со строгой организацией, иерархией и регламентацией думской деятельности отдельных членов. Торгово-промышленное объединение — «группа давления», дискуссионный клуб с узкими интересами, равноправной формой внутренней организации и отсутствием обязательств у ее участников.

Группы отличались и степенью субъектности, независимости от внешних инстанций. Фракция — подчиненный орган ЦК РСДРП, — реализующий партийную тактику революционного парламентаризма; торгово-промышленное Сопение — самостоятельное депутатское объединение, состоящее в горизонтальном партнерстве с Советами съездов.

⁶³ Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1909–1910 гг. Сессия V. СПб., 1909. Стб. 44.

⁶⁴ Новое время. 1910. 7 декабря. № 12479.

Отношение к законотворческому процессу сформировало основные методы и объекты воздействия обеих структур. Социал-демократы характеризуются как безответственная оппозиция, законотворческая деятельность для которой вторична, а приоритет для нее — общие заседания Думы, где все формы деятельности использовались как инструменты воздействия на общество. Цель формирования торгово-промышленной группы (Совещания) — координирование лоббистской деятельности в интересах частного предпринимательства с совмещением внешних и внутренних форм давления, предварительного и процессуального влияния на законопроекты.

В отличие от социал-демократов, не ориентировавшихся на деятельность «в тайниках комиссий», Совещание было основательно представлено в различных комиссиях (в том числе и в их руководстве), что позволяло влиять на прохождение через них законопроектов.

В неформальном лоббизме рабочим представительством отдавался приоритет взаимодействию с рабочими массами и редким депутациям к министрам. Предпринимательское представительство реже взаимодействовало напрямую с торгово-промышленными кругами, но чаще прибегало к практикам прямого лоббизма в органах власти.

Оба объединения добились умеренных результатов в рамках своих задач: межпарламентское Совещание в меру своих возможностей влияло на законотворческий процесс; рабочее представительство расширило свое влияние на рабочих и наладило легальное и нелегальное взаимодействие с ними.

Литература

1. Аврех А. Я. Столыпин и III Дума. М.: Наука, 1968. 520 с.
2. Борисова Т. Stephen Lovell. How Russia learned to talk: A history of public speaking in the stenographic age, 1860–1930. Oxford: Oxford University Press, 2020. 327 pp. ISBN 9780199546428 // *Laboratorium*. 2022. Т. 14. № 3. С. 159–163. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-159-163>
3. Брэдли Дж. Позднеимперская история России в оценке американских историков // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023. Т. 68. № 1. С. 109–129. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.107>
4. Демин В. А. Верхняя палата Российской империи, 1906–1917. М.: РОССПЭН, 2006. 374 с.
5. Зайчиков Г. И. Борьба рабочих депутатов Государственной Думы против царизма в 1907–1914 гг. М.: Высш. школа, 1981. 153 с.
6. Иванов А. А., Машкевич С. В. С. Т. Варун-Секрет. «А. Д. Протопопов и последние дни Государственной думы» // *Новейшая история России*. 2020. Т. 10. № 3. С. 773–796. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.313>
7. Кирьянов И. К. Депутатский корпус и лоббистские практики в России начала XX века // *Власть*. 2009. № 1. С. 105–109.
8. Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь: Пермское книжное изд-во, 2006. 368 с.

9. Лысов В. В. Торгово-промышленная политика Совета съездов представителей промышленности и торговли и государство (1906–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 165 с.
10. Общественное движение в России в начале XX-го века / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб.: Обществ. польза, 1910. Т. 2. Ч. 2. 339 с.
11. Платова Т. В. Социал-демократические депутаты в Государственной думе (1907–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 30 с.
12. Рудь А. С. Депутаты-большевики в IV Государственной думе. М.: Просвещение, 1980. 80 с.
13. Рыбин Д. В. Идеология движения либеральных легалистов и теория консервативного либерализма // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. № 2. С. 304–316. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.201>
14. Савельев П. Ю. Источники изучения деятельности социал-демократов в I и II Государственных думах Российской Империи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 41–53. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-1-41-53>
15. Циунчук Р. А. От имени пролетариата: историография истории большевистской думской тактики в 1905–1907 гг. Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. 127 с.
16. Bently A. The process of government / ed. by P. H. Olegard. Cambridge: Belknap Press, 1961. 501 p.

References

1. Avrekh A. Ya. Stolypin i III Duma [Stolypin and the III Duma]. Moscow: Nauka, 1968. 520 p. (In Russ.)
2. Borisova T. Stephen Lovell. How Russia learned to talk: A history of public speaking in the stenographic age, 1860–1930. Oxford: Oxford University Press, 2020. 327 p. ISBN 9780199546428 // Laboratorium. 2022. Vol. 14. № 3. P. 159–163. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2022-14-3-159-163> (In Russ.).
3. Bradley J. Pozdneimperskaia istoriia Rossii v otsenke amerikanskikh istorikov [Late imperial history of Russia as assessed by American historians] // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2023. Vol. 68. Issue 1. P. 109–129. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.107> (In Russ.).
4. Demin V. A. Verkhniaia palata Rossiiskoi imperii, 1906–1917 [Upper chamber of the Russian Empire, 1906–1917]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 374 p. (In Russ.).
5. Zaychikov G. I. Bor'ba rabochikh deputatov Gosudarstvennoi Dumy protiv tsarizma v 1907–1914 gg. [The struggle of workers' deputies of the State Duma against tsarism in 1907–1914]. Moscow: Vysshiaia shkola, 1981. 153 p. (In Russ.).
6. Ivanov A. A., Mashkevich S. V. S. T. Varun-Secret “A. D. Protopopov i poslednie dni Gosudarstvennoi Dumy” [S. T. Varun-Secret. “A. D. Protopopov and the last days of the State Duma”] // Modern History of Russia. 2020. Vol. 10. №. 3. P. 773–796. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.313> (In Russ.).
7. Kiryanov I. K. Deputatskii korpus i lobbistskie praktiki v Rossii v nachale XX veka [Deputy corps and lobbying practices in Russia at the beginning of the 20th century] // Vlast'. 2009. №. 1. P. 105–109. (In Russ.).
8. Kiryanov I. K. Rossiiskii parlamentizm nachala XX veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve [Russian parliamentarians of the early twentieth century: new

politicians in a new political space]. Perm: Perm Book Publishing House, 2006. 368 p. (In Russ.).

9. Lysov V. V. *Torgovo-promyshlennaia politika Soveta s"ezdov predstavitelei promyshlennosti i trgovli i gosudarstvo (1906–1914 gg.)* [Trade and industrial policy of the Council of Congresses of Representatives of Industry and Trade and the state (1906–1914)]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Moscow, 1999. 165 p. (In Russ.).

10. *Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX-go veka* [Social movement in Russia at the beginning of the 20th century] / ed. by L. Martov, P. Maslov and A. Potresov. St. Petersburg: Obshchestvennaia pol'za, 1910. Vol. 2. Part 2. 339 p. (In Russ.).

11. Platova T. V. *Sotsial-demokraticheskie deputaty v Gosudarstvennoi Dume (1907–1914)* [Social democratic deputies in the State Duma (1907–1914)]: abstract of the thesis of the Candidate of Historical Sciences. Moscow, 1991. 30 p. (In Russ.).

12. Rud' A. S. *Deputaty-bol'sheviki v IV Gosudarstvennoi dume* [Bolshevik deputies in the IV State Duma]. Moscow: Prosveshchenie, 1980. 80 p. (In Russ.).

13. Rybin D. V. *Ideologiiia dvizheniia liberal'nykh legalistov i teoriiia konservativnogo liberalizma* [Ideology of the movement of Liberal legalists and the theory of Conservative Liberalism] // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2023. Vol. 68. № 2. P. 304–316. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.201> (In Russ.).

14. Savel'ev P. Yu. *Istochniki izucheniiia deiatel'nosti sotsial-demokratov v I i II Gosudarstvennykh dumakh Rossiiskoi Imperii* [Sources for the study of the Social Democrats' activities in the State Dumas of the Russian Empire of the I and II convocations] // *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*. 2019. № 1. P. 41–53. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2019-1-41-53> (In Russ.).

15. Tsiunchuk R. A. *Ot imeni proletariata: istoriografiia istorii bol'shevistskoi dumskoi taktiki v 1905–1907 gg.* [On behalf of the Proletariat: a historiography of the History of Bolshevik Duma tactics in 1905–1907]. Kazan: Publishing House of Kazan University, 1989. 127 p. (In Russ.).

16. Bently A. *The process of government* / ed. by P. H. Olegard. Cambridge: Belknap Press, 1961. 501 p.

Научная статья

УДК 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-108-130

Иванов Андрей Александрович

доктор исторических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

**А. И. ДУБРОВИН И П. А. СТОЛЫПИН:
ПРИЧИНЫ АНТАГОНИЗМА**

Аннотация. В статье выявляются и анализируются причины противостояния между вождем крупнейшей черносотенной партии Российской империи Союза русского народа А. И. Дубровиным и председателем Совета министров П. А. Столыпиным. С опорой на достижения современной российской историографии и источники, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, показаны нюансы взаимоотношений между вождем черной сотни и премьером, их специфика, причины трансформации и обстоятельства, приведшие к антагонизму между Дубровиным и Столыпиным. Высказывается мнение, что конфликт между ними был неизбежен, поскольку после подавления революции 1905 года разногласия между главой правительства и вождем Союза русского народа возникли практически по всем основополагающим вопросам государственной и политической жизни. Дубровин и Столыпин, являясь монархистами, патриотами и государственниками, решительно расходились в представлениях о политической тактике, месте и роли бюрократии и черносотенных союзов, а главное, в понимании мер, необходимых для укрепления монархического строя и защиты интересов русского народа. В результате идейное и политическое противостояние, обострившееся столкновением двух независимых и упрямых характеров, превратило Дубровина и Столыпина в непримиримых антагонистов, приведя к затяжному конфликту, наносившему ощутимый вред как черносотенному движению, так и правительству.

Ключевые слова: Российская империя, А. И. Дубровин, П. А. Столыпин, Союз русского народа, черная сотня, русские правые, монархисты.

Для цитирования: Иванов А. А. А. И. Дубровин и П. А. Столыпин: причины антагонизма // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 108–130. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-108-130>

Original article

UDC 94(47).083

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-108-130

Ivanov Andrey A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

St. Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

A. I. DUBROVIN AND P. A. STOLYPIN:
REASONS FOR ANTAGONISM

Abstract. The article identifies and analyzes the reasons for the confrontation between the leader of the largest Black Hundred party of the Russian Empire, the Union of the Russian People, A. I. Dubrovin, and the chairman of the Council of Ministers, P. A. Stolypin. Based on the achievements of modern Russian historiography and sources, a significant part of which are being introduced into scientific circulation for the first time, the nuances of the relationship between the leader of the black hundred and the prime minister, their specifics, the reasons for the transformation and the circumstances that led to the antagonism between Dubrovin and Stolypin are shown. It is believed that the conflict between them was inevitable, since after the suppression of the 1905 revolution, disagreements arose between the head of government and the leader of the Union of the Russian People on almost all fundamental issues of state and political life. Dubrovin and Stolypin, being monarchists, patriots and statesmen, strongly differed in their ideas about political tactics, the place and role of the bureaucracy and the Black Hundred unions, and most importantly, in their understanding of the measures necessary to strengthen the monarchical system and protect the interests of the Russian people. As a result, the ideological and political confrontation, exacerbated by the clash of two independent and stubborn characters, turned Dubrovin and Stolypin into irreconcilable antagonists, leading to a protracted conflict that caused significant harm to both the Black Hundred movement and the government.

Keywords: Russian Empire, A. I. Dubrovin, P. A. Stolypin, Union of the Russian People, Black Hundreds, Russian Right, monarchists.

For citation: Ivanov A. A. A. I. Dubrovin and P. A. Stolypin: reasons for antagonism // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 2 (58). P. 108–130. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-108-130>

Введение. Проблема взаимоотношений черносотенных партий Российской империи и их лидеров с П. А. Столыпиным уже не раз становилась предметом исследовательского внимания. Эта проблематика затрагивается в фундаментальных монографиях по истории правых партий¹,

¹ Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001; Омельяничук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006; Богоявленский Д. Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа. М., 2012; Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб., 2024.

а также в работах, посвященных непосредственно Столыпину². Особо можно отметить статьи И. В. Омелянчука, в которых специально рассматривается вопрос взаимоотношения правых партий и председателя Совета министров³, а также оценка деятельности премьера «Русским знаменем» — газетой крупнейшей черносотенной организации дореволюционной России — Союза русского народа (СРН)⁴. Достаточно емко проблема взаимоотношений правых партий и Столыпина изложена в энциклопедической статье А. П. Бородин⁵. Обращались историки и к сюжетам, связанным с непростыми отношениями вождей черносотенного лагеря с главой правительства. За последние годы историография вопроса пополнилась работами, освещающими политические и межличностные отношения со Столыпиным таких вождей русских правых, как А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков⁶. Но, несмотря на это, исследовательское поле все еще остается достаточно широким. Цель данной статьи — на основе достижений современной историографии и вводимых в научный оборот новых источников реконструировать и проанализировать специфику взаимоотношений со Столыпиным основателя и руководителя СРН А. И. Дубровина, а также осветить причины антагонизма, возникшего между вождем черной сотни и главой правительства.

Ход и результаты исследования. Отношения с назначенным в июле 1906 г. председателем Совета министров П. А. Столыпиным выстраивались у А. И. Дубровина с самого начала непросто. С одной стороны, для черносотенного лагеря Столыпин в силу своих личных качеств, репутации государственника, русского националиста, сторонника твердой власти и порядка, готовности решительно бороться с революционной крамолой был, безусловно, предпочтительнее ненавистного им С. Ю. Витте. В силу возраста, энергии и заслуг по наведению порядка на постах саратовского губернатора и министра внутренних дел Столыпин, несомненно, смотрелся более выгодно и перспективно по сравнению и со своим непосредственным предшественником — преданным монарху, но крайне пассивным И. Л. Горемыкиным. К заслугам

² См., напр.: *Бородин А. П.* Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004.

³ *Омелянчук И. В.* Правые партии и П. А. Столыпин // *Российская история*. 2012. № 2. С. 62–76; *Его же.* Премьер-министры Российской империи в оценках правых (1905 – первая половина 1914 года) // *Тетради по консерватизму*. 2020. № 1. С. 273–311.

⁴ *Омелянчук И. В.* Оценка деятельности П. А. Столыпина на страницах правой газеты «Русское знамя» // *Раздвигая научные горизонты...: Сборник статей памяти доктора исторических наук П. Н. Зырянова (к 80-летию со дня рождения)*. М., 2023. С. 267–284.

⁵ *Бородин А. П.* Правые // *Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия* / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2011. С. 478–486.

⁶ *Иванов А. А.* В. М. Пуришкевич и П. А. Столыпин: между сотрудничеством и антагонизмом // *П. А. Столыпин: Преобразуя настоящее, творить будущее* / под ред. И. Е. Воронковой. Орел, 2011. С. 106–112; *Омелянчук И. В.* Дубровин Александр Иванович // *Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия*. С. 169–171; *Иванов А. А.* Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб., 2023. С. 244–264.

Столыпина черносотенцы относили роспуск Думы, предание суду подписантов Выборгского воззвания, введение военно-полевых судов, назначение на ряд должностей лиц, пользующихся авторитетом в правом лагере. С другой стороны, премьер воспринимался крайне правыми как конституционалист, сторонник парламентаризма, проводник взглядов «Союза 17 октября». Далеко не во всем были согласны черносотенцы и с намеченной Столыпиным программой преобразований страны и его моделью российского будущего. Если Столыпин был убежден в том, что для умиротворения общества репрессивных мер недостаточно и необходимо привлечь все его конструктивные силы к совместной работе с правительством для реформирования страны, то крайне правые были убеждены в том, что попытки подладиться под требования общественного мнения только ослабляют власть. Для правых столыпинский курс был путем «наружной твердости», а по сути — «путем уступок»⁷. Дубровин и его единомышленники с самого начала отнеслись к назначению Столыпина настороженно, поскольку видели в нем не сторонника неограниченного самодержавия, а человека, намеренного укреплять основы народного представительства и проводить реформы по западноевропейскому образцу.

Как справедливо отмечает А. Д. Степанов, на первый взгляд может показаться, что и Дубровин, и Столыпин принадлежали к одному политическому лагерю, ведь оба они были врагами революции, людьми правых взглядов, сторонниками монархии, однако при более внимательном рассмотрении они оказываются представителями сильно отличающихся друг от друга политических течений: «Дубровин был сторонником неограниченного самодержавия, решительным противником либерально-конституционных уступок. <...> Столыпин был... политиком-прагматиком, готовым идти на компромиссы и соглашения с различными политическими силами. <...> Он намеревался реформировать Россию по западным лекалам...»⁸.

Однако до противостояния между вождем черной сотни и премьером дело дошло не сразу. Пока шла борьба с бушевавшей революцией, Дубровин и Столыпин во многом были союзниками. Дубровин обращался к Столыпину с различными просьбами о содействии, жаловался премьеру на проблемы с местной администрацией и в ряде случаев находил поддержку⁹. Жандармский генерал А. В. Герасимов утверждал, что в 1906–1907 гг. «много денег отпустил союзу Столыпин»¹⁰. Соратница Дубровина Е. А. Полубояринова отмечала в показаниях, данных в 1917 г., что на думскую кампанию и издание «Русского знамени» Дубровиным в начале премьерства Столыпина было получено около 150 тыс. руб.¹¹ В письме одному из покровителей черносотенного

⁷ Бородин А. П. Правые. С. 478.

⁸ Степанов А. Д. Русский Гарибальди. Александр Иванович Дубровин (1855–1921) // Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб., 2015. С. 72–73.

⁹ Там же. С. 74.

¹⁰ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 156.

¹¹ Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М., 1929. С. 38–39.

движения в Одессе, генералу И. Н. Толмачеву Столыпин в 1909 г. писал: «В смутную эпоху 1905–1906 годов Союз русского народа сыграл крупную, можно сказать — историческую роль, оказав существенную помощь и содействие правительству в деле подавления революционного движения»¹².

Столыпин был и лично обязан Дубровину. 12 августа 1906 г., когда эсеры-максималисты устроили взрыв на казенной даче премьера на Аптекарском острове, он был первым врачом, оказавшим помощь раненым детям премьера. Однако даже такая услуга не привела к установлению теплых отношений. «Хотя я и сделал так, что дети его оказались живы, он хоть бы раз меня поблагодарил, ни разу, молчок полнейший», — сетовал Дубровин¹³.

После подавления революции Столыпин перестал нуждаться в СРН как партии «уличного действия» и предпринял шаги по его трансформации в политическую силу, готовую вписаться в новую политическую реальность, в которой важное место заняла Государственная дума. В этих условиях убежденный защитник незыблемости царского самодержавия и непримиримый противник парламентаризма Дубровин становился ненужным. Более того, своими резкими заявлениями, одиозностью, активной ролью в противодействии не только революционерам, но и самым умеренным либералам, желанием влиять на власть и контролировать ее вождь черной сотни компрометировал правительство в глазах общественности, а потому оно поспешило поскорее отмежеваться от него. Содействовавший становлению СРН бывший петербургский градоначальник, а затем дворцовый комендант В. А. Дедюлин откровенно заявлял в начале 1908 г., говоря о СРН: «...Теперь он уже не нужен: красных тряпок на улице уже нет. Раньше нужны были крики: “Ура. Да здравствует царь. Да здравствует самодержавие”, нужно было пение “Боже, царя храни”, когда по улицам пели революционные песни. А теперь нужно иное»¹⁴. Дубровин, естественно, с такой позицией согласиться не мог. Отмечая, что СРН возник в тот момент, когда «власти растерялись и спрятались», и ставя в заслугу черносотенцам то, что именно они подавили революцию «и никто более», вождь крайних правых заключал: «тогда вновь явились и правители, забрали власть в свои руки и теперь, чувствуя под ногами довольно твердую почву, начинают говорить нам: “Уходите, союз был нам не нужен, мы и сами управимся”»¹⁵.

Публицисты «Нового времени» М. О. Меньшиков и А. А. Столыпин (брат премьера) сформулировали отношение умеренных кругов, к которым относилось и большинство представителей власти, знаменитой фразой из драмы

¹² Союз русского народа. С. 242.

¹³ Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин) / публ. В. Г. Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.: сб. статей / под ред. Д. Б. Павлова. М., 2010. С. 116–117.

¹⁴ Запись беседы Дворцового коменданта В. А. Дедюлина (1908 г.) и Записка члена Совета министра внутренних дел Н. Ч. Зайончковского (1913 г.) / публ. Ю. И. Кирьянова // Исторический архив. 2000. № 1. С. 90.

¹⁵ Цит. по: Кирьянов Ю. И. Первые партии в России. С. 392.

Ф. Шиллера «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить», которая потом долго вспоминалась черносотенцами. «Как бы в доказательство наступившего мира, — писал Меньшиков, — правительство ведет к ликвидации той быто-вой охраны, что два года тому назад возникла по всей России под названием Союза русского народа. “Негр сделал свое дело, негр может уйти”. Добровольная помощь государству со стороны населения признается больше ненужной»¹⁶. Московский губернатор В. Ф. Джунковский и вовсе полагал, что Столыпин должен был «дать решительный бой» и запретить черносотенные союзы «за их бесчинства, за открытое неподчинение и демонстративную борьбу против правительственной власти, государственного строя и Основных законов» и корил премьера за то, что он «на это не решился и уступил их натиску»¹⁷. Подначивали власти к «расправе» над Дубровиным и либеральные газеты, указывавшие правительству на недопустимость связей «административных сфер» с СРН и журившие премьера за то, что он непоследователен в своих попытках «отделаться от союза с “союзом”». «...Попытки эти, — писало одно из таких изданий, — неизменно кончались капитуляцией; в “истинно-русских” органах прессы премьера обливали помоями, и на глазах у изумленного общества глава правительства шел в роли пленника за триумфальной колесницей доктора Дубровина»¹⁸.

Столыпин и Дубровин оказались чужды друг другу и по политическим взглядам, и по методам политической работы. Премьер проявлял готовность к сотрудничеству с умеренно либеральными силами общества, вождь черной сотни его решительно отвергал. Столыпин верил в успех русского парламентаризма, Дубровин считал его губительным для страны. Глава правительства был националистом западнического толка, лидер СРН придерживался славянофильских воззрений. Председатель Совета министров ратовал за разрушение крестьянской общины, делая ставку на кулака, вождь черной сотни был убежденным сторонником общинного землевладения, считая его «надежным бастионом на пути обезземеливания и социального расслоения крестьянства, угрожающего России увеличением численности пролетариата»¹⁹ и противником западноевропейскому социализму. Столыпин был бюрократом-практиком, способным на политические маневры, Дубровин был идеалистом в политике и никаких компромиссов и соглашений с оппозицией не допускал. Премьер делал ставку на образованные, успешные и состоятельные слои общества, а вождь черносотенцев апеллировал прежде всего к простому русскому народу. Расходились Столыпин и Дубровин в оценке ситуации в стране. Первый считал, что революция окончательно разгромлена и началось мирное время для спокойного созидательного обновления России, второй же настаивал

¹⁶ Меньшиков М. О. Куда ушла революция // Новое время. 1908. 12 февраля.

¹⁷ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 390.

¹⁸ Обзорение газет и журналов // Южный край. 1907. 20 февраля.

¹⁹ Омелянчук И. В. Дубровин Александр Иванович // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. С. 170.

на том, что успокоение лишь видимость, а революция, покинув улицу, переориентировалась на новые формы борьбы и готова в любой подходящий момент вспыхнуть с новой силой. На начальном этапе своей деятельности глава правительства опирался на октябристов, вождь черной сотни считал их чуть ли не самой вредной партией. Не сошлись Столыпин и Дубровин в отношении к бюрократии. Для премьера она была естественной опорой власти, для вождя черной сотни — «средостением» между царем и народом, равнодушной, безнациональной и зараженной либерально-западническими идеями «кастой», в большинстве своем не способной к твердому монархическому и национально-патриотическому курсу. «Я... предупреждал союзников, — отмечал Дубровин в 1910 г., — что, как вылощенный октябрист опаснее несуразного, бестолкового эсера или эсдека, так благовоспитанный законно-порядочный бюрократ вдесятеро опаснее союзу и святому русскому делу, чем заправский бомбист-революционер...»²⁰ Заявляя, что «серединки» он не выносит, предпочитая иметь дело с убежденными правыми или убежденными левыми, Дубровин категорически не желал, по его собственным словам, «плясать под дудку» Столыпина²¹.

Не мог Дубровин простить Столыпину и того, что после подавления революции премьер под предлогом «высокого правосудия» посадил совершивших во время бушевавшей междоусобицы правонарушения рядовых черносотенцев на скамью подсудимых, уравнивая тем самым врагов монархии с ее добровольными защитниками.

Таким образом, Дубровин стал для Столыпина оппозицией справа, причем оппозицией «внесистемной», не готовой к уступкам правительственной власти, обличающей ее и требующей от последней твердо держаться того курса, на который он ей указывал. Для столыпинской администрации он и вовсе превратился в «революционера справа», т. е. противника обновленного государственного строя, стремящего повернуть колесо истории вспять и восстановить прежнее неограниченное царское самодержавие. Эта кличка, изначально брошенная по адресу СРН либералами, была призвана уравнивать черносотенцев с левыми радикалами и заставить власть отказаться от поддержки правых²². «Что желает произвести “Союз русского народа”? — задавался вопросом П. Б. Струве, и сам же на него отвечал: — Его задача — конверсия исторических чисел и государственных начал. 17 октября 1905 года он желает конвертировать в 17 января 1895 года²³, конституционную монархию в неограниченное

²⁰ Дубровин А. И. Уход А. И. Дубровина из Главного совета. (По поводу так называемой статьи Нового вестника) // Русское знамя. 1910. 16 июня.

²¹ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 120.

²² Подробнее см.: Иванов А. А. Правые партии Российской империи. С. 22–28.

²³ Имеется в виду выступление императора Николая II перед земскими депутатами, в ходе которого он назвал «бессмысленными мечтаниями» надежды либерально-настроенных земцев на привлечение выборных людей к делу государственного управления и заверил, что будет охранять начала самодержавия столь же твердо, как и его отец.

самодержавие». Поэтому, писал оппозиционный публицист и политик, шутка об аббревиатуре СРН, якобы означающая «социалистов-революционеров навыворот», является не только остротой, но и «социологической и исторической истиной»²⁴. Сподвижник Столыпина Крыжановский отмечал, что хотя усилия СРН, как и стремления правительства, были направлены «на защиту русской исторической государственности от внутреннего натиска элементов разрушения, возглавлявшихся партией социал-революционеров, — в области политического террора, и кадетов — в области принципиальной оппозиции и подкапывания власти в общественном мнении», дубровинская партия не смогла «развиться в полезном для государства направлении»²⁵. В числе причин, заставивших правительство отвернуться от СРН под руководством Дубровина, Крыжановский называл следующие: «неуклюжесть приемов», упорное стремление вождей связать себя с правительством «и вовлечь его агентов в свои организации» и «наклонность к демагогии в направлении, сближавшем их с их противниками». «Крайнее правое крыло этого движения усвоило себе почти ту же социальную программу и почти те же приемы пропаганды, какими пользовались партии революционные, — считал Крыжановский. — Разница была в том лишь, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем самодержавного царя как представителя интересов народа и его защитника от утеснения богатых, а другие — именем рабочих и крестьян, объединенных в демократическую или пролетарскую республику»²⁶.

Об этом же писал и сторонник Столыпина, публицист Меньшиков, отмечавший, что митинговая риторика Дубровина совершенно не отличалась от революционной, за исключением того, что их «фетиши и идолы... стоят в разных углах». «И у радикалов, и у ретроградов, — писал Меньшиков, — <...> та же бесчестность мысли, густо посоленной передержками, извращениями, инсинуациями, клеветой и самой пошлой бранью, то же раскольниковье изуверство, тот же лающий тон и язык... <...> Съезды и митинги так называемой “черной сотни” отличаются той же дерзостью и почти теми же резолюциями, что митинги революционеров»²⁷. Меньшиков осуждал Дубровина за то, что тот договаривается «до чертиков», возбуждает толпу ничуть не хуже «красной сотни» и своими нападка на правительство переходит границы приличия. Впрочем, отмечал Крыжановский, правая демагогия была объяснима тем, что простой народ в результате многолетней революционной пропаганды

²⁴ Струве П. Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм* / сост. В. Н. Жукова и А. П. Полякова; вступ. ст. и примеч. В. Н. Жукова. М., 1997. С. 141. Об этом же писал в октябристском «Голосе Москвы» публицист И. А. Гофшеттер: «Наши крайне правые в политическом отношении — те же эсдеки навыворот...» (*Гофшеттер И.* Социальные устои политических партий // Голос Москвы. 1907. 25 ноября).

²⁵ Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / подгот. текста, вступ. ст., коммент.: А. В. Лихоманов. СПб., 2009. С. 135.

²⁶ Там же. С. 136.

²⁷ Меньшиков М. О. Письма к ближним. Татарские нравы // Новое время. 1906. 19 февраля.

не понимал иных призывов, кроме радикальных, и, если бы претендующие на организацию широких народных масс черносотенные вожди заговорили с ними иначе, они не смогли бы их увлечь за собой. «Но, разумеется, — добавлял он, — эта сторона деятельности правой демагогии становилась пунктом столкновения с правительством...»²⁸. На это же указывал и генерал А. А. Киреев. «Правительство жалуется, что правые пересаливают. Это тема Столыпина, — отмечал он в дневнике. — <...> Что преувеличения, бестактность есть — это несомненно, но ведь академическими средствами на массы не повлияешь! Притом, не должно забывать, что само правительство помогало революции, во 1-х тем, что оно дискредитировалось своими глупостями и гадостями, что теперешнее правительство непременно смешивают с бюрократизмом, с бюрократами, хотя Столыпин делает все возможное, что[бы] отстранить от себя это отождествление...»²⁹

Попытка поставить на одну доску крайне правых и крайне левых, заклеив тех и других словом «революционеры», вызывала протесты большинства черносотенцев. «Это выражение с надоедливостью попугая повторяет правительственная печать, быть может, бессознательно поддерживая “революционеров слева” или сознательно отстраняя от самого правительства достойные упреки, — писало “Русское знамя”. — “Монархисты — это революционеры справа”, — так говорят люди, желающие казаться умнее и просвещеннее, чем они есть в действительности... <...> [Но] монархисты — не революционеры, а контрреволюционеры, ибо цель их объединения — истребить революцию. <...> Монархисты не революционеры и ими никогда, ни при каких условиях не могут быть дотоле, доколе в России самодержавно-монархический строй»³⁰. О том же говорил и Дубровин. В одной из своих речей, называя бюрократию «вненародной», осуществляющей «мелочную предательскую политику», вождь СРН заявлял: «но и эта инородческая шпионка не нашла в нас ничего такого, что давало бы ей повод объявить нас “революционерами справа”»³¹.

Но иногда, пусть и с горькой иронией, Дубровин революционером себя все-таки называл. Выступая перед одесскими союзниками 16 июля 1908 г., вождь СРН сказал: «Мы, черносотенцы, объединились, чтобы сплоченной в Союзе русского народа массой отстоять хозяйские права нашего родного народа. И вот разные пришельцы, наводнившие нашу матушку Святую Русь, стремясь ограничить нашего державного вождя, стремясь ограничить наши права, как хозяина-народа, негодуют, стараются представить нас революционерами. Да, мы революционеры!!! Мы стоим за веру православную, за царя самодержавного, за хозяйские права русской родной нам народности,

²⁸ Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского. С. 136.

²⁹ А. А. Киреев. Дневник. 1905–1910 / Сост. К. А. Соловьев. М., 2010. С. 188.

³⁰ Что такое революция справа? // Русское знамя. 1907. 25 февраля.

³¹ Замечательное слово главного председателя «Союза русского народа» А. И. Дубровина // Русская правда. 1907. 28 июня.

мы стоим за все то, что они отрицают и потому, по их мнению, мы революционеры. Да, мы революционеры. Да здравствует же великий русский народ под державным водительством царя-самодержца»³². А в обращении к союзникам, опубликованном в декабре 1910 г., Дубровин заявлял: «Со званием революционера, ведущего Союз русского народа по революционному пути... я, пожалуй, и согласен при условии, с какой точки зрения оценивать текущие события. Да, сознаюсь, я употреблял все силы, чтобы вести союзников как раз против того течения, которое теперь стремятся заставить признать правильным. <...> Да, я революционер, но против революции»³³.

Дубровин, не смущаясь, называл себя «самым ярым протестантом», имея в виду то, что он всегда, невзирая на чины и звания, боролся с сильными мира сего ради блага простого народа. «...Ни на минуту я не переставал выражать самые горячие протесты против всего того, что клонилось ко вреду моих сограждан, моих соотечественников... — говорил он в одном из интервью. — <...> Я протестовал против той аномалии и несправедливости, которую замечал в высших правительственных сферах. <...> ...Я всю жизнь протестовал и всегда буду протестовать там, где будет это надо...»³⁴. Показательно в этом плане обращение Главного совета СРН, вышедшее летом 1907 г. за подписью Дубровина, в котором государственный строй империи, предшествовавший революционным событиям 1905 г., характеризовался как «царство... эластичного, угодливого перед всем иноземным бюрократизма», которое довело Россию до Мукдена и Цусимы, а затем до антимонархического и антирусского движения³⁵. Делая экскурс в историю, Дубровин писал о равнодушной к народным нуждам бюрократии как о «беззаконных временщиках», «хищных» и беспринципных чиновниках, которые, «обманывая царей», «теснили русский народ» и, прикрываясь «золочеными мундирами», тайно покровительствовали «лже-освободителям»; путем обмана самодержца пробирались к власти и, в итоге, своим «угнетением народа» довели его до «кровопролитного восстания против самодержавия»³⁶.

Заявляя, что реакционером он себя не считает, Дубровин говорил: «Я больше, чем кто-либо другой, желаю от всего сердца обновления моему отечеству, ибо действительно в нем накопилось немало разной гнили... Я не реакционер, а скорее, демократ... Но демократия, по моему мнению, должна быть только лишь “царистою”». На вопрос интервьюера, что это означает, Дубровин разъяснял: «Во главе должен стоять царь... Один только царь... Помазанник Божий... Общение царя с народом принесет последнему счастье и благодать»³⁷.

³² Посещение Одессы основателем и почетным председателем всероссийского СРН А. И. Дубровиным // За Царя и Родину. 1908. 17 июля; То же // Русское знамя. 1908. 20 июля.

³³ Дубровин А. И. Дорогие братья союзники! // Русское знамя. 1910. 2 декабря.

³⁴ Волгин В. У А. И. Дубровина // Ялтинский вестник. 1909. 27 сентября.

³⁵ Дубровин А. И. От Главного совета СРН // Русская правда. 1907. 26 июля.

³⁶ Там же.

³⁷ Волгин В. У А. И. Дубровина.

Позже, на допросе в ВЧК, Дубровин повторит ту же мысль другими словами: «Я по убеждению коммунист-монархист, т. е. чтобы при монархическом правлении были бы все те формы правления, которые могли бы принести народу улучшение его благосостояния...»³⁸

Так что, шутка, называвшая СРН «социалистами-революционерами навыворот», имела под собой некоторые основания. И дело здесь не только в том, что черносотенцы в своей борьбе с политическими противниками могли порой прибегать к радикальным методам. Дубровину и его соратникам было свойственно своеобразное народничество. Современный исследователь отмечает: «Во взглядах Дубровина можно найти даже следы такого монархического народничества, по крайней мере, Союз русского народа очень часто поднимал перед властью вопрос о земельной тесноте русского крестьянства и необходимости решения аграрного вопроса, о защите русских рабочих от притеснений и эксплуатации со стороны фабрикантов. Вождь Союза русского народа неоднократно подчеркивал, что Союз должен защищать интересы прежде всего простого народа. Именно в глубинной народности Союза русского народа лежит причина массовости Союза, который, несомненно, был главным конкурентом социалистов за умы и сердца простого народа»³⁹. В 1912 г. черносотенная «Стрела» особо подчеркивала ориентированность вождя СРН на простого русского мужика, отмечая, что он «дал России первую и пока единственную большую мужицкую газету “Русское знамя” и, разумеется, никто не знает мужика, как хозяин этой газеты — А. И. Дубровин»⁴⁰.

Требования Дубровина к правительству опираться на него и возглавляемый им СРН, представлявший, по его словам, не политическую партию, а весь русский народ, «всю Святую Русь», были для Столыпина неприемлемы. Опорой для премьера сперва стала партия октябристов, а затем умеренно правая партия русских националистов — Всероссийский национальный союз. Поэтому уже со второй половины 1907 г. между Дубровиным и Столыпиным началось противостояние. Вождь СРН в этом противостоянии прибегал преимущественно к публицистическим приемам борьбы, критикуя правительство и его главу со страниц «Русского знамени»⁴¹. Не скупился он на критику правительственной власти и во время своих публичных выступлений. А иногда и напрямую обращался к монарху, чтобы подвергнуть деятельность правительства ожесточенной критике, сообщить царю о «равнодушии» министров к охране исторических начал и их соглашательстве с либералами, стремящимися захватить государственную власть в свои руки. «Понятно, что такие наветы, часто и настойчиво повторяемые, производили свое действие и вызывали со стороны государя подозрительное отношение к отдельным лицам, входившим в состав

³⁸ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 108.

³⁹ Степанов А. Д. Русский Гарибальди. С. 72–73.

⁴⁰ [Передовая статья] // Стрела. 1912. 17 сентября.

⁴¹ См.: Омельяничук И. В. Оценка деятельности П. А. Столыпина на страницах правой газеты «Русское знамя».

правительства, и к их действиям», — вспоминал Крыжановский⁴². В 1908 г. некий влиятельный сановник в интервью «Речи» на условиях анонимности признался, что бюрократия внимательно следит за «разглагольствованиями» Дубровина, которые ее «волнуют и раздражают», хотя и делает вид, что вождь черной сотни величина незначительная, с которой считаться не стоит. Указывая, что в одной из своих речей Дубровин заявил: победив революцию, нужно победить бюрократию, — сановник отметил, что на такие «благоглупости» можно было бы не обращать внимания, если бы они не вызвали смуту в умах некультурных масс. На провокационный вопрос интервьюера, неужели власть боится «тронуть дубровинцев», последовал ответ: «Нет надобности покуда. Тем более, что много вероятия за естественное разложение всего этого пресловутого союза... Негр умрет естественной смертью. Борьба же с ним могла бы только гальванизировать разлагающийся труп»⁴³.

Правительственная власть пыталась удержать Дубровина в дозволенных ею границах прежде всего путем административного давления. Генерал Герасимов отмечал, что отношения между Столыпиным и Дубровиным начали портиться летом 1907 г., в результате чего в выдаче средств на нужды СРН произошла заминка. Дубровин явился с просьбой о посредничестве к генералу, но тот указал вождю СРН на то, что помочь ему едва ли сможет, покуда «Русское знамя» ведет резкую кампанию против Столыпина⁴⁴. С этого времени «Русское знамя» постоянно подвергалось штрафам, которые болезненно били по благосостоянию Дубровина и СРН.

Против вождя черной сотни регулярно возбуждались уголовные дела. Власти обращали внимание на недопустимый тон ряда публикаций дубровинского издания, на грубые антисемитские выпады, на разжигание отдельными авторами религиозной и межнациональной розни и особенно на выпады против правительства и отдельных его членов. На отдельные номера газеты СРН власти накладывали арест, конфисковывали их из свободной продажи, привлекали к уголовной ответственности редакторов за публикацию недостоверных сведений, порочащих правительство⁴⁵. Доставалось газете и за публикацию писем и телеграмм рядовых черносотенцев, которые порой содержали грубые выпады, радикальные призывы и недопустимые по соображениям цензуры высказывания⁴⁶.

Большой резонанс вызвали крупные денежные штрафы, посыпавшиеся на Дубровина один за другим. Причем внимание современников привлекли не только большие суммы штрафов, но и способ их взыскания. В октябре 1907 г. в дом к болевшему Дубровину явились полицмейстер и пристав,

⁴² Воспоминания: из бумаг С. Е. Крыжановского. С. 136–137.

⁴³ -б- [Любоищ С. Б.] Вождь Союза русского народа и бюрократия. (Из бесед) // Речь. 1908. 5 августа.

⁴⁴ Герасимов А. В. На лезвии с террористами. С. 156.

⁴⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2172. Л. 24, 29–36, 145.

⁴⁶ Там же. Л. 87.

арестовали его экипаж и произвели опись имущества, поскольку вождь СРН просрочил уплату штрафа. Дубровин расценил эти действия как месть и осознанное публичное издевательство над его личностью⁴⁷. А вслед за тысячным штрафом сразу же последовал новый штраф в три тысячи рублей. «Три тысячи рублей — пеня, в особенности в виду недавно взысканной с нас тысячи — значительная настолько, что может быть рассчитана и на разорение наказуемого...», — сетовало «Русское знамя»⁴⁸. За Дубровина заступился даже его политический оппонент и сторонник столыпинской политики Меньшиков. «Подняв... гонение на г. Дубровина, председателя Союза русского народа, власть не только описала для возмещения штрафа экипаж своего “врага”, но, не дав передохнуть, наложила еще штраф в 3000 руб. Задались очевидно целью донять “Русское знамя” если не дубьем, то рублем», — писал он⁴⁹. Отметив, что сам он далек от мысли защищать черносотенное издание, поскольку «фанатизм» СРН он также осуждает, Меньшиков вместе с тем замечал, что «фанатизм этот все же русский, патриотический, ультранациональный». «Если чем грешат господа черносотенцы, — писал он далее, — то больше всего чрезмерным избытком усердия, ставящим правительство иногда в неловкое положение. Неудобство усердия не по разуму бесспорно, однако оно окупились, мне кажется, сторицею важными услугами, какие Союз русского народа уже принес в деле подавления смуты. Был момент, когда министры наши жалко растерялись и начали сдавать бунту позицию за позицией. Был момент, когда инородческий и пролетарский мятеж уже вышел на улицу, когда мирное население было терроризировано, когда на глазах местных властей публично расстреливали и рвали в клочья портреты Государя. Вот тут точно из земли вырос черный, как земля, национальный союз, и совершенно неожиданно для властей дал смуте крайне первобытный, но ощутительный отпор. Кислота бунта встретила щелочь верности, и шумная химическая реакция свелась к восстановлению жизни в сравнительно нейтральном ее состоянии. Заслуга эта, повторяю, историческая, и если она скомпрометирована наивными и самонадеянными домогательствами национального союза предписывать власти свою программу, то, не поддаваясь этим домогательствам, правительству все же не следовало ронять себя до борьбы с союзом»⁵⁰. Меньшиков указывал, что власть совершает ошибку: «правительство преследует своих фанатических приверженцев под рукоплескания своих отъявленных врагов». Отмечая, что «доконать штрафами какое угодно издание не трудно», публицист называл происходящее «комедией власти», поскольку по отношению к своим непримиримым врагам она вела себя куда более лояльно. Меньшиков указывал,

⁴⁷ Жалоба в 1-й Департамент Правительствующего Сената редактора-издателя «Русского знамени» А. И. Дубровина на действия СПб градоначальника Д. В. Драчевского по опубликованию оскорбительных и ложных сведений // Русское знамя. 1907. 14 октября.

⁴⁸ Русское знамя. 1907. 18 ноября.

⁴⁹ Меньшиков М. О. Комедия власти // Новое время. 1907. 21 ноября.

⁵⁰ Там же.

что зачинщиков массовой революционной студенческой акции, прославлявшей убийцу министра внутренних дел Д. С. Сипягина студента С. В. Балмашева и которую пришлось разгонять при помощи полиции и солдат, власть наказала арестами от 3 до 7 дней, а участников — штрафами от 3 до 5 руб.⁵¹ Отмечая, что в этой «комедии» Дубровину выпала роль «простака», Меньшиков заключал: «Он не бил стекол правительственных зданий, не выгонял оттуда чиновников, не выражал сочувствия Балмашеву, не произносил революционных речей, и за какую-то никем не замеченную статью малораспространенной его ультра-абсолютистской газеты его наказали штрафом в тысячу раз более тяжелым, чем заведомых бунтарей, печатающих воззвания к бунту и требующих совместного действия против себя полиции, пехоты и казаков!»⁵²

Между тем представители властной элиты считали, что Дубровин в том, что с ним поступили столь строго, был виноват сам. В. А. Дедюлин говорил черносотенцу Н. Н. Жеденову: «...Виноваты монархисты — зачем их дернуло упорствовать на своем»⁵³. По мнению дворцового коменданта, Дубровину не следовало пытаться мешать Столыпину, нападать на него с критикой и обвинять в стремлениях умалить самодержавие и уж тем более жаловаться на его действия императору. Говоря о вождях черной сотни, Дедюлин замечал: «Они все хотят командовать, разыгрывать второе правительство, и лезут к царю, и все обходами, и царя успели склонить на свою сторону»⁵⁴. Поясняя, почему власть предпочитает иметь дело с умеренной оппозицией, а не черной сотней, дворцовый комендант говорил: «Ведь, на той стороне умственные силы, а они — все хулиганы, люди недалекие. Заладили одно: свалить Столыпина. <...> На той стороне все лучшие силы, их нужно приманить»⁵⁵. Ставя Дубровину и дубровинцам в вину, что они постоянно мешаются у правительства под ногами, пытаются сорвать планы по сплочению вокруг власти умеренных сил и не знают меры в своих нападках, Дедюлин заключал: «Ну, вот их и погладили, сперва на тысячу рублей, а потом на три. И вместо того, чтобы смириться, скандал подняли — жалобу подал...»⁵⁶ Считая наложенные на Дубровина штрафы воспитательной мерой, Дедюлин пояснял, что если бы вождь СРН осознал свою неправоту по отношению к правительственной власти и смиренно оплатил штрафы, а не скандалил бы «на всю Россию», то вскоре бы сама власть нашла способ, как ему эти деньги вернуть. Но вождь черной сотни уперся, за что и был показательно наказан.

Для Дубровина же компромисс в идеологических вопросах был невозможен. В отличие от Столыпина он не был политиком, способным подстраиваться к ситуации и путем уступок и соглашений находить союзников для реализации

⁵¹ Меньшиков М. О. Комедия власти.

⁵² Там же.

⁵³ Запись беседы Дворцового коменданта В. А. Дедюлина. С. 93.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

своих целей, поэтому посылаемые властью «сигналы» не были им услышаны. Считая, что правда на его стороне, Дубровин продолжил столь же неприемлемо гнуть свою линию и обличать Столыпина, правительство и местную администрацию во всем том, что казалось ему предательством православия, самодержавия и русской народности. Естественно, что это раздражало власть, и история со штрафами набирала новые обороты.

«Русское знамя» неоднократно привлекалась к ответственности за распространение ложных слухов о Столыпине и резкие высказывания о премьер⁵⁷. Премьер сетовал на то, что дубровинское издание его систематически «травит»⁵⁸. Так, например, не без оснований подозревая, что глава правительства является сторонником расширения прав еврейского населения империи⁵⁹, «Русское знамя» выискивало сведения, которые бы подтверждали «особые» отношения, установившиеся у Столыпина с иудеями. В опубликованной 30 марта 1910 г. заметке⁶⁰ был пущен слух, что во время приема депутации раввинского съезда глава правительства принял в дар «талмуд-тору с золотой монограммой премьер-министра, осыпанную бриллиантами, стоимостью в двадцать тысяч рублей». Власти посчитали эту диффамацию сознательным возбуждением враждебного отношения к правительству и оштрафовали Дубровина на 500 руб.⁶¹ А за повторение этого слуха в другой статье⁶² против издателя газеты было возбуждено уже уголовное дело⁶³.

Приведенными случаями история со штрафами не ограничилась, они сыпались на «Русское знамя» регулярно. Только в 1907 г. сумма штрафов, наложенных на дубровинскую газету, составила 4 тыс. руб.⁶⁴ Летом 1908 г. Дубровин утверждал, что дважды выплачивал четырехтысячные штрафы⁶⁵. Спустя год Булацель сообщал, что только за первую половину 1909 г. «Русское знамя» без всякого суда было оштрафовано на 10 тыс. руб.⁶⁶ В январе 1914 г. редакция газеты сообщала, что общая сумма штрафов, наложенных на «Русское знамя» со дня основания газеты, составила 44 тыс. руб.⁶⁷ Всего же, вспоминал Дубровин, было выплачено целое состояние — 48 тыс. руб. штрафов⁶⁸. Историки иногда отмечают, что власть компенсировала Дубровину часть средств, взысканных

⁵⁷ РГИА. Ф. 1354. Оп. 3. Д. 1513. Л. 251–252, 295.

⁵⁸ П. А. Столыпин и «Русское знамя» // Русское знамя. 1910. 11 мая.

⁵⁹ В декабре 1906 г. Столыпин предлагал императору даровать евреям ряд льгот, чтобы тем самым успокоить «нереволюционную часть еврейства». Однако Николай II это предложение отклонил (*Столыпин П. А. Переписка. М., 2004. С. 20–21*).

⁶⁰ Н. П. Ждем опровержения // Русское знамя. 1910. 30 марта.

⁶¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2172. Л. 251 об.

⁶² Булацель П. Над пропастью // Русское знамя. 1910. 31 марта.

⁶³ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2172. Л. 252.

⁶⁴ Степанов С. А. Черная сотня. С. 205.

⁶⁵ Дубровин А. И. Недомыслие или пристрастие? // Русское знамя. 1908. 31 августа.

⁶⁶ Булацель П. Ф. Бюрократические козни против Союза русского народа // Русское знамя. 1909. 28 июля.

⁶⁷ Русское знамя. 1914. 15 января.

⁶⁸ Приговоренный к расстрелу дважды. С. 104.

в виде штрафов, указывая, что от правительства он получил по этой статье 25 тыс. руб.⁶⁹ Однако надо учитывать, что эти средства издатель «Русского знамени» получил лишь в 1916 г. Получая деньги из секретного фонда, Дубровин принципиально подчеркнул, что выданные ему средства не правительственная субсидия, а «возврат того, что с “Русского знамени” было взято»⁷⁰. Но частичное возвращение финансов «в возврат убытков, понесенных газетой “Русское знамя” вследствие административных штрафов и судебных воздействий», осуществили министры внутренних дел Б. В. Штюрмер и А. Д. Протопопов, а вовсе не Столыпин⁷¹.

Однако было бы неверно считать, что преследование Дубровина и «Русского знамени» в административном и судебном порядке происходило исключительно по воле и прихоти Столыпина. В некоторых случаях премьер даже заступался за Дубровина, давая распоряжение не подвергать его штрафу за проступки⁷². Дубровинское издание вызывало раздражение у самых разных представителей царской администрации, как центральной, так и местной. Иногда бюрократия действительно показательно наказывала Дубровина и его соратников за выпады против нее и жесткую оппозицию столыпинскому курсу, но гораздо чаще авторы «Русского знамени» сами были виноваты в том, что навлекали на голову Дубровина правительственный гнев. Законных поводов для преследования крайне правой газеты было более чем достаточно, поскольку оскорбительной и непроверенной информации в отношении министров, губернаторов, видных сановников на страницах этого издания хватало. Грубость выражений, отсутствие умеренности, прямолинейная критика и стремление вести бескомпромиссную борьбу со всеми, кто был заподозрен черносотенцами в измене православию, самодержавию и интересам русской народности, отталкивали от «Русского знамени» не только либералов и социалистов, но и значительную часть консервативных сил. К тому же «Русское знамя», ориентируясь на широкие народные массы, публиковало немало материалов, написанных нарочито грубым, «народным» языком и предоставляло свои страницы для писем и телеграмм рядовых черносотенцев, которые своими высказываниями нередко создавали повод для штрафов и возбуждения уголовных дел. Но существование неудобной газеты бюрократии приходилось терпеть уже хотя бы потому, что одним из ее читателей являлся император Николай II.

При этом важно отметить, что нападки «Русского знамени» на Столыпина принципиально отличались от той непримиримой войны, которую Дубровин и его соратники вели против Витте. Ненависти, по крайней мере, публично, они к нему не проявляли (хотя, как утверждал граф С. Д. Шереметев,

⁶⁹ *Летенков Э. В.* Из истории рептильного фонда Главного управления по делам печати // Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература. 1973. № 14. Вып. 3. С. 139; *Степанов С. А.* Черная сотня. С. 205.

⁷⁰ *Летенков Э. В.* Из истории рептильного фонда. С. 139.

⁷¹ Там же.

⁷² РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 2172. Л. 120.

сам Дубровин ненавидел Столыпина⁷³). Не соглашаясь с обвинениями в травле премьера, редакция «Русского знамени» заявляла, что такое мнение ошибочно и для нее «крайне прискорбно»: «Напротив, больше всех именно мы желаем г. Столыпину всяческого успеха, так как считаем его одаренным всеми природными качествами»⁷⁴. Рупор СРН заявлял, что своей критикой премьера он предостерегал его от роковых ошибок и пытался направить по верному пути. Но Столыпин остался глух к голосу черной сотни, и «на сердечное желание помочь его природным способностям, содействовать ему... в его государственной работе, “Рус[ское] зн[амя]” в ответ получало только грубые штрафы, до 3000 рублей зараз, и притом за правдивые указания на ошибочность принятого им курса. Искреннее содействие “Рус[ского] зн[амени]” г. Столыпин считал обидой, статьи с указанием ошибок — систематической травлей. <...> Не взирая на это, “Русское знамя” и впредь будет терпеливо переносить несправедливое отношение к себе Петра Аркадьевича и, буде последуют новые штрафы и аресты отдельных номеров, смиренно, подчинится ударам судьбы и постарается по мере сил служить на благо родины, желая как можно долее видеть высокоталантливого Петра Аркадьевича на занимаемом им высоком посту с его плодотворной работой на благо громадного, но требующего устройства, русского отечества»⁷⁵. Конечно, в этих словах было немало иронии, но все же они показывают принципиальное отличие отношения к Столыпину по сравнению с Витте. После трагической смерти Столыпина в 1911 г., дубровинское издание писало: «“Русское знамя” никогда не судило и не критиковало Столыпина *как человека*, — быть может, покойный премьер был превосходный гражданин, отец, муж и помещик. “Русское знамя” критиковало П. А. Столыпина, как *государственного деятеля*; “Русское знамя” получало трехтысячные штрафы, аресты, угрозы, конфиденциальные предупреждения по телефону за то, что писало о П. А. Столыпине, как о премьере и министре внутренних дел»⁷⁶.

Помимо наложения штрафов и судебных преследований власть использовала и другие чувствительные для Дубровина меры воздействия. Правительственные субсидии, которые изначально шли в СРН через Дубровина, перестали ему выдаваться. Столыпин и его администрация также внесли ощутимый вклад и в начавшийся в черносотенном лагере раскол, поддержав возникшую в СРН оппозицию Дубровину и приложив усилия для утраты основателем союза былого влияния. Отмечая, что его, человека достаточно обеспеченного и независимого, бюрократия не могла ни подкупить, ни соблазнить чинами, службой, карьерой и наградами, Дубровин заключал: единственный способ расправиться с ним на законных основаниях — опорочить и выгнать. Характеризовал столыпинскую тактику в отношении своей персоны Дубровин

⁷³ Бородин А. П. Столыпин. Реформы во имя России. С. 134.

⁷⁴ П. А. Столыпин и «Русское знамя» // Русское знамя. 1910. 11 мая.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Полтавец [Еремченко Н. И.] Шедевр холопской растерянности // Русское знамя. 1911. 10 сентября.

следующими словами: «Выгнать тонко, деликатно, без скандала, не нарушив закона и порядка, “по благородному”, — по-бюрократически. Так повести дело, чтобы *сам* ушел, *сам отказался*»⁷⁷.

Таким образом, два русских патриота и монархиста — Дубровин и Столыпин оказались антагонистами, не испытывавшими друг к другу никаких симпатий. Но вместе с тем было в этих двух деятелях и нечто общее, на что обращали внимание современники. Киевский правый публицист Б. М. Юзефович полагал, что Столыпин, вынужденный в силу обстоятельств маневрировать между различными политическими силами, со временем неизбежно поправеет, и если монархисты смогут дать премьеру по-настоящему правую Думу, то «даже злейшие нынешние враги П. А. Столыпина легко убедятся, что если он и не столь же крайний, то столь же верный преданный слуга и сторонник царского самодержавия и русского народа, как и сам А. И. Дубровин»⁷⁸. «Искреннее мое желание, было бы, — отмечал публицист, — чтобы обе стороны бросили эту обоюдно опасную для них борьбу и, присмотревшись друг к другу, взаимно оценили бы свою работу и прощали бы друг другу их вольные и невольные прегрешения»⁷⁹.

«Для психолога-портретиста нет, думается, в наши дни более интересной “натуры”, как личности П. А. Столыпина и А. И. Дубровина, — отмечал в 1909 г. автор “Земщины”. — Оба они принадлежат к формации “новых людей”, людей, выдвинутых минувшим трехлетием. О бывшем саратовском губернаторе мало кто знал в публике, а про д-ра Дубровина и вовсе ничего не было слышно, даже в аптеках... Оба как-то сразу выросли в крупные величины и, думается, действием одной и той же силы»⁸⁰. По мнению автора заметки, русский национализм, русская стихия и русская суть «поразительным образом сказались в *деле* одного, в *личности* другого». «Заметьте, — пояснял свою мысль фельетонист, — как личность, как индивидуальность А. И. Дубровин совершенно безличен. Ни одним словом, ни одною черточкою, ни в чем личность его не сказала, не выразилась, не запомнилась. <...> Он весь ушел, без остатка растворился в своем деле, в своем создании. А. И. Дубровин, — это Союз русского народа, а Союз русского народа, — это А. И. Дубровин. Напротив того, все обаяние, все политическое значение и нравственная сила П. А. Столыпина — в его прекрасной личности»⁸¹. Сочувствуя одновременно и вождю СРН, и премьеру, автор монархической газеты заключал: «Какое бы это было мудрое, дальновидное государственное выступление заинтересовать светлую личность П. А. Столыпина в плодотворном и пока единственном у нас национально-общественном деле, созданном руками русского Гарибальди — А. И. Дубровинами!!»⁸²

⁷⁷ Дубровин А. И. Уход А. И. Дубровина из Главного совета.

⁷⁸ Юзефович Б. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин // Земщина. 1909. 18 июля.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Почитатель. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин // Земщина. 1909. 18 августа.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

Но это наивное пожелание неизвестного автора-монархиста не имело никаких шансов на успех. Как справедливо замечал публицист «Русского знамени» Д. И. Булатович, «вероятно, оба лица, прочтя заманчивое предложение, сильно поморщились»⁸³. Отмечая, что политические взгляды Дубровина и Столыпина слишком далеко отстоят друг от друга, автор статьи указывал, что между вождем СРН и премьером невозможен даже худой мир и случившееся противостояние между ними было неизбежно и закономерно. «Сторонним наблюдателям перипетий антагонизма А. И. Дубровина и П. А. Столыпина могло казаться, что А. И. Дубровин задирает антагониста, но они ошибались: задирали не А. И. Дубровин. Задирали его, т. е., конечно, не его лично, а его дело; задирали, правда, в высшей степени благовоспитанно, а он отвечал, правда, не столь благовоспитанно, без стеснения срывая маску с благороднейшего антагониста...»⁸⁴ Отмечая, что причина антагонизма кроется не в личных отношениях Столыпина и Дубровина, а переходы на личности если и были, то являлись вторичным фактором, Булатович указывал, что суть конфликта в «полной противоположности воодушевляющих их идей».

Суть этих противоречий автор статьи видел в следующем. Дубровин считал главным препятствием в деле возрождения национального самосознания русского народа не столько «сепаратные инородческие национализмы и еврейско-анархический космополитизм», играющие роль «фермента, для пробуждения патриотизма и русского национализма», сколько «бюрократический пресс, безжалостно сплюсывающий набухающие почки всяких общественных ощущений». Не сомневаясь, что при равных условиях борьбы черносотенцы осилит любые инородческие влияния, Дубровин негодовал, что бюрократия ставит и правых, и левых на одну доску, считая нежелательными и тех и других, так как не терпит никаких «самочинных», не подконтрольных ей общественных организаций. В результате такой политики левым, привыкшим работать нелегально, развязываются руки, а правым, желающим действовать в правовом поле, навязывается беззубая стратегия «бессвязного бормотания общих мест» и одобрения начальства. Столыпин же для Дубровина был прежде всего вождем этой бюрократии, а значит, главным виновником уничтожения жизнеспособных и боеспособных монархических сил. И то обстоятельство, что премьер оказался личностью выдающейся, одаренной, волевой, верящей в свою звезду, не делало его для Дубровина лучше, так как посредственный и слабый бюрократ имел бы меньше возможностей для того, чтобы твердо гнуть свою линию и не считаться с голосом монархической общественности. Дубровин одним из первых в правом лагере понял, что сделка черносотенцев с бюрократией приведет к гибели живого народного движения, на месте которого появится несколько зависимых от правительства партий —

⁸³ Булатович Д. И. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин // Русское знамя. 1909. 8 сентября; То же. СПб., [1909]. С. 1.

⁸⁴ Булатович Д. И. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин. СПб., [1909]. С. 1.

более респектабельных и умеренных, но при этом не имеющих за собой силы сплоченных масс, ибо идеал бюрократии — «распыленный народ». «“Партия Дубровина”, — писал Булатович, — с этим бюрократия готова примириться, но “Союз русского народа” — этого она не потерпит: ведь он посягает на ее “пре-рогативы”, связывая по рукам и ногам ее самовластие. Подлинный патриотизм верноподданных ненавистен бюрократии, но весьма любезен ей “патриотизм” свиней, объединенных любовью к общему корыту. Этот последний выдается ею за “просвещенный патриотизм”...»⁸⁵ О том же, кстати, еще в самом начале 1908 г. писал и князь В. П. Мещерский. Критикуя недостатки СРН и его вождя, князь, вместе с тем возмущался, что столыпинская бюрократия, вместо того чтобы радоваться наличию «громадной важности охранительной силы», поддерживать и беречь ее самостоятельность, пошла против нее. Осуждая чиновничий поход против Дубровина и СРН, Мещерский писал: «Чиновник-бюрократ... не может терпеть, чтобы могла быть в России какая-нибудь не вицмундирная, ему не подчиненная опора царского престола. <...> Интересы бюрократии заговорили громче всяких интересов русской народности, и целое ведомство (кроме исключений), как, например, судебное, объявило себя недоброжелателями “Союза русского народа”»⁸⁶. Как отмечает современный историк, «исходя из специфического восприятия роли патриотических союзов, П. А. Столыпин рассматривал А. И. Дубровина в качестве подчиненного ему главы одного из правительственных ведомств, который должен или следовать в фарватере заданного правительственного курса или быть заменен на более стоворчивого вассала», но «поддержка А. И. Дубровина низовыми организациями сорвала планы премьер-министра»⁸⁷.

Булатович утверждал, что Дубровин не поддался обаянию личности Столыпина и сразу же увидел в его политической программе путь к катастрофе. А раз так, то искать примирения и сотрудничества с премьером не имело для него никакого смысла. «С какой стати А. И. Дубровину погибать за компанию?» — вопрошал публицист⁸⁸. Подводя итог взаимоотношениям главы правительства и вождя черной сотни, Булатович писал: «Перспективы, открываемые бюрократией перед А. И. Дубровиным, столь же заманчивы, как и те, что были открыты Христу сатаной на высокой горе, но А. И. Дубровин устоял: не пал в ноги бюрократии и не поклонился ей, но сказал “отойди от мене”. Чего только не пускала в ход бюрократия, чтобы согнуть в дугу этот дуб: и подсылала лиц с предложением субсидии, и пыталась через подосланных агентов сеять раздоры в Главном совете, и демонстративно покровительствовала соперничающим правым организациям, и донимала штрафами и мелкими придирадками, и пустила в оборот инсинуаторскую кличку “революционеров справа”... <...>

⁸⁵ Булатович Д. И. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин. СПб., [1909]. С. 3.

⁸⁶ Мещерский В. П. Дневники // Гражданин. 1908. № 1. С. 14.

⁸⁷ Размолodin М. Л. Идеология черносотенных организаций в России в начале XX века. [Б. м.], 2020. С. 199.

⁸⁸ Булатович Д. И. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин. СПб., [1909]. С. 6.

А. И. Дубровина хотят очернить в глазах государя, хотят ввергнуть его в опалу и тем отшатнуть от него патриотов, которые, оставшись, как овцы, без пастыря, должны, по расчетам бюрократии, покорно пойти под бичом П. А. Столыпина. <...> Как далек, однако, бюрократ П. А. Столыпин от понимания патриотического лагеря. Он представляет себе А. И. Дубровина директором департамента, которого только стоит заменить новым, своим директором, чтобы сразу сделать Союз русского народа своим. [Но] А. И. Дубровин только волею самого времени, а не начальническую милостью, вождь патриотов, он их символ»⁸⁹.

Заключение. Таким образом, конфликт между Дубровиным и Столыпиным был предопределен с самого начала. Пока власть и черносотенцы вели борьбу с революцией, они были вынужденными союзниками, но как только угроза крушения государственного строя отступила, оказалось, что разногласий между главой правительства и вождем черной сотни гораздо больше, чем точек соприкосновения. Сходясь в том, что Россия должна быть великой и процветающей монархической державой, в которой русскому народу отведена особая государственная роль, Дубровин и Столыпин решительно расходились в понимании путей и способов достижения этой цели. Полезный во время революционной смуты Дубровин быстро превратился в глазах премьера в раздражающий фактор, от которого хотелось поскорее избавиться, а для вождя СРН Столыпин стал олицетворением «мертвящего» бюрократического подхода, губящего народное монархическое движение. Если для Столыпина Дубровин был фанатиком, губящим своей непримиримостью и бескомпромиссностью всякое дело, то Дубровину Столыпин казался ненадежным слугою царя, конституционалистом и чиновником, своими ошибочными действиями постепенно, но методично разрушающим историческую самодержавную Россию. А учитывая характеры обоих антагонистов, не приходится удивляться, что мировоззренческий конфликт между ними быстро перерос в активную борьбу, которая закончилась лишь в результате трагической гибели Столыпина от руки террориста.

Литература

1. Богоявленский Д. Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 242 с.
2. Бородин А. П. Правые // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2011. С. 478–486.
3. Бородин А. П. Столыпин. Реформы во имя России. М.: Вече, 2004. 380 с.
4. Иванов А. А. В. М. Пуришкевич и П. А. Столыпин: между сотрудничеством и антагонизмом // П. А. Столыпин: Преобразуя настоящее, творить будущее / под ред. И. Е. Воронковой. Орел: Изд-во ОрелГИЭТ, 2011. С. 106–112.
5. Иванов А. А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.

⁸⁹ Булатович Д. И. П. А. Столыпин и А. И. Дубровин. СПб., [1909]. С. 6.

6. Иванов А. А. Правые партии Российской империи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 735 с.
7. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
8. Летенков Э. В. Из истории рептильного фонда Главного управления по делам печати // Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература. 1973. № 14. Вып. 3. С. 137–139.
10. Омелянчук И. В. Дубровин Александр Иванович // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2011. С. 169–171.
11. Омелянчук И. В. Оценка деятельности П. А. Столыпина на страницах правой газеты «Русское знамя» // Раздвигая научные горизонты...: сборник статей памяти доктора исторических наук П. Н. Зырянова (к 80-летию со дня рождения). М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 2023. С. 267–284.
12. Омелянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 62–76.
11. Омелянчук И. В. Премьер-министры Российской империи в оценках правых (1905 – первая половина 1914 года) // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 273–311.
13. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.
14. Размолодин М. Л. Идеология черносотенных организаций в России в начале XX века. [Екатеринбург]: Издательские решения, 2020. 352 с.
15. Степанов А. Д. Русский Гарибальди. Александр Иванович Дубровин (1855–1921) // Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. СПб.: Царское Дело, 2015. С. 56–92.
16. Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Язуз-пресс, 2013. 672 с.

References

1. Bogoyavlensky D. D. Problema liderstva v Soiuze russkogo naroda [The problem of leadership in the Union of the Russian People]. Moscow: MGOU, 2012. 242 p. (In Russ.).
2. Borodin A. P. Pravye [Rights] // Pyotr Arkadyevich Stolypin: encyclopedia / ed. by V. V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 2011. P. 478–486. (In Russ.).
3. Borodin A. P. Stolypin. Reformy vo imia Rossii [Stolypin. Reforms in the name of Russia]. Moscow: Veche, 2004. 380 p. (In Russ.).
4. Ivanov A. A. V. M. Purishkevich i P. A. Stolypin: mezhdru sotrudnichestvom i antagonizmom [V. M. Purishkevich and P. A. Stolypin: between cooperation and antagonism] // P. A. Stolypin: Preobrazuia nastoiashchee, tvorit' budushchee [P. A. Stolypin: Transforming the present, creating the future] / ed. by I. E. Voronkova. Orel: OrelGIET, 2011. P. 106–112. (In Russ.).
5. Ivanov A. A. Vozhd' chernoi reaktsii: Nikolai Evgen'evich Markov [The leader of the black reaction: Nikolai Evgenievich Markov]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2023. 639 p. (In Russ.).
6. Ivanov A. A. Pravye partii Rossiiskoi imperii [Right-wing parties of the Russian Empire]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2024. 735 p. (In Russ.).
7. Kiryanov Yu. I. Pravye partii v Rossii. 1911–1917 [Right-wing parties in Russia. 1911–1917]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 464 p. (In Russ.).

8. Letenkov E. V. Iz istorii reptil'nogo fonda Glavnogo upravleniia po delam pečati [From the history of the reptilian fund of the Main Directorate for Press Affairs] // Bulletin of Leningrad University. History, Language, Literature. 1973. Vol. 14. № 3. P. 137–139. (In Russ.).
9. Omelianchuk I. V. Dubrovin Aleksandr Ivanovich [Dubrovin Alexander Ivanovich] // Pyotr Arkadyevich Stolypin: encyclopedia / ed. by V. V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 2011. P. 169–171. (In Russ.).
10. Omelianchuk I. V. Otsenka deiatel'nosti P. A. Stolypina na stranitsakh pravoi gazety «Russkoe znamia» [Evaluation of the activities of P. A. Stolypin on the pages of the right-wing newspaper “Russkoe znamia”] // Expanding scientific horizons...: A collection of articles in memory of Doctor of Historical Sciences P. N. Zyryanov (on the 80th anniversary of his birth). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2023. P. 267–284. (In Russ.).
11. Omelianchuk I. V. Pravye partii i P. A. Stolypin [Right parties and P. A. Stolypin] // Russian History. 2012. № 2. P. 62–76. (In Russ.).
12. Omelianchuk I. V. Prem'er-ministry Rossiiskoi imperii v otsenkakh pravyykh (1905 – pervaiia polovina 1914 goda) [Prime Ministers of the Russian Empire in right-wing evaluations (1905 – first half of 1914)] // Tetradi po konservatizmu [Notebooks on Conservatism]. 2020. № 1. P. 273–311. (In Russ.).
13. Omelianchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914) [The Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2006. 744 p. (In Russ.).
14. Razmolodin M. L. Ideologiiia chernosotennykh organizatsii v Rossii v nachale XX veka [The ideology of the Black Hundreds organizations in Russia at the beginning of the 20th century]. [Yekaterinburg]: Izdatel'skie resheniia, 2020. 352 p. (In Russ.).
15. Stepanov A. D. Russkii Garibal'di. Aleksandr Ivanovich Dubrovin (1855–1921) [Russian Garibaldi. Alexander Ivanovich Dubrovin (1855–1921)] // Right Russia. Biographies of Russian monarchists of the early 20th century. St. Petersburg: Tsarskoe Delo, 2015. P. 56–92. (In Russ.).
16. Stepanov S. A. Chernaia sotnia. Chto oni sdelaui dlia velichiia Rossii? [Black Hundreds. What did they do for the greatness of Russia?]. Moscow: Iauza-press, 2013. 672 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(47).084.1; 94(47).084.2

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-131-148

Местковский Дмитрий Александрович

кандидат исторических наук

средняя школа № 86

Волгоград, Россия

mestkovskijdmitrij@gmail.com; ORCID: 0009-0000-6682-1272

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ВЕСНОЙ 1917 г.

Аннотация. Вступление одной из самых влиятельных социалистических партий — Партии социалистов-революционеров — в правительственную коалицию весной 1917 г. как следствие компромисса с различными политическими партиями (в том числе и буржуазными) потребовало выполнения некоторых условий, содержание которых никогда не становилось публичным. Сделанные историками в советский период и надолго сохранившиеся в отечественной историографии выводы закрепили за проводимой в последующем политикой термин «кадетизация», а за вошедшими в коалицию социалистами — емкое определение «соглашатели». Целью данной статьи является рассмотрение мероприятий социалистов-революционеров по решению аграрного вопроса после Февраля 1917 г. На основе партийных материалов рассматривается отношение эсеров к передаче земли крестьянам, допущение таких отвергаемых ранее практик, как аренда и выкуп земель, их значение в сложившейся ситуации. Проводится сравнение новых мер с прежним подходом к решению земельного вопроса, изложенным в программе, принятой Первым съездом Партии социалистов-революционеров в 1905 г., и проектах, представленных в I и II Думах, отмечаются различия и вызываемые этим последствия. Автор обращает внимание на участие в выработке указанных мер деятелей, занимавших посты в министерствах и комитетах, ранее остававшихся в тени. В статье показаны некоторые последствия такой политики, делается заключение о принципах руководства лидеров партии в вопросах проведения аграрной реформы и причинах изменений в программе.

Ключевые слова: С. Л. Маслов, Н. Я. Быховский, социализация земли, поровнение земли, примирительная камера, земельный комитет.

Для цитирования: Местковский Д. А. Аграрный вопрос в партии социалистов-революционеров весной 1917 г. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 131–148. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-131-148>

Original article

UDC 94(47).084.1; 94(47).084.2

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-131-148

Mestkovsky Dmitry A.

Candidate of Historical Sciences

Secondary School № 86

Volgograd, Russia

mestkovskijdmitrij@gmail.com; ORCID: 0009-0000-6682-1272

THE AGRARIAN QUESTION IN THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY IN THE SPRING OF 1917

Abstract. The inclusion of one of the most influential socialist parties — the Socialist Revolutionaries — in the government coalition in the spring of 1917, as a consequence of a compromise with various political parties (including bourgeois ones) required the fulfillment of certain conditions, the details of which were never made public. Conclusions drawn by historians during the Soviet period and long entrenched in domestic historiography coined the term “kadetization” for the subsequent policy and assigned the concise designation “accommodators” to the socialists who joined the coalition. The aim of this article is to examine the measures taken by the Socialist-Revolutionaries to address the agrarian question after February 1917. Based on party materials, it considers the attitude towards transferring land to the peasants, the acceptance of practices previously rejected — such as land leasing and redemption — and their significance in the emerging situation. A comparison is made between the new measures and the earlier approach to the land issue, as outlined in the program adopted by the First Congress of the Socialist Revolutionaries in 1905, as well as the projects presented in the First and Second Dumas, highlighting the differences and the consequences that followed. The author also draws attention to the involvement of figures who, having held positions in ministries and committees, had previously remained in the background in formulating these measures. The article demonstrates some of the consequences of such a policy and concludes with reflections on the guiding principles of the party leaders in conducting agrarian reform and the reasons behind the changes in their program.

Keywords: S. L. Maslov, N. Ia. Bykhovsky, land socialization, land equalization, conciliation chamber, land committee.

For citation: Mestkovsky D. A. The agrarian question in the Socialist Revolutionary Party in the spring of 1917 // *MCU Journal of Historical Studies*. 2025. № 2 (58). P. 131–148. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-131-148>

Введение. Возникновение и развитие идей, увлекающих значительные массы населения, всегда привлекало историков. События Февраля 1917 г. сделали народническую аграрную программу актуальной. Ее основные положения, позволившие говорить о крестьянском социализме, в середине XIX в. обозначил А. И. Герцен. К началу XX в. в наиболее известном виде их представляла Партия социалистов-революционеров (ПСР, с.-р., эсеры). Исследователи отмечали популярность их идеи социализации земли, обещавшей земной рай и ставшей в 1917 г. «знаменем крестьянской революции»¹. Тезисы о переходе земли в общенародное достояние, или в распоряжение сельской общины (с оставлением за государством вопросов недр, переселения и т. п.), были очень привлекательны².

Однако уже в начале XX в. появились и критики программы ПСР. Так С. Л. Франк называл методы передачи земли крестьянам, отстаиваемые эсерами, неприемлемой формой социального приобретения: в их основе он усматривал корысть, а не социализм³. Это отношение не было новым: еще А. И. Герцен отмечал, что сторонники либерализма и религии смотрели на вопрос о земле «против народного смысла»⁴. Во многом негативной была и оценка социал-демократов. В. И. Ленин, считая, что аграрная программа эсеров не устранил эксплуатацию, называл ее вредной, но выделял в ней и истинное содержание, которое он видел в исторически обусловленной борьбе крестьян за улучшение условий существования, ведущей к политическому, но не к экономическому освобождению⁵. Советская историография продолжила подобные противопоставления. Демократизм, прогрессивность и радикализм программы назывались утопическими. Противопоставлялись методы и роль большевиков и эсеров в решении аграрного вопроса, выгодно представлявшие первых. В то же время смысл социализации земли, роль общины, права крестьян отошли на второй план⁶. Лишь в постсоветской историографии базой источников при изучении

¹ *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 111–113, 125.

² Протоколы Первого съезда партии социалистов-революционеров (29.12.1905 – 4.1.1906) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы (далее — ПСР). Т. 3. Ч. 1. Февраль – октябрь 1917 г. М., 2000, с. 277–288.

³ *Франк С. Л.* Этика нигилизма // Вехи. Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 173–178; *Его же.* «De profundis» // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Нью-Йорк, 1991. С. 316, 318.

⁴ *Герцен А. И.* Крещеная собственность. Лондон, 1858. С. 37.

⁵ *Ленин В. И.* Две утопии // Полн. собр. соч. Т. 22. Июль 1912 – февраль 1913. М., 1961. С. 117–121.

⁶ *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. (Исторический очерк). М., 1975. С. 8–9, 40–46; *Ишин В. В., Батрашев Д. К.* Политические партии и общественные движения в истории России. Астрахань, 1999. С. 29, 116–118;

аграрного вопроса становятся документы ПСР⁷. Но эти исследования затрагивают события до 1917 г., последующий же период, открывший возможность реализации программы, не исследовался.

Целью данной статьи является рассмотрение мероприятий ПСР по решению аграрного вопроса весной 1917 г. Для ее достижения привлечен массив программных документов ПСР (материалы партийных съездов и конференций), а также публицистика.

Ход и результаты исследования. Возрождение ПСР в 1917 г. открыло возможность массовых публикаций по аграрному вопросу, в частности о социализации земли. Эсеры боролись за поддержку крестьянства лозунгами об уравнивании земли, ее изъятии у помещиков без выкупа. Будущими пользователями земли называли лишь трудящихся на ней. Размер земельного надела определялся возможностью владельца самостоятельно его обработать (трудовая норма)⁸. Казалось, раздел помещичьих владений решал аграрный вопрос в духе крестьянских устремлений. О передаче земли тем, «кто сам будет обрабатывать ее», заявил 8–12 марта 1917 г. один из первых губернских крестьянских съездов в Воронеже⁹, на котором сильно было влияние ПСР. Председательствовал на съезде популярнейший местный эсер В. П. Кобытченко, занимавший в разное время посты председателя губисполкома и Воронежского совета¹⁰. Присутствовал ставший в конце 1917 г. членом Центрального комитета ПСР К. С. Сопляков (Буревои). Участвовали потерявшие в Якутской трагедии 1889 г. отцов-народовольцев М. Л. Коган-Бернштейн (впоследствии расстрелянный большевиками) и Ю. Н. Подбельский (брат большевика В. Н. Подбельского, сменившего в 1918 г. на посту наркома почт и телеграфов левого эсера П. П. Прошьяна)¹¹.

В их намерениях передать землю крестьянам не было сомнений, но эту идею заслонила другая. Влиятельные партийные группы отодвинули решение аграрного

Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. К истории банкротства неонародничества. Л., 1977. С. 3, 15; *Его же.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902–1914 гг. Л., 1983. С. 10; *Иванов Н. Я.* Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977. С. 22–28, 148.

⁷ *Леонов М. И.* Указ. соч.; *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.

⁸ Земля и воля. 1917. 15 апреля. № 18; 17 апреля № 20.

⁹ Там же. 21 апреля. № 23.

¹⁰ *Зверков Е. А.* К вопросу о личности В. П. Кобытченко, председателя Воронежского губернского исполкома совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 1917 года // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 51–53.

¹¹ Краткий отчет о работах Четвертого съезда партии социалистов-революционеров. (26 ноября – 5 декабря 1917 г.) // ПСР. Т. 3, Ч. 2. С. 187; *Иммонен Х.* Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873–1952). СПб., 2015. С. 288; *Качурина А. В.* Народный комиссар почт и телеграфов В. Н. Подбельский // Первое Советское правительство. Окт. 1917 – июль 1918. М., 1991. С. 356–371; *Разгон А. И.* Народный комиссар почт и телеграфов П. П. Прошьян // Первое Советское правительство. Окт. 1917 – июль 1918. М., 1991. С. 398–420.

вопроса до созыва Учредительного собрания. В марте и апреле к этому призвали партийные организации Петрограда и Москвы. При участии Н. Я. Быховского и С. Л. Маслова принимались решения о переносе аграрной проблемы в Учредительное собрание. До его созыва обращение к программному тезису о передаче земли народу допускалось только в виде пропаганды, сводя деятельность эсеров к подготовке населения к аграрной реформе¹². В мае С. Л. Маслов убеждал Всероссийский совет крестьянских депутатов в «неприкосновенности» земельного вопроса до созыва Учредительного собрания¹³. В губерниях эти решения повторяли партийные ячейки, добиваясь от крестьянских собраний отказа от «захватов» и переноса вопроса на рассмотрение Учредительного собрания. Эту позицию поддержал и организованный эсерами крестьянский съезд в Воронеже. Видный деятель Одесской организации ПСР С. С. Зак предлагал до созыва Учредительного собрания лишь разрабатывать и обсуждать реформу¹⁴. Это в корне противоречило позиции эсеров предшествующего периода. Так, в 1906 г. съезд крестьянских работников ПСР в резолюциях большинства и меньшинства поддержал борьбу за землю и ее захват. Обе части съезда допускали «восстание» крестьян и организацию партизанской борьбы¹⁵. Исследователи периода 1905–1906 гг. называли захват земли предварительным шагом эсеров, лишь после этого «окончательное слово» предоставлялось Учредительному собранию¹⁶. В 1917 г. крестьян призвали ждать, а партийных работников готовиться к реформе.

Одной из причин откладывания реформы С. Л. Маслов, В. Е. Трутовский (один из лидеров левых эсеров, впоследствии нарком в ленинском правительстве), Н. Я. Быховский (названный Н. С. Русановым одним из теоретиков ПСР) называли стремление к справедливому распределению земли. По их мнению, села, захватив ближайшие к ним помещичьи имения, не допустят к ним другие села — более отдаленные, а в «нахватавших» земли деревнях появятся новые помещики. Переход земли к общине повлечет за собой ее «дележ», чрезмерное наделение одних и обездоленность других, борьбу бедноты и зажиточных, членов общины и вышедших из нее¹⁷. Эти уверения расходились с положениями

¹² Дело народа. 1917. 15 марта. № 1; Земля и воля. 1917. 3 мая. № 33; Резолюция Первой Петроградской конференции социалистов-революционеров «Об отношении к Временному правительству» [2 марта] // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 27; Вторая Петроградская конференция партии социалистов-революционеров (3–5 апреля 1917 г.) // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 48, 61.

¹³ О пользовании землей до Учредительного собрания (Доклад С. Л. Маслова на заседании Всероссийского Совета крестьянских депутатов 16 мая 1917 г.) // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 127–132.

¹⁴ Земля и воля. 1917. 21 апреля. № 23; 14 мая. № 42; 10 мая. № 38; 21 марта. № 1; 22 апреля. № 24.

¹⁵ Извещение о состоявшемся съезде крестьянских работников партии социалистов-революционеров [22 октября 1906 г.] // ПСР. Т. 1. С. 214–216.

¹⁶ Леонов М. И. Указ. соч. С. 117.

¹⁷ Земля и воля. 1917. 21 марта. № 1; 13 мая. № 41; Протоколы Третьего съезда партии социалистов-революционеров (25 мая – 4 июня 1917 г.). Стенографический отчет // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 379; Вторая Петроградская конференция... // Там же. С. 62–63; О пользовании землей... // Там же. С. 127–132.

программы о предоставлении права распоряжения землей общине, об использовании «трудовых воззрений» против буржуазно-собственнических¹⁸. В 1905 г. теоретики партии находили захваты допустимыми, неизбежными и невинными. Правильно распределить земли они планировали последующим законом¹⁹. В 1917 г. внимание ПСР было обращено на противоречия между различными категориями сельского населения.

Другой причиной были опасения снижения производства хлеба и сахара из-за изъятия земель и урожая у землевладельцев, а также из-за посева крестьянами хлеба на «экономических землях» помещиков, используемых под сахарную свеклу²⁰. Представители крупнейших организаций страны: Петрограда, Москвы, Киева (Н. М. Кузьмин, С. Л. Маслов, И. А. Прилежаев) — указывали на отсутствие семян и инвентаря для засева крестьянских земель, увеличившихся в результате захватов. Последствиями называлось падение посевной площади и количества собираемого зерна²¹. Н. М. Кузьмин (с осени 1917 г. председатель Северного областного комитета в Петрограде) целью ПСР до созыва Учредительного собрания называл получение хлеба, «а не разрешение земельного вопроса». Захваты земли, по его мнению, подрывали снабжение государства продовольствием²². Идея снабжения заслоняла идею земельного «поравнения» и уравнильно-трудовой принцип, т. е. прежние лозунги эсеров в деревне²³. Воронежский крестьянский съезд, выразив мнение преобладавших на нем эсеров, призвал правительство к «наибольшему получению продовольственных продуктов»²⁴. Мнение центральных организаций брало верх.

При этом в партии не обманывались в отношении партнеров по Временному правительству и срокам созыва Учредительного собрания. С. С. Зак называл началом его работы предстоящую зиму, полагая, что на решение аграрного вопроса потребуется один-два года. В. Е. Трутовский отмечал отличия тактики меньшевиков и кадетов. Союзники ПСР по коалиции в правительстве допускали выкуп земли и наемный труд, а также решение земельного вопроса на местах, а не в Учредительном собрании²⁵. Связав себя с последним, эсеры оказались в зависимости от сроков его созыва и результатов выборов.

¹⁸ Проект программы партии социалистов-революционеров, выработанный редакцией «Революционной России» // ПСР. Т. 1. С. 124; Протоколы Первого съезда... // Там же. С. 272, 277, 381, 382.

¹⁹ Чернов В. М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 234–235.

²⁰ Земля и воля. 1917. 3 мая. № 33; 21 марта. № 1; 30 апреля. № 31.

²¹ Там же. 15 апреля. № 18; 17 апреля. № 20; О пользовании землей... // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 127–132; Протоколы Третьего съезда... // Там же. С. 188.

²² Кандидатские списки партии на выборах в Учредительное собрание // ПСР. Т. 3, Ч. 2. С. 253; Земля и воля. 1917 г. 15 апреля. № 18; 17 апреля. № 20.

²³ Проект Основного земельного закона, внесенного по предложению с.-р. в I Государственную Думу («Проект 33-х») // ПСР. Т. 1. С. 203; Протоколы Первого съезда... // Там же. С. 277.

²⁴ Земля и воля. 1917. 15 апреля. № 18.

²⁵ Там же. 22 апреля. № 24; 13 мая. № 41.

Но эта тактика совпадала с правительственной, а его буржуазный состав до вхождения эсеров (тогда шли переговоры об этом²⁶) назвал переустройство поземельных отношений до Учредительного собрания большой бедой²⁷. Размещение «воззвания» в партийной печати было формой согласия ПСР с Временным правительством и, возможно, условием вхождения в него. Историки причинами отрыва эсеров от крестьянства называли принятие меньшевистской концепции буржуазной революции либо смешение теоретических построений, приведших их к неустойчивости и соглашательству²⁸. Не отбрасывая теоретические причины, стоит учесть, что именно политические мотивы верхушки ПСР и ее стремление войти в состав правительства, могли быть причиной отказа от прежних установок.

В основе доверия к подобным инициативам ведущих организаций лежало общее прошлое. Так, помимо упоминавшихся деятелей Воронежского комитета Ю. Н. Подбельского и М. Л. Коган-Бернштейна (потерявших родных в Якутской трагедии) были и другие. Видную роль в Московском и Петроградском комитетах ПСР играли О. С. Минор (потерявший там дочь) и А. Р. Гоц (младший брат М. Р. Гоца, выжившего в той трагедии с О. С. Минором и стоявший затем у организационных и финансовых истоков партии). В Петроградском комитете, выполнявшем весной 1917 г. функции ЦК, А. Р. Гоца связывала дружба с председателем В. М. Зензиновым (имевшим тесные отношения с членом правительства А. Ф. Керенским), подкрепленная общим участием в Боевой организации ПСР. Почитаемый в партии старший из Гоцев (прозванный эсерами Маратом по аналогии с деятелем Французской революции за непримиримый и авторитарный дух²⁹) не дожил до 1917 г., и его место пытался занять младший. О популярности А. Р. Гоца весной 1917 г. говорит и то, что на Третьем съезде ПСР при выборе в ЦК по числу голосов он обошел всех остальных лидеров, включая В. М. Чернова. В ЦК вошел и О. С. Минор, а М. Л. Коган-Бернштейн стал кандидатом в члены ЦК ПСР на Четвертом съезде³⁰. Личные отношения связывали деятелей многих комитетов, их контакты тянулись и во Временное правительство.

Тем временем в деревне проходили изъятия помещичьего имущества, зачастую облакавшиеся в требование составления «письменного документа»

²⁶ Подробнее см.: Местковский Д. А. Внутрипартийная борьба в партии эсеров по вопросу о вхождении ее представителей в правительственную коалицию в 1917 г. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 93.

²⁷ Земля и воля. 1917. 25 апреля. № 26.

²⁸ Морозов К. Н. Идейные поиски эсеров в третьеиюньский период (по материалам журнала «Заветы») // Общественно-политические движения России XVIII–XX вв. Межвузовский сборник научных трудов. Самара, 1993. С. 87–97; Спиринов Л. М. Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 50, 201, 213.

²⁹ Шубинский В. И. Азеф. М., 2016. С. 120.

³⁰ Чернов В. М. В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007. С. 355, 356; Протоколы Третьего съезда... // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 499; Краткий отчет о работах Четвертого съезда... // ПСР. Т. 3. Ч. 2. С. 192.

на передачу земли. Весной 1917 г. партийная печать подобные «поравнения» называла разграблением и самовольной запашкой, негативно оценивая происходящее³¹. Борьба разворачивалась не только в семантических аспектах. Н. М. Кузьмин призывал к введению правительством контроля за производством хлеба и землями, подлежащими с точки зрения крестьян переделу. С. С. Зак, Н. Я. Быховский и С. Л. Маслов выступали за создание особых, самостоятельных органов, занимающихся контролем за землей независимо от общины. Споры крестьян и помещиков улаживали органы низшего уровня — «примирительные камеры». При отсутствии решения к вопросу подключались правительственные органы: земельные комитеты, контролировавшие большую (не менее уезда) территорию. Наличием таких же функций у Совета крестьянских депутатов и крестьянских союзов и созданием их в Киевской губернии объяснялось отсутствие там «самоуправных действий» крестьян³².

Подобные шаги соответствовали и взглядам Временного правительства. В «воззвании» последнего разъяснились нормы формирования земкомов. Так, Главный земельный комитет не избирался, а составлялся из министра земледелия, его заместителей, представителей губернских земкомов и общественных организаций (от советов до политических партий и ведомств). Не избирались и нижестоящие комитеты. Уездные земкомы составлялись из агрономов, статистов, мировых судей, представителей земских собраний, волостных земкомов³³. В выработанном эсерами в 1907 г. «Проекте 104-х» земкомы, начиная от волостного и выше, предлагалось избирать всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием³⁴. Исследователи видели в этом отличие эсеров от кадетов, отмечая стремление последних составлять земкомы из представителей власти, землевладельцев и крестьян³⁵. Отказ эсеров от выборных начал перекладывал распоряжение землей от общин правительственным органам.

Принципы формирования и работы примирительных камер показывает выработанное Ярославским советом крестьянских депутатов и утвержденное губернским исполкомом положение. Волостные примирительные камеры составлялись двумя сторонами: крестьянами (из членов местных исполкомов) и землевладельцами. Будучи равными по численности и принимая решения большинством голосов, они могли его провести лишь с согласия другой стороны. Ситуация равенства голосов разрешалась допущением к заседаниям меньшего числа крестьян и запретом такового для землевладельцев. Если это не работало дело передавалось в уездную примирительную камеру, где к указанным

³¹ Земля и воля. 1917. 17 апреля. № 20; 2 мая. № 32; 3 мая. № 33; 21 апреля. № 23.

³² Там же. 30 апреля. № 31; 22 апреля. № 24; 15 апреля. № 18; 3 мая. № 33; Вторая Петроградская конференция... // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 48, 62–63; О пользовании землей... // Там же. С. 131–132.

³³ Земля и воля. 1917. 25 апреля. № 26.

³⁴ Проект основных положений земельного закона («Проект 104-х») // ПСР. Т. 1. С. 223.

³⁵ Леонов М. И. Указ. соч. С. 117.

сторонам присоединялась третья — представители совета крестьянских депутатов³⁶. Подобный юридический механизм являлся формой ограничения крестьянских требований. При этом отсутствие на заседании представителя крестьян (вне зависимости от причин этого) и отсутствие представителя землевладельцев влекло разные последствия. В первом случае заседание проводилось, во втором откладывалось. Таким способом землевладельцы могли саботировать работу примирительной камеры. Кроме того, крестьян представляли члены исполкомов, интересы которых не связывались только с общиной. Более того, полностью не были на стороне крестьян и привлекаемые в примирительные камеры представители советов крестьянских депутатов, ориентировавшиеся на решения партийных и государственных органов. В качестве одного из таких решений областная конференция ПСР в Москве (где был представлен и Ярославль) призывала к устранению конфликтов с помещиками. На Северной областной конференции ПСР в Петрограде об этом говорил сам В. М. Чернов, призвав отказаться от лозунга борьбы с помещиками³⁷.

Статус общины как основного распорядителя земли низводился новыми органами до одной из сторон в споре с землевладельцами и правительством. Менялся и прежний подход, согласно которому передача дел из волости в уезд для устранения «чиновной волокиты» не допускалась, а местные вопросы решались там же³⁸.

Стремление уладить споры с помещиками ставило вопрос о возмещении за изъятые земли и сталкивалось с положением программы ПСР о передаче земли крестьянам без выкупа³⁹. Находившийся в Саратове влиятельный член партии Н. И. Ракитников (один из авторов «Проекта 104-х» во II Думе, наряду с П. А. Вихляевым и В. М. Черновым), считал плату за полученные земли ненужной: выкуп, изъяв «излишки» труда, перечеркнет приобретение. Другие же деятели ставили проведение социализации земли в зависимость от выкупа. На Петроградской конференции Н. Я. Быховский убеждал, что если иначе нельзя, то выкуп следует провести⁴⁰. Фракция ПСР в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов, высказавшись против выкупа, постановила вернуться к этому вопросу на партийном съезде⁴¹. С мест шли противоречивые сообщения. Хотя некоторые волостные сходы, например в Смоленской губернии, призывали запретить продавать и покупать землю, но преобладающими стали все же решения, допускавшие выкуп различных категорий земель по примеру крестьянского съезда в Кургане⁴².

³⁶ Земля и воля. 1917. 6 мая. № 36.

³⁷ Там же. 3 мая. № 33; 24 мая. № 49.

³⁸ Протоколы Первого съезда... // ПСР. Т. 1. С. 277; Проект основного закона, внесенного по предложению с.-р. в I Государственную Думу («Проект 33-х») // Там же. С. 202; Земля и воля. 1917. 15 апреля. № 18; 17 апреля. № 20.

³⁹ Земля и воля. 1917. 15 апреля. № 18.

⁴⁰ Вторая Петроградская конференция... // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 47–48.

⁴¹ Земля и воля. 1917. 16 апреля. № 19; 19 мая. № 46.

⁴² Там же. 23 апреля. № 25; 30 апреля. № 31; 2 мая. № 32; 10 мая. № 38; 16 мая. № 43.

Показательно это проявилось в отношении к «сверхнадельным» землям крестьян. Так, «Проект 104-х» допускал уступку в виде сохранения избытка земель, превышающих трудовую норму. Составители документа, помимо изъятий земли (и переселений в богатые земель области) для достижения равенства продуктов труда в хозяйствах с различными по площади участками, предлагали также и финансовые меры. Для этого излишки земли облагались налогом в размерах чистого дохода, получаемого с него (что соотносилось с трудовой нормой). Это было отступлением от идеи всеобщего земельного «поравнения», хотя и способствовало уравниванию в достатке. Но, публикуя тот же проект в апреле 1917 г., редакция «Земли и воли» изменила данное положение: вместо изъятия всего дохода теперь изымалась лишь его часть. Так, способом достижения уравнительности между хозяйствами с трудовой нормой землепользования и хозяйствами сверхнадельными называлось прогрессивное обложение последних. Позже В. М. Чернов (один из редакторов «Земли и воли»), выступая перед Съездом крестьянских депутатов, предлагал усиленное обложение хозяйств, «скопивших» земли сверх нормы. Выступая же на партийной конференции Северной области, он пояснял, что принципы земельной реформы в крестьянских хозяйствах будут сочетать право на трудовую норму одних с наличием излишков земли, подлежащих обложению, у других. Чернов говорил именно об обложении всего дохода с избытков, а не о полном их изъятии, не указывая и размеров этого обложения⁴³.

Введение налогообложения для сверхнадельных земель демонстрировало, что помимо крестьянства в этих землях было заинтересовано государство. Предлагаемое эсерами усиленное или прогрессивное обложение таких участков, ничего не давая большинству крестьянства, стремящемуся к их переделу, обещало государству доход, выше взимаемого с трудовых наделов. Создавалась ситуация, когда интересы крестьян и государства сталкивались.

В данной ситуации даже получение необрабатываемой (брошенной) помещиками земли, составлявшей в 1917 г. заметную часть, стало обременяться платой. К выработке условий пользования такими землями призвал Н. Я. Быховский, а С. С. Зак таким условием назвал аренду⁴⁴. Земства получали обращения от ПСР засеивать такие поля «с уплатой аренды», и решения местных административных органов и общественных организаций отражали эти призывы. В партийной печати комитеты и губернские комиссары представлялись теми, кто мог снизить слишком высокую аренду, установить правильные расценки на землю, не допустить «несправедливые и вредные» захваты⁴⁵.

⁴³ Проект основных положений... // ПСР. Т. 1. С. 222; Земля и воля. 1917. 17 апреля. № 20; Отчет о речи В. М. Чернова на заседании Всероссийского совета крестьянских депутатов 16 мая 1917 г. // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 125; Земля и воля. 1917. 24 мая. № 49; Дело народа. 1917. 24 мая. № 56.

⁴⁴ Вторая Петроградская конференция... // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 48, 62–63; Земля и воля. 1917. 22 апреля. № 24.

⁴⁵ Земля и воля. 1917. 17 апреля. № 20; Земля и воля. 1917. 15 апреля. № 18; 17 апреля. № 20; 22 апреля. № 24; 23 апреля. № 25; 29 апреля. № 30.

Крестьянские сообщества отстранялись от происходящего. Требованиями таких лидеров ПСР, как С. Л. Маслов, стало снижение «вздутых» цен на аренду и перевод ее «отрабочной» формы в денежную⁴⁶. Распашка необрабатываемых земель, оформляемая как аренда, сохранявшая права помещиков, и была одним из шагов, открывавших ПСР двери во Временное правительство. Обратной стороной этого процесса было все большее расхождение с крестьянскими требованиями, неизменность которых и в 1905, и в 1917 гг. отмечают современные историки⁴⁷.

Допущение аренды и выкупа земли противоречили принципу экспроприации землевладельцев, прописанному в программе средству достижения уравнилельно-трудового пользования землей⁴⁸. Это повлекло череду заявлений верхушки партии с осуждением самовольных захватов. Редакция «Земли и воли» призвала Всероссийский съезд крестьянских депутатов осудить захваты помещичьей земли. С. Л. Маслов называл захваты вредными, а отказ от них — мудростью. В. М. Чернов убеждал в необязательности раздробления крестьянами «хорошо поставленных [помещичьих] хозяйств»⁴⁹. На местах следовали за лидерами. Крестьянский съезд в Минске принял эсеровскую резолюцию о запрете насильственных захватов земли⁵⁰. Уже проведенные «поравнения» отменялись. Отклик в партийной печати вызвало сообщение о самовольной запашке крестьянами земли Тамбовского губернского комиссара. Его помощник назвал это «неточностью». В письме в «Землю и волю» он пояснял, что землю по просьбе крестьян передали в аренду, стоимость которой определит комиссия губернского комитета⁵¹. В 1905 г. тактика партии допускала захваты земли, выдворение помещиков, уничтожение документов и межевых границ. Эсеры стремились «подстегнуть» будущий парламент к принятию нужного им закона⁵². Теперь подход изменился. Но отодвинув требование передачи земли крестьянам на уравнилельных началах, эсеры не выступали за ее безусловное возвращение помещикам, стремясь установить над ней контроль комиссий и комитетов. Исследователи, отмечая традиции «русского социализма» в программе эсеров 1905 г., указывали на противопоставление трудового хозяйства капиталистическому и на отношение к крупным землевладельцам и бюрократии как к врагам революции⁵³. Практика 1917 г. была сложнее. ПСР пыталась пройти между крестьянскими интересами и помещичьими правами на землю.

⁴⁶ О пользовании землей ... // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 127–132.

⁴⁷ Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 84.

⁴⁸ Протоколы Первого съезда ... // ПСР. Т. 1. С. 277, 283.

⁴⁹ Земля и воля. 1917. 5 мая. № 35; О пользовании землей ... // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 127–132; Отчет о речи В.М. Чернова ... // Там же. С. 124.

⁵⁰ Земля и воля. 1917. 2 мая. № 32.

⁵¹ Там же. 20 апреля. № 22; 21 апреля. № 23.

⁵² Чернов В. М. Перед бурей ... С. 234–235.

⁵³ Леонов М. И. Указ. соч. С. 96, 101.

Партийные деятели не видели ничего общего в крестьянских устремлениях к захватам и целью эсеров. Следующим шагом крестьян Н. Я. Быховский считал «дележ» земель и отказ от пользования ею «всем народом». И. А. Прилежаев ставил вопрос, что даст стране получение крестьянством наделов по трудовой норме и призывал создавать более прогрессивные формы землевладения. В. М. Чернов предлагал экономически эффективные хозяйства передать органам местного самоуправления для обработки «общим трудом»⁵⁴. Организованные эсерами в губерниях крестьянские съезды наделяли комитеты правом контроля за сельскими хозяйствами, запрещали крестьянам самовольные запашки-захваты. Сообщалось об экстренной организации посева комитетами или взимании с землевладельцев письменных обязательств о его проведении. Они распоряжались арендуемой землей и ценами на нее, переходили к обработке помещичьей земли общими силами крестьян, определяли размер заработной платы, время работы и отдыха. Были сообщения, что «землей частновладельцев владеет комитет»⁵⁵. Помимо помещика и крестьянина возникал новый распорядитель, деятельность которого напоминала практики, существовавшие в позднейших колхозах. В советской историографии эсеров обвиняли в «измене» крестьянам и попытках их обмануть, в соглашательстве с помещиками⁵⁶. Приведенные факты обходились, ведь в них проступали схожие черты аграрной политики эсеров и большевиков.

О важности земельных органов говорит их финансирование. В партийной печати сообщалось о выделении правительством кредита на расходы земкомов, о возложении трат примирительных камер на волости, исполнительные комитеты и земства⁵⁷. Все это позволяло не только верхушке партии (П. А. Вихляеву, С. Л. Маслову, В. М. Чернову), но и рядовым работникам встраиваться в структуру государственных учреждений, с доступом к иерархии должностей, окладов и новому социальному статусу. Если до вступления во Временное правительство эсеры неприязненно воспринимали назначения своих ставленников на комитетские должности⁵⁸, то после их отношение к подобной практике изменилось. Исследователи указывали на возрастающий контроль эсеро-вского министерства земледелия за назначениями чиновников в земкомы, регламентацию деятельности в них⁵⁹. Корпус чиновников,

⁵⁴ Вторая Петроградская конференция... // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 62; Протоколы Третьего съезда... // Там же. С. 188; Отчет о речи В.М. Чернова... // Там же. С. 124.

⁵⁵ Земля и воля. 1917. 15 апреля. № 18; 26 апреля. № 27; 30 апреля. № 31; 2 мая № 32; 4 мая. № 34.

⁵⁶ Луцкий Е. А. Поражение эсеров в аграрной революции 1917–1918 гг. // Банкротство мелкобуржуазных партий России... Ч. II. С. 65; Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987; Спирина М. В. Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987. С. 14–15, 18, 46–47, 19, 50–51, 59, 63.

⁵⁷ Земля и воля. 1917. 25 апреля. № 26; 6 мая. № 36; 14 мая. № 42.

⁵⁸ Там же. 11 мая. № 39.

⁵⁹ Иллерицкая Е. В. Аграрный вопрос: Провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981. С. 88, 111–113, 115.

становясь инструментом проведения аграрной политики, призван был оттеснить общину с ее устремлениями. Теоретик партии В. М. Чернов на Северной областной конференции начал свой доклад именно с выяснения роли общины. Он соглашался, что община была «хорошей опорой», но убеждал, что «решающим фактором» она не являлась. Он ссылаясь на то, что община существует не везде, но социализация земли, указывал Чернов, считается эсерами «мерой общероссийской»⁶⁰. Община как элемент самоорганизации деревни в 1917 г. уже не вписывалась в политический курс ПСР и заменялась госучреждениями.

Подобные мероприятия не получили одобрения крестьян, а одной из форм недовольства была апатия. Так, в Вологодской губернии, руководствуясь формулой «кто бы ни служил, лишь был бы дешев», жители села поставили председателем волостного комитета солдата без имущества. Сообщая в «Землю и волю» о его согласии получать вдвое меньше, прежний председатель объяснял выбор крестьян «малым пониманием» и халатностью. Недовольство проявлялось ярче, если в органах власти были землевладельцы: в Харьковской губернии эксцессы в отношении помещиков закончились после уничтожения имущества председателя уездной земской управы⁶¹.

Массовым явлением весны 1917 г. стало распространение «захватных» идей. Партийная пресса негативно оценивала сторонников передела земли. Их называли «налетными агитаторами» и «крикунами», их деятельность — «погромной агитацией», а методы — «разжиганием темных страстей и инстинктов». Причину эксцессов видели в отсутствии авторитетной личности и крестьянских организаций на местах. Исправить вредные явления и устранить насилие предлагали поставками литературы и агитацией, отправкой в деревню «работников» и «культурных сил», создав организации с участием представителей партийных комитетов⁶². Эти методы, выработанные и подтвердившие свою эффективность в период борьбы эсеров с царской властью, в условиях 1917 г. были недостаточными. Так, 78 членов крестьянского союза, организованного в одном из районов Тверской губернии, выступили за распределение земли без выкупа по трудовой норме местными «самоуправлениями», выбранными всеобщим, прямым и тайным голосованием⁶³. Фактически это программное требование делало ненужными земкомы и примирительные камеры с различными по рангу чиновниками, членами партийных и общественных организаций. Создание ориентированных на партию организаций не только не решало проблему, более того, как отмечают исследователи, часто именно крестьяне использовали революционеров в своих интересах, а вовсе не революционеры стимулировали крестьянское движение⁶⁴.

Не работали и другие методы. Зачастую отсутствовали кандидаты на должности в деревне, а в ПСР распространялись призывы принимать всемерное

⁶⁰ Земля и воля. 1917. 24 мая. № 49; Дело народа. 1917. 24 мая. № 56.

⁶¹ Там же. 1917. 3 мая. № 33; 6 мая. № 36.

⁶² Там же. 28 апреля. № 29; 4 мая. № 34; 16 мая. № 43.

⁶³ Там же. 28 апреля. № 29.

⁶⁴ Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 85–86.

участие в работе советов крестьянских депутатов, земкомов и примирительных камер. Видный деятель партии С. Д. Мстиславский (в тот период близкий к В. М. Чернову, впоследствии один из лидеров левых эсеров) призывал «не брезговать» никакой работой, занимать все посты на местах⁶⁵. Но даже наличие кандидатов с высоким партийным статусом не всегда решало проблему, что показал крестьянский съезд Петроградской губернии. В отчете «Земли и воли» указывалось, что кучка кулаков подняла шум из-за кандидатур членов Петроградского Северного областного комитета Н. М. Кузьмина и В. Е. Зюрюкина. Конкуренты убедили съезд, что «посторонние» (не местные представители, а связанные общепартийной тактикой эсеры) не будут защищать интересы уезда. В итоге собрание склонилось к представителям волости, а в Исполкоме съезда оказалось «большинство богатеев и кулаков»⁶⁶. Неудачи не подняли вопрос о соответствии методов поставленным целям. В ПСР распространялось мнение, что должности выборных на съездах и комиссаров в волостных комитетах получали черносотенные элементы и лица, «прикинувшиеся друзьями народа»⁶⁷.

Но новые формы деятельности все же появлялись. Минская группа эсеров извещала об активной работе одного из волостных комитетов, итогом которой назывался добровольный сбор хлеба. Суть подобной деятельности раскрывает сообщение из Воронежской губернии. Собранный там по распоряжению председателя одного из сельских комитетов сход уведомлял «Землю и волю» о готовности крестьян принести «достояние и самих себя на алтарь свободы», говорил о святом долге помогать правительству. Из 756 душ, проживающих в обществе, и 290 домохозяев с правом голоса на сход явилось 195 человек, которые единогласно решили пожертвовать все общественное зерно. Относились ли 195 человек к категории домохозяев или к общему числу проживающих там душ в публикации не уточнялось. Лишь помещенный там же личный призыв председателя к правительству «понуждать» к отправке хлеба землевладельцев и «темных крестьян» указывает на группы, сопротивляющиеся подобной практике, и применяемые к ним методы⁶⁸. Партийная печать тиражировала подобные случаи, называя сдачу последнего хлеба примером «разумного строительства»⁶⁹. Показательна в этом роль местных деятелей, продвигаемых ПСР. Будучи связанными не только с общиной, они могли поступаться ее интересами в угоду интересам своим, партийным или карьерным.

Цель организации деревни постепенно становилась более отчетливой. Агитационное бюро областного комитета Северной области определяло ее

⁶⁵ Вторая Петроградская конференция... // ПСР. Т. 3. Ч. 1. С. 64; Земля и воля. 1917. 4 мая. № 34; 10 мая. № 38.

⁶⁶ Земля и воля. 1917. 14 мая. № 42.

⁶⁷ Там же. 28 апреля. № 29; 4 мая. № 34.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. 28 апреля. № 29.

как защиту интересов всех трудящихся (эсеры к таковым относили, помимо крестьян, городских рабочих и трудовую интеллигенцию). Новое устройство деревни должно было пробуждать у крестьян «сознание великих государственных задач»⁷⁰. Вместо поземельного равенства крестьянству предлагалось посредством отказа от насущных потребностей приобщиться к подготовляемым социальным переменам. Эта идея, заметная уже в решении ждать созыва Учредительного собрания, с появлением ее активных форм в виде сбора хлеба предвещала новые лозунги революции в деревне.

Заключение. Новый подход к прежним программным установкам открывал представителям ПСР двери в коалиционное правительство. Мероприятия эсеров по организации учреждений по контролю за землей, налаживанию их работы создавали факторы регулирования, которые нельзя было отбросить при попытке вернуться к социализации земли в последующем. Составлявшийся из крупных помещичьих и крестьянских участков фонд мог сдаваться в аренду или облагаться повышенным налогом. Его сохранение и расширение, в отличие от передела по трудовой норме, приносило государству большие сборы в казну. Советская историография называла отсутствие передела земли и ее аренды предательством интересов крестьян. Тот факт, что это были элементы контроля за землей, затушевывался, ведь практика колхозного строительства большевиков демонстрировала еще более жесткие и менее привлекательные формы контроля государства.

Весьма отчетливо проявилось и такое ранее не отмечаемое исследователями направление деятельности ПСР в деревне, как безвозмездная сдача хлеба крестьянами, обосновываемая интересами всех трудящихся. Подобная практика, но уже во всероссийских масштабах, позже применялась советским правительством. Программный тезис о переходе земли в общенародное достояние в 1917 г. обрел иное звучание: за ярким лозунгом о всеобщем «поравнении» открывалась и теневая сторона. Условные интересы большинства, от имени которого говорило правительство, были поставлены над ранее провозглашенными устремлениями одной из групп этого большинства — крестьян. Отняв у сельской общины право на распоряжение землей, эсеры передали его государственным органам.

Литература

1. Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. К истории банкротства неонародничества. Л.: Наука, 1977. 295 с.
2. Гинев В. Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902–1914 гг. Л.: Наука, 1983. 335 с.
3. Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции: исторический очерк. М.: Мысль, 1975. 383 с.

⁷⁰ Земля и воля. 1917. 13 мая. № 41.

4. Зверков Е. А. К вопросу о личности В. П. Кобытченко, председателя Воронежского губернского исполкома совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 1917 года // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 51–53.
5. Иванов Н. Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М.: Мысль, 1977. 272 с.
6. Иллерицкая Е. В. Аграрный вопрос: Провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М.: Наука, 1981. 168 с.
7. Иммонен Х. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873–1952). СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. 486 с.
8. Ишин В. В., Батрашев Д. К. Политические партии и общественные движения в истории России: монография. Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 1999. 233 с.
9. Качурина А. В. Народный комиссар почт и телеграфов В. Н. Подбельский // Первое Советское правительство. Окт. 1917 – июль 1918 / науч. ред. А.П. Ненароков. М.: Политиздат, 1991. С. 356–371.
10. Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. 575 с.
11. Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.
12. Луцкий Е. А. Поражение эсеров в аграрной революции 1917–1918 гг. // Банкротство мелкобуржуазных партий России 1917–1922 гг.: сборник научных трудов. Часть II. М.: [Б. и.], 1977. С. 55–65.
13. Местковский Д. А. Внутрипартийная борьба в партии эсеров по вопросу о вхождении ее представителей в правительственную коалицию в 1917 г. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 2 (54). С. 93–108. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2024.54.2.07>
14. Морозов К. Н. Идеиные поиски эсеров в третьионунский период (по материалам журнала «Заветы») // Общественно-политические движения России XVIII–XX вв. Межвузовский сборник научных трудов. Самара: Издательство СамГПИ, 1993. С. 87–97.
15. Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 624 с.
16. Разгон А. И. Народный комиссар почт и телеграфов П. П. Прошьян // Первое Советское правительство. Окт. 1917 – июль 1918 / науч. ред. А. П. Ненароков. М.: Политиздат, 1991. С. 398–420.
17. Спирин Л. М. Россия 1917 г. Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. 333 с.
18. Спирина М. В. Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М.: Наука, 1987. 206 с.
19. Тюкавкин В. Г., Шагин Э. М. Крестьянство России в период трех революций. М.: Просвещение, 1987. 207 с.
20. Шубинский В. И. Азеф. М.: Молодая гвардия, 2016. 351 с.

References

1. Ginev V. N. Agrarnyi vopros i melkoburzhaznye partii v Rossii v 1917 g. K istorii bankrotstva neonarodnichestva [The agrarian question and small-bourgeois parties in Russia

in 1917: On the history of the bankruptcy of neo-narodnichestvo]. Leningrad: Nauka, 1977. 295 p. (In Russ.).

2. Ginev V. N. Bor'ba za krest'ianstvo i krizis russkogo neonarodnichestva [Struggle for the peasantry and the crisis of Russian neo-narodnichestvo]. 1902–1914. Leningrad: Nauka, 1983. 335 p. (In Russ.).

3. Gusev K. V. Partiia eserov: ot melkoburzhuaznogo revoliutsionarizma k kontrevoliutsii: istoricheskii ocherk [The Socialist-Revolutionary Party: From small-bourgeois revolutionary radicalism to counterrevolution: Historical essay]. Moscow: Mysl', 1975. 383 p. (In Russ.).

4. Zverkov E. A. K voprosu o lichnosti V. P. Kobytchenko, predsedatelia Voronezhskogo gubernskogo ispolkoma soveta rabochikh, soldatskikh i krest'ianskikh deputatov 1917 goda [About V. P. Kobytchenko, chairman of the Voronezh provincial executive committee council of workers and peasants' deputies in 1917] // Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology. 2017. № 1. P. 51–53. (In Russ.).

5. Ivanov N. Ya. Kontrevoliutsiia v Rossii v 1917 godu i ee razgrom [Counterrevolution in Russia in 1917 and its defeat]. Moscow: Mysl', 1977. 272 p. (In Russ.).

6. Illeritskaya E. V. Agrarnyi vopros: Proval agrarnykh programm i politiki neproletarskikh partii v Rossii [The agrarian question: The failure of agrarian programs and the politics of non-proletarian parties in Russia]. Moscow: Nauka, 1981. 168 p. (In Russ.).

7. Immonen Kh. Mechty o novoi Rossii. Viktor Chernov (1873–1952) [Dreams of a New Russia. Viktor Chernov (1873–1952)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta, 2015. 486 p. (In Russ.).

8. Ishin V. V., Batrashev D. K. Politicheskie partii i obshchestvennye dvizheniia v istorii Rossii: monografiia [Political parties and social movements in the history of Russia: a monograph]. Astrakhan': Izdatel'stvo Astrakhanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 1999. 233 p. (In Russ.).

9. Kachurina A. V. Narodnyi komissar pocht i telegrafov V. N. Podbel'skii [People's commissar for posts and telegraphs V. N. Podbelsky] // Pervoe sovetskoe pravitel'stvo. Okt. 1917 – iiul' 1918 [The first Soviet government. October 1917 – July 1918] / ed. by A. P. Nenarokov. Moscow: Politizdat, 1991. P. 356–371. (In Russ.).

10. Kondrashin V. V. Krest'ianstvo Rossii v Grazhdanskoi voine: k voprosu ob istokakh stalinizma [The peasantry of Russia in the Civil War: On the question of the origins of Stalinism]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 575 p. (In Russ.).

11. Leonov M. I. Partiia sotsialistov-revoliutsionerov v 1905–1907 gg. [The Socialist-Revolutionary Party in 1905–1907]. Moscow: ROSSPEN, 1997. 512 p. (In Russ.).

12. Lutsy E. A. Porazhenie eserov v agrarnoi revoliutsii 1917–1918 gg. [The defeat of the Socialist-Revolutionaries in the agrarian revolution 1917–1918] // Bankrotstvo melkoburzhuaznykh partii Rossii 1917–1922 gg.: sbornik nauchnykh trudov. Chast' II [The bankruptcy of small-bourgeois parties in Russia 1917–1922: Collection of scientific papers. Part II]. Moscow, 1977. P. 55–65. (In Russ.).

13. Mestkovsky D. A. Vnutripartiinaia bor'ba v partii eserov po voprosu o vkhozhenii ee predstavitelei v pravitel'stvennuiu koalitsiiu v 1917 g. [Internal party struggle in the Socialist Revolutionary Party on the issue of its representatives joining the government coalition in 1917] // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 2 (54). P. 93–108. <https://doi.org/10.25688/20-76-9105.2024.54.2.07> (In Russ.).

14. Morozov K. N. Ideinye poiski eserov v tret'eiun'skii period (po materialam zhurnala «Zavety») [Ideological searches of the Socialist-Revolutionaries in the Third-June Period (based on the materials of the journal "Zavety")] // Obshchestvenno-politicheskie dvizheniia Rossii XVIII–XX vv. Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Social and political movements in Russia, 18th–20th centuries: Interuniversity collection of scientific papers]. Samara: Izdatel'stvo SamGPI, 1993. P. 87–97. (In Russ.).
15. Morozov K. N. Partiia sotsialistov-revoliutsionerov v 1907–1914 gg. [The Socialist-Revolutionary Party in 1907–1914]. Moscow: ROSSPEN, 1998. 624 p. (In Russ.).
16. Razgon A. I. Narodnyi komissar pocht i telegrafov P. P. Prosh'ian [People's commissar for posts and telegraphs P. P. Prosh'yan] // Pervoe Sovetskoe pravitel'stvo. Okt. 1917 – iiul' 1918 [The first Soviet government. October 1917 – July 1918] / ed. by A. P. Nenarokov. Moscow: Politizdat, 1991. P. 398–420. (In Russ.).
17. Spirin L. M. Rossiia 1917 g. Iz istorii bor'by politicheskikh partii [Russia 1917: From the history of the struggle of political parties]. Moscow: Mysl', 1987. 333 p. (In Russ.).
18. Spirina M. V. Krakh melkoburzhuaaznoi kontseptsii sotsializma eserov [The collapse of the small-bourgeois concept of Socialist-Revolutionary socialism]. Moscow: Nauka, 1987. 206 p. (In Russ.).
19. Tyukavkin V. G., Shchagin E. M. Krest'ianstvo Rossii v period trekh revoliutsii [The peasantry of Russia in the period of the Three Revolutions]. Moscow: Prosveshchenie, 1987. 207 p. (In Russ.).
20. Shubinsky V. I. Azef [Azef]. Moscow: Molodaia gvardiia, 2016. 351 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК: 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-149-166

Чемакин Антон Александрович

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

a.chemakin@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6078-4044

УКРАИНСКАЯ ФЕДЕРАТИВНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ВО ВРАНГЕЛЕВСКОМ КРЫМУ (1920 г.)

Аннотация. Статья посвящена Украинской федеративно-демократической партии (УФДП), основанной в Севастополе в 1920 г. и позиционировавшей себя в качестве наследницы одноименной партии, действовавшей в Киеве в 1917–1918 гг. Возникшая на базе инициативной группы уроженцев Украины и тесно сотрудничавшая с властями белого Крыма, УФДП занимала лоялистские позиции и полностью поддерживала политику правителя Юга России и главнокомандующего Русской армией П. Н. Врангеля. Несмотря на название партии, большая часть ее руководителей ранее не имела никакого отношения к украинскому движению, а сама УФДП носила скорее не демократический, а бюрократическо-монархический характер, на что указывает участие в ее деятельности ряда крупных чиновников (Д. П. Перлик, П. П. Чубинский, Т. И. Акоронко) и бывших членов Всероссийского национального союза (А. С. Гижицкий, Г. А. Кочубей). Особое внимание в статье уделяется биографии лидера партии Н. А. Кравченко, который, оказавшись в эмиграции, отказался от федералистских идей и перешел на сепаратистские позиции. Автор приходит к выводу о том, что УФДП вряд ли смогла бы оказать существенные услуги властям Юга России и хоть как-то повлиять на украинцев-сепаратистов.

Ключевые слова: Украинская федеративно-демократическая партия, украинский вопрос, Гражданская война, Юг России, белый Крым, Н. А. Кравченко, П. Н. Врангель.

Для цитирования: Чемакин А. А. Украинская федеративно-демократическая партия во врангелевском Крыму (1920 г.) // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 149–166. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-149-166>

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФН в рамках научного проекта № 24-28-00046 «Украинский вопрос в политике генерала П. Н. Врангеля (весна – осень 1920 г.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00046/>

Original article

UDC: 94(47)

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-149-166

Chemakin Anton A.

Candidate of Historical Sciences

Saint-Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

a.chemakin@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6078-4044

**UKRAINIAN FEDERATIVE DEMOCRATIC PARTY
IN WRANGEL'S CRIMEA (1920)**

Abstract. The article is dedicated to the Ukrainian Federative Democratic Party (UFDП), founded in Sevastopol in 1920 and positioned itself as the successor to the party of the same name which operated in Kiev in 1917–1918. Having emerged on the basis of the “Initiative Group of Natives of Ukraine” and closely cooperating with the authorities of the white Crimea, the UFDП held loyalist positions and fully supported the policy of the ruler of South Russia and commander-in-chief of the Russian Army P. N. Wrangel. Despite the name of the party, most of its leaders had previously had no connection with the Ukrainian movement, and the UFDП exhibited a more bureaucratic-monarchical character rather than a democratic one, as indicated by the involvement of several prominent officials (D. P. Perlik, P. P. Chubinsky, T. I. Akoronko) and former members of the All-Russian National Union (A. S. Gizhitsky, G. A. Kochubey). The article pays special attention to the biography of the party's leader N. A. Kravchenko, who, having found himself in exile, abandoned federalist ideas and switched to separatist positions. The author concludes that the UFDП would hardly have been able to provide significant assistance to the authorities of South Russia or influence the Ukrainian separatists in any way.

Keywords: Ukrainian Federative Democratic Party, Ukrainian question, Civil War, South of Russia, White Crimea, N. A. Kravchenko, P. N. Wrangel.

For citation: Chemakin A. A. Ukrainian Federative Democratic Party in Wrangel's Crimea (1920) // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 2 (58). P. 149–166. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-149-166>

Acknowledgments: the reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 21-78-00015 “The Ukrainian question in general P. N. Wrangel's policy (spring – autumn 1920)”, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00046/>

Введение. В начале октября 1920 г. в газете «Время», издававшейся в Симферополе Б. А. Сувориным, появилось сообщение о том, что в Севастополе недавно образовалась Украинская федеративно-демократическая партия (УФДП). «Как мы слышали от осведомленных лиц, партия ставит своей задачей организацию власти на Украине на федеративных началах в единении с Россией и широкое проведение на Украине народных реформ, связанных с укладом жизни и с бытовыми особенностями Украины», —

отмечалось в статье¹. Краткая заметка аналогичного содержания была напечатана и на страницах севастопольского «Вечернего слова»².

В научных работах, посвященных событиям Гражданской войны на Украине, можно встретить сведения об Украинской федеративно-демократической партии, существовавшей в Киеве 1917–1918 гг.³ Эта партия, созданная в самом конце 1917 г. видным деятелем умеренного крыла украинского движения Владимиром Павловичем Науменко (1852–1919), не имела большой численности и не достигла каких-либо электоральных успехов (участвуя в выборах в Украинское учредительное собрание в Киевской губернии, она получила всего 1 371 голос, т. е. 0,12 %⁴). Несмотря на это, в ее состав входил ряд видных общественно-политических деятелей (например, депутат Государственной думы III созыва, профессор И. В. Луцицкий или известный правовед и философ, профессор Б. А. Кистяковский), а лидер партии В. П. Науменко в ноябре – декабре 1918 г. занимал пост министра народного просвещения Украинской державы гетмана П. П. Скоропадского. В отличие от украинских социалистов-федералистов федералисты-демократы были искренними и убежденными сторонниками федерации Украины и России, позиционировали себя в качестве наследников Кирилло-Мефодиевского братства, М. П. Драгоманова и Украинской радикальной партии⁵, являясь, по сути, либералами с украинофильским оттенком (многие из руководителей УФДП ранее состояли в кадетской партии или были близки к ней). В то время как киевская УФДП более-менее известна специалистам по политической истории начала XX в., об одноименной крымской (а потом эмигрантской) партии нет не только отдельных исследований, а даже и простых упоминаний.

Ход и результаты исследования. Появление крымской УФДП было тесно связано с общим положением украинского вопроса в Крыму во время врангелевского правления. Новый главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (ВСЮР), провозгласивший федеративный принцип организации государства, пригласил к диалогу в том числе и представителей украинских организаций. К весне 1920 г. в Крыму оказалось множество украинских беженцев из малороссийских и новороссийских губерний, причем часть из них явно симпатизировала петлюровцам, в силу чего власти посчитали необходимым, с одной стороны, их контролировать, с другой же — поддержать противовес им в виде лояльной украинской организации, выступающей за федерацию Украины и России и полностью поддерживающей мероприятия правительства.

¹ Время. 1920. 3 октября. № 71.

² Вечернее слово. 1920. 5 октября. № 228.

³ Любовець О. М. Українські партії революційної доби 1917–1920 рр.: Нариси історії та програмні документи. Київ, 2012. С. 337–354.

⁴ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1133. Оп. 1. Д. 53. Л. 25 об. – 26.

⁵ Программа Украинской федеративно-демократической партии. Киев, 1918. С. 3.

Такой организацией и оказалась УФДП, позиционировавшая себя в качестве идейной наследницы одноименной киевской партии. Инициатором создания и лидером этой новой украинской структуры, лояльной врангелевским властям, стал Н. А. Кравченко.

Николай Афанасьевич Кравченко (с начала 1920-х гг. он будет именовать себя Зоц-Кравченко) родился 14 октября 1878 г. в селе Ярошевка Прилукского уезда Полтавской губернии. О биографии Кравченко мы знаем, к сожалению, почти исключительно с его слов, так что к приводимым ниже сведениям необходимо относиться с осторожностью. «По происхождению я из мещан города Прилуки — отец мой унаследовал небольшое имение, но его быстро прожил, — вспоминал Кравченко на допросе в Смерше в 1945 г. — В 1902 году я закончил Киевский университет (юридический факультет) и получил специальность адвокат (в списке студентов его фамилию нам обнаружить не удалось. — *А. Ч.*). По окончании университета работал вначале в гор[оде] Лубны, а затем в Киеве присяжным поверенным»⁶. В анкете арестованного, датированной тем же 1945 г., отмечалось, что он «высокого роста, русский»⁷. Кравченко рассказывал, что его и будущего гетмана П. П. Скоропадского связывали «узы тесного приятельства и дружбы, еще с раннего детства и впоследствии как соседей по имениям в Полтавской губ[ернии]»⁸, но каких-либо сторонних подтверждений этому нет (к тому же основное имение Скоропадских находилось не в Полтавской губернии, а в Харьковской, в Тростянце). Несомненно лишь то, что по состоянию на 1915 г. Кравченко действительно проживал в Киеве в доме № 24 по Михайловской ул.⁹

С 1915 г. Кравченко, по его словам, служил в отделе довольствия окопных рабочих Всероссийского земского союза в Одессе, в 1916 г. перешел в «Хлебармию» — организацию по снабжению хлебом и зернофуражом армии и городских центров. После Февральской революции 1917 г. служил заведующим отделом фронтового снабжения в Одесской губернской продовольственной управе. В 1918 г. был назначен гетманским правительством начальником канцелярии по ликвидации Румынского фронта. В 1919 г. поступил в Красную армию, став квартирмейстером Одесского караульного полка. В июне 1919 г. — после объявления в Одессе красного террора — был арестован органами ВЧК, но обвинение ему так и не предъявили. Пробыв два с половиной месяца под стражей, он вышел на свободу. После взятия Одессы белыми Кравченко уехал в Крым и при содействии своего знакомого, некоего Терещенко, устроился контролером на табачную фабрику Стамболи в Феодосии, однако проработал там недолго, так как вскоре предприятие прекратило выпуск продукции в широком масштабе¹⁰.

⁶ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Д. П-6142. Л. 1, 22.

⁷ Там же. Л. 5.

⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 125. Л. 6 об.

⁹ «Весь Киев»: адресная и справочная книга на 1915 г. Киев, 1915. Стб. 313.

¹⁰ ЦА ФСБ. Д. П-6142. Л. 22–22 об., 90–91.

К лету 1920 г. Кравченко перебрался в Севастополь, где возглавил инициативную группу уроженцев Украины¹¹. По свидетельству генерал-лейтенанта Г. Е. Янушевского, участвовавшего в деятельности беженских украинских организаций в Крыму, в эту группу входили генерал-майор С. В. Лукашевич, полковники В. В. Кривенко и А. А. Сахно-Устимович¹². «В разговорах иногда проскальзывали фамилии Гербеля, Варун-Секрета, графа Бобринского, Андриевского, Кочубея; но весь первый фон застилала собою фигура Кравченко и закрывала всех остальных членов этой группы», — вспоминал Янушевский¹³. По слухам, Кравченко был в фаворе у Н. М. Котляревского (секретаря и начальника канцелярии помощника правителя и главнокомандующего А. В. Кривошеина) и С. Д. Тверского (и. д. начальника гражданского управления), благодаря чему получил от крымского правительства крупную сумму — около 600 тыс. руб. — на открытие украинского кооператива в Балаклаве¹⁴. Кроме того, Кравченко был явно связан с генералом для поручений по украинским делам при главнокомандующем В. Ф. Киреем¹⁵. Однажды во время заседания крымских украинских организаций Кравченко, споря с оппонентом, указал на «две непомерной величины звезды на своих погонах» (имеется в виду мундир действительного статского советника) и многозначительно сказал: «Только благодаря этим звездочкам вас принимает высшее начальство»¹⁶. Впрочем, не вполне ясно, был ли Кравченко в реальности действительным статским советником: по крайней мере, в дореволюционных списках таковым он не значится. В одном из сохранившихся протоколов заседаний украинских организаций он именуется статским советником¹⁷, но тогда у него на погонах должна была быть только одна звезда. Во время совещаний представителей украинских организаций Кравченко спорил со сторонниками создания отдельной украинской армии, доказывая, что «в *федеративном* государстве должна быть только одна общая армия»¹⁸. Янушевский полагал, что Кравченко был приставлен к украинцам, среди которых были сторонники петлюровцев, с целью слежки за их поведением и, несмотря на декларируемый уроженцами Украины федерализм, именовал их малороссами, склонявшимися к автономии Украины как области в составе «Единой неделимой России»¹⁹.

Кравченко еще в июне 1920 г. подал Кривошеину «весьма обширную докладную записку о положении дел на Украине, в которой очень недоброжелательно высказывался относительно петлюровцев»²⁰. Вероятно, в этой записке

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

¹² Там же. Л. 107, 145.

¹³ Там же. Л. 107.

¹⁴ Там же. Л. 152, 202–203.

¹⁵ Там же. Л. 163.

¹⁶ Там же. Л. 152.

¹⁷ Там же. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

¹⁸ Там же. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 3. Л. 154.

¹⁹ Там же. Л. 194–195, 202.

²⁰ Там же. Л. 202.

выдвигалась идея создания подконтрольного Врангелю украинского правительства. Во всяком случае известно, что полковник А. А. Сахно-Устимович, являвшийся одним из инициаторов записки, посчитал эти предложенные мероприятия «преждевременными и не вызываемыми обстановкой данного времени»²¹. О том, что некие «русско-малороссийские круги» настаивают на непризнании правительства Украинской народной республики (УНР) и назначении для Украины правительства в Крыму, упоминал и участник петлюровской делегации, хорунжий И. К. Блудымко, причем он напрямую увязывал эти планы с докладной запиской Кравченко, в которой последний «поносил руководителей движения украинского народа» и называл С. В. Петлюру авантюристом²². Глава этой же делегации, полковник И. Д. Литвиненко сообщал в докладе руководству УНР, что «действительный статский советник» Кравченко, поддерживающий связь с «сильными мира сего», написал доклад про украинское дело: «Доклад этот объяснял все украинское движение походом на Украину мешочников с Московщины, Головной атаман (т. е. Петлюра. — А. Ч.) назывался авантюристом. Ему отказывалось во всяком доверии и авторитете в народных массах. Резюме доклада — нужно послать на Украину свежие “не запятнанные” силы, дать украинскому народу некоторые вольности касательно языка, школы, самоуправления, и тогда будет все хорошо — “тишь да гладь и божья благодать”». Литвиненко отмечал, что «пан Кравченко и его единомышленники представляли из себя небольшой кружок, к которому большинство украинцев не присоединилось»²³.

В конце июля 1920 г. Кравченко входил в состав делегации от украинских организаций, принятой П. Н. Врангелем²⁴. При этом одновременно Кравченко и Сахно-Устимович поддерживали контакты и с генерал-лейтенантом Я. А. Слащевым, попавшим к тому времени в опалу. Слащев вспоминал: «В августе месяце, уже в Севастополе, ко мне явились несколько общественных украинских деятелей, которые, найдя во мне общность взглядов на политическое положение Украины, поделились со мною своими впечатлениями об отношении Ставки к этому вопросу». В докладе для Врангеля, подготовленном 21 августа (3 сентября), Слащев упоминал о необходимости создания «твердого центра» на Правобережной Украине и ссылался на проект Кравченко²⁵.

В сентябре 1920 г. в Севастополе на базе группы «уроженцев Украины» была создана Украинская федеративно-демократическая партия. В состав комитета партии, кроме Кравченко, вошли Н. С. Адамович, Г. Г. Бурлаков, А. С. Гижицкий, Т. И. Акоронко, Г. А. Кочубей, Д. П. Перлик, А. К. Старицкий, П. П. Чубинский

²¹ ГАРФ. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 об. — 10.

²² Там же. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 31. Л. 45 об., 49.

²³ ЦГАВО Украины. Ф. 1429. Оп. 2. Д. 28. Л. 4 об. — 5.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 3. Л. 136.

²⁵ *Слащев-Крымский Я. А.* Требую суда общества и гласности (оборона и сдача Крыма). Мемуары и документы. 2-е издание. Константинополь, 1921. С. 57, 62.

и Ф. Г. Шульга. Началась организация отделений партии в Симферополе, Ялте, Феодосии, Мариуполе и Александровске²⁶.

Вторым человеком в партии был, по всей видимости, действительный статский советник Дмитрий Петрович Перлик (1868 – не ранее 1920), сын генерала от инфантерии. Семья Перликов происходила из потомственных дворян Харьковской губернии, но проживала в Полтавской губернии. Дмитрий Перлик окончил Полтавский кадетский корпус и Казанское пехотное юнкерское училище, с 1896 г. исправлял должность старшего помощника старшего адъютанта штаба Кавказского военного округа. Несколько раз Перлик безуспешно пытался поступить в Александровскую военно-юридическую академию²⁷. Впоследствии он, видимо, ушел с военной службы и начал делать чиновничью карьеру, а к началу 1920 г. был помощником севастопольского градоначальника по гражданской части²⁸. В марте – начале июня 1920 г. Перлик временно исправлял должность таврического губернатора и начальника гражданского управления, состоял членом Совета при главнокомандующем²⁹. Освободив Дмитрия Петровича от занимаемых должностей, Врангель в приказе от 2 июня 1920 г. выразил ему «сердечную признательность за отличное исполнение временно возложенных на него обязанностей»³⁰ (при этом в мемуарах главнокомандующий отметит, что Перлик «бессилен был, при отсутствии твердых руководящих сверху указаний, управлять внутренней жизнью края», Кривошеин же «считал настоятельно необходимым заменить» его³¹).

Важной символической фигурой в руководстве УФДП был инженер путей сообщения, действительный статский советник Павел Павлович Чубинский (1873–1927), сын этнографа и фольклориста Павла Платоновича Чубинского, автора стихотворения «Ще не вмерла Україна», впоследствии ставшего украинским гимном³². До революции младший Чубинский никакого отношения к политике не имел и делал чиновничью карьеру. После окончания Института инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге он служил в Казанском округе путей сообщения, Управлении водными путями Амурского бассейна, Киевском округе путей сообщения. В 1910 г. стал начальником уже знакомого ему Управления водными путями Амурского бассейна. За время службы был награжден орденом Св. Владимира IV ст. и Св. Анны III ст., а в 1911 г.

²⁶ Время. 1920. 3 октября. № 71.

²⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 29057. Л. 16–18.

²⁸ Крымский вестник. 1920. 22 февраля. № 43 (9734); 29 февраля. № 48 (9739).

²⁹ Hoover Institution Archives (HIA). P. N. Vrangeli collection. Box 137. File 4. Журналы заседаний Совета при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России с № 1 по № 35; Крымский вестник. 1920. 3 апреля. № 71 (9762).

³⁰ HIA. P. N. Vrangeli collection. Box 136. File 3. Приказы Правителя Юга России и Главнокомандующего Русской армией с 8 апреля 1920 г. по 29 октября 1920 г. Л. 59, 61.

³¹ Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). Часть вторая. Последняя пядь родной земли // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Т. VI. Берлин, 1928. С. 17, 93.

³² Чередниченко Д. Павло Чубинський. Київ, 2005. С. 143.

ему было объявлено Высочайшее благоволение³³. После революции Чубинский вернулся на малую родину, в июне – декабре 1918 г. занимал пост товарища министра путей сообщения Украинской державы и неоднократно принимал участие в заседаниях Рады министров³⁴. Кроме членства в руководстве УФДП он был еще и представителем в Крыму парижского Украинского национального комитета (УНК)³⁵.

Видимо, по приглашению Чубинского в партии оказался его коллега по работе на Амуре в начале 1900-х гг. — инженер путей сообщения, коллежский советник Александр Константинович Старицкий (1877–1936), сын контр-адмирала, потомственный дворянин Полтавской губернии, почетный мировой судья Полтавского округа. Окончивший тот же Институт инженеров путей сообщения, Старицкий служил в разных местностях империи, с 1912 г. был помощником начальника Киевского округа путей сообщения. В годы Первой мировой он временно возглавлял Львовский округ путей сообщения, занимался дорожными работами на Юго-Западном фронте, а в 1916–1917 гг. заведовал Виленским округом путей сообщения³⁶. Еще одним инженером-железнодорожником в УФДП был действительный статский советник Тит Иванович Акоронко (1857–1935), происходивший из семьи священника Минской губернии, вероятно, имевшего малороссийские корни. Выпускник Института инженеров путей сообщения, Акоронко в 1907–1911 гг. был начальником службы пути (а с 1908 г. еще и вторым заместителем начальника) Николаевской железной дороги, в 1911–1912 гг. — начальником Полесских железных дорог, в 1912–1917 гг. — управляющим Рязанско-Уральской железной дорогой. За почти сорокалетнюю службу он был награжден многими российскими и иностранными орденами³⁷. По словам сослуживца, Акоронко был «один из самых выдающихся русских железнодорожных деятелей старой России»³⁸.

Достаточно крупной фигурой являлся и бывший дипломатический представитель УНР в Болгарии Федор Григорьевич Шульга (1862 – не ранее 1922). Уроженец Полтавской губернии³⁹, он учился в Дерптском ветеринарном институте, но курса не окончил (видимо, из-за принадлежности к народофильским кругам). В 1897–1899 гг. Шульга занимал пост секретаря городской управы Владикавказа, в 1901–1908 гг. был секретарем городской управы Одессы. В 1916–1917 гг. он находился в распоряжении окружного уполномоченного министерства земледелия по закупке хлеба для армии по Одесскому

³³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 190. Оп. 1. Д. 1941. Л. 225–230.

³⁴ Українська Держава (квітень – грудень 1918 року). Документи і матеріали: у 2-х т. Т. 1 / упоряд.: Р. Пиріг (кер.) та ін. Київ, 2015. С. 23, 58, 734.

³⁵ Время. 1920. 3 октября. № 71.

³⁶ РГИА. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1774. Л. 1–12, 21.

³⁷ Там же. Ф. 229. Оп. 18. Д. 75. Л. 327–334, 395.

³⁸ Возрождение. 1935. 18 февраля. № 3547.

³⁹ РГИА. Ф. 1142. Оп. 6. Д. 2554. Л. 1.

военному округу (где, весьма вероятно, и познакомился с Кравченко)⁴⁰. Во время жизни в Одессе Шульга принимал участие в украинском движении, принадлежал к его умеренному крылу, состоял в Одесской громаде, «Просвите», а также — до конца 1917 г. — в Конституционно-демократической партии. Из-за участия в украинских делах он был вынужден покинуть пост в одесской управе и поэтому в дальнейшем всегда был чрезвычайно осторожен. Один из лидеров украинского движения Е. Х. Чикаленко, знакомый с Шульгой, в переписке начала 1920-х гг. будет называть его малороссом. С лета 1918 и до начала 1919 г. Шульга был советником посольства Украинской державы и УНР в Болгарии, с января по сентябрь 1919 г. — поверенным в делах УНР в Болгарии. В сентябре 1919 г. он приехал в недавно занятую белыми Одессу к семье и жил в городе вплоть до эвакуации в январе 1920 г. в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Осенью 1920 г. Шульга прибыл в Крым и активно включился в местную политическую жизнь⁴¹. Согласно одной из справок, сохранившейся в фонде посольства УНР в Германии, он пользовался большим влиянием в украинских кругах Крыма, но при этом к идее самостийности Украины относился безразлично и заявлял, что «ему все равно, будет ли Россия монархией или республикой»⁴². Шульга, в молодости придерживавшийся социалистических взглядов, за годы Гражданской войны сильно поправел и готов был согласиться даже на монархию. «Пусть будет просто монархия, нечего втирать кому-то очки, пусть будет и наследственная, хотя это и черт знает что, но хуже того, что сейчас есть, не будет никогда, ни при каком монархе», — писал он Чикаленко в апреле 1921 г. По мнению Шульги, выраженном в том же письме, «и Петлюра, и Скоропадский, и Врангель, и Махно, и кто там еще есть, все должны объединиться для достижения одной цели — уничтожения эпидемии», после же победы над большевиками пусть спорят между собой, как устроить государственную жизнь. Будучи прагматиком, Шульга считал, что рано или поздно Россия встанет на ноги и будет огромной и могущественной соседкой Украины. «И если мы в отношении русских будем только врагами, то чего нам ожидать от нее? Она же нас задавит», — объяснял он свою позицию Чикаленко, полагавшему, что лучше сотрудничать с большевиками, чем с белыми русскими⁴³.

Особый интерес среди руководителей УФДП представляют личности А. С. Гижицкого и Г. А. Кочубея. Александр Степанович Гижицкий (1869–1938) был депутатом III и IV Государственной думы от Подольской губернии (состоял во фракции русских националистов) и членом Главного совета Всероссийского национального союза⁴⁴. Георгий Александрович Кочубей (1882 – не ранее

⁴⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 7. Д. 4048. Л. 1–9.

⁴¹ *Старовойтенко І.* Листи Федора Шульги до Євгена Чикаленка // Пам'ятки: археографічний щорічник. Т. 13. Київ, 2012. С. 139–166.

⁴² ЦГАВО Украины. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 190. Л. 259.

⁴³ *Старовойтенко І.* Указ соч. С. 153.

⁴⁴ *Николаев А. Б.* Гижицкий Александр Степанович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 130.

1923) в 1918 г. входил в состав киевского монархического блока, а во время антигетманского восстания — в Совет обороны Киева. В 1919 г. он принимал участие в деятельности подпольной монархической террористической организации «Анонимный центр», а также выступил в качестве одного из инициаторов возрождения Всероссийского национального союза⁴⁵. Можно, конечно, предположить, что русские националисты и монархисты Гижицкий и Кочубей вдруг неожиданно осознали себя украинцами и потому вступили в УФДП, но куда более вероятной видится версия, что их кто-то (например, Кривошеин или Котляревский) попросил вступить в партию с целью «присматривать» за другими «украинскими федералистами». На это указывает следующий факт: в феврале 1921 г., когда в Константинополе состоится ряд совещаний русских и украинских эмигрантов, Кравченко будет в них участвовать от имени УФДП, а Гижицкий — уже в качестве представителя «группы русских общественных и политических деятелей»⁴⁶. Гижицкий в 1920 г. не состоял на государственной службе, но при этом поддерживал контакты с властями и даже использовался ими в качестве курьера. Так, в конце лета 1920 г. ему было поручено передать официальные бумаги из посольства России во Франции в управление иностранных дел в Севастополе⁴⁷. Кочубей после эвакуации из Крыма быстро позабудет о своем мимолетном «украинстве» и станет редактором белградской газеты «Русское дело»⁴⁸. Если версия о том, что Гижицкого и Кочубея направили в УФДП крымские власти, верна, это может свидетельствовать о том, что партия хоть и находилась под присмотром, но полностью марионеточной все же не была. Можно сделать и другое предположение: из-за нехватки в Крыму крупных украинских деятелей роль таковых сыграть Гижицкому и Кочубею предложил сам Кравченко. Правда, если «украинцами» их хоть в какой-то мере признать можно, то на «федералистов-демократов» они, люди правых (и даже крайне правых) убеждений, явно не тянули.

Таким образом, в руководстве УФДП можно выделить три группы: это уроженцы Полтавской губернии, крупные чиновники министерства путей сообщения и члены Всероссийского национального союза, по какой-то причине вдруг ставшие украинцами. Создается впечатление, что организаторы партии просто позвали оказавшихся поблизости земляков, коллег или знакомых. По крайней мере, никто из руководителей партии, кроме Шульги, ранее не принадлежал к числу хоть сколько-нибудь заметных фигур украинского движения,

⁴⁵ Чемакин А. А. «Деникин относится к нам определенно отрицательно, считая нас слишком правыми...»: Всероссийский национальный союз в 1917–1920 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 110–111.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 427. Л. 33, 42.

⁴⁷ Там же. Ф. Р-6851. Оп. 1. Д. 56. Л. 98.

⁴⁸ Кудрявцев В. Б. Периодические и неперіодические коллективные издания русского зарубежья: 1918–1941: Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: опыт расширенного справочника: в 2 ч. Ч. 1. М., 2011. С. 750.

а по своему составу УФДП производила впечатление структуры скорее не демократической, а бюрократическо-монархической. Несмотря на это, крымская УФДП позиционировала себя в качестве наследницы киевской УФДП. Так, например, Кравченко уже в эмиграции именовал себя председателем «Главного комитета украинских объединенных (1918 и 1920 гг.) Федеративно-демократических партий» и «лидером федерального руссо-фильского течения украинской общественной мысли»⁴⁹. Прямой персональной преемственности партии Кравченко с партией Науменко обнаружить не удалось, фамилии руководителей «старой» и «новой» партий различались. Впрочем, нельзя исключать, что некоторые из лидеров крымской УФДП в 1918 г. были рядовыми членами киевской УФДП.

Программу новой партии опубликовать до эвакуации из Крыма не успели, но можно предположить, что она принципиально не отличалась от программы УФДП, изданной в Киеве в 1918 г. Партия Науменко выступала за федеративное устройство новой России, отказ от централизма, национально-территориальную автономию Украины (или, как вариант, образование и на территории Украины, и на территории Великороссии более равномерных и мелких автономно-областных единиц), полное равноправие всех национальностей, сохранение общегосударственного статуса за русским языком на всей территории России, создание двухпалатного общероссийского народного представительства и однопалатного народного представительства (сейма) на Украине и в других автономных областях, гарантию основных гражданских прав и свобод, проведение аграрной реформы, предполагающей передачу крестьянам части помещичьих владений (с компенсацией за отчуждаемые земли по справедливой оценке), развитие рабочего законодательства, введение всеобщего и обязательного начального образования (с обязательным преподаванием украинских дисциплин — языка, литературы, истории и географии — во всех школах на Украине и возможностью преподавания на украинском языке всех предметов в случае согласия на это со стороны родителей учащихся)⁵⁰. Эти положения вполне сочетались с врангелевским курсом.

Вскоре после создания (воссоздания) УФДП ее представители были приняты председателем правительства Юга России А. В. Кривошеиным, что должно было символизировать благоволение украинским федералистам-демократам со стороны властей Крыма. Представители УФДП заявили Кривошеину, что партия готова оказать «всемерную поддержку правительству при организации власти на вновь освобождаемой территории, так как партия стоит в согласии с основными положениями, возвещенными ген[ералом] Врангелем в его соглашениях с казачьими образованиями»⁵¹.

⁴⁹ Зоц-Кравченко Н. А. Политические шарлатаны. Три письма в редакции газет «Последние Новости» и «Возрождение» по Украинскому вопросу. Константинополь, 1927. С. 8.

⁵⁰ Программа Украинской федеративно-демократической партии. Киев, 1918.

⁵¹ Время. 1920. 3 октября. № 71.

4 (17) октября 1920 г. лидеры УФДП Кравченко и Перлик приехали в Ливадию для встречи с генералом Слащевым, с которым продолжали поддерживать отношения, видимо, не подозревая о том, что он впал в немилость у властей Крыма. Сам Слащев вспоминал, что «из Севастополя прибыли представители Украинского федеративного комитета, которые после обмена мнений со мною представили мне краткую записку о необходимых мероприятиях по украинскому вопросу»⁵². В записке отмечалось, что ни одна из украинских партий не опирается на широкие массы народа и говорить от его имени не может, поэтому работа этих партий может носить лишь строго деловой характер и должна сводиться к оказанию российскому правительству «содействия по разработке мероприятий и государственного устройства федеративной Украины». По их мнению, существующая модель управления Крыма при отсутствии в ней определенной политики, при бессистемности финансово-экономических мероприятий, при экономическом расстройстве тыла не может быть перенесена на Украину без опасения подрыва престижа верховной власти, ставящей задачей объединение России. В случае прихода на Украину без строго обдуманной и разработанной системы управления население неизбежно поддастся пропаганде самостийников и временно пойдет за правительством С. В. Петлюры. Кравченко и Перлик полагали, что нерешительная политика крымского правительства в украинском вопросе укрепляет положение петлюровского правительства, и поэтому предлагали начать в Крыму строительство украинского гражданского аппарата власти, который будет постепенно, по мере освобождения новых территорий, переноситься на Украину. Для создания опоры гражданского аппарата на местах они полагали необходимым установление «твердой базы повстанчества на Правобережной Украине», соглашение с украинской армией во главе с М. В. Омеляновичем-Павленко (в Крыму многие, в том числе и авторы записки, полагали, что тот действует независимо от Петлюры, что не соответствовало действительности) и восстановление вольного казачества как «твердой опоры правопорядка»⁵³. 5 (18) октября Слащев, опираясь на мнение Кравченко и Перлика, отправил Врангелю письмо, в котором рассказал, что ему «пришлось говорить с украинскими деятелями (не петлюровского толка)», которые «очень удручены задержкой в опубликовании поданной Вам декларации» (видимо, речь идет о проектах, переданных Слащевым Врангелю в августе. — *А. Ч.*), в то время как петлюровская пропаганда идет даже на фронте. Врангель ответил, что дела на фронте идут хорошо, а с повстанцами Правобережной Украины поддерживается самая тесная связь⁵⁴. Попытки Кравченко и Перлика повлиять на Врангеля через Слащева показывают то, что партия пыталась донести до главнокомандующего

⁵² *Слащев-Крымский Я. А.* Указ. соч. С. 70.

⁵³ ГАРФ. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–1 об.

⁵⁴ *Слащев-Крымский Я. А.* Требую суда общества и гласности (оборона и сдача Крыма). С. 71–73.

свою точку зрения и, несмотря на тесные связи с правительством Юга России, вряд ли была полностью управляемой.

Работа УФДП, прерванная эвакуацией из Крыма в ноябре 1920 г., была продолжена в Константинополе, хотя и в меньших масштабах. Уже 13 (26) ноября представители партии участвовали в совещании, созванном УНК (как отмечал один из участников, все речи на собрании говорились только по-русски)⁵⁵. В феврале 1921 г. Кравченко от имени УФДП участвовал в объединенном совещании УНК и представителей группы русских общественных и политических деятелей, на котором обсуждался вопрос о принципах организации будущей федеративной России⁵⁶. Постепенно все основные лидеры партии разъехались по разным странам (Шульга уехал в Болгарию, Чубинский — во Францию), и фактически от УФДП осталась лишь вывеска, которой прикрывался Кравченко, работавший в Константинополе сначала на фабрике закройщиком мешков, а с 1923 по 1928 г. занимавшийся ремонтом автомобилей в гараже⁵⁷. В 1927 г. Кравченко, к тому времени изменивший фамилию на Зоц-Кравченко, выпустил брошюру, в которой объяснял, что после оставления украинской и крымской территории активная деятельность УФДП была приостановлена, так как «политическая работа лояльной, стоящей на строго-правовой точке зрения партии» была сочтена «недопустимой на чужой территории ни в какой форме». Несмотря на это, он продолжал делать заявления от имени украинских федералистов, например, критиковал некоторых представителей русской эмиграции (В. А. Мякотина, В. В. Шульгина) за неверный, по его мнению, подход к украинскому вопросу. Сам Кравченко полагал, что в 1917 г., после крушения «российского императорского режима», Переяславский договор 1654 г. потерял свое значение и Украина сделалась самостоятельным государством (в качестве примера он приводил признание гетманской Украинской державы рядом других государств). Лидер УФДП считал исторической неизбежностью и насущной необходимостью самое широкое объединение народов бывшей Российской империи в одно мощное союзное государство, предусматривающее вхождение в федерацию и тех славянских народностей, которые не входили ранее в состав России, но при этом настаивал на том, что «создание и жизнеспособность такой федерации возможны исключительно при условии вхождения в нее суверенных народов через свои правительства на строго паритетных началах, без покровительственного и неполномочного представительства великорусской общественности и великорусского правительства». Считая, что свержение власти III Интернационала начнется с Юга бывшей Российской империи, Кравченко полагал, что в первую очередь должна быть создана федерация Украины с казаками, Польшей, Литвой, Белоруссией и Кавказом. Он критиковал «непримиримый догматический сепаратизм, шовинизм» и отрицал

⁵⁵ ЦГАВО Украины. Ф. 1429. Оп. 2. Д. 109. Л. 71.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 427. Л. 33, 42.

⁵⁷ ЦА ФСБ. Д. П-6142. Л. 22 об.

его наличие в толще широких масс украинского народа, но при этом, говоря о федерации, имел в виду теперь не столько восстановление России, что предполагалось киевской и крымской УФДП, сколько создание нового «мощного, великодержавного Восточно-Европейского государства»⁵⁸. Таким образом, постепенно происходило его сближение с сепаратистами гетманского толка. В Константинополе он поддерживал контакты не только с русскими эмигрантскими кругами, но и с самостийническими организациями, а также возглавлял местные Украинскую громаду и Полтавское землячество, в составе которых были представлены и сепаратисты. Весной 1928 г. турецкое правительство без объяснения причин выслало Кравченко за пределы страны и он был вынужден перебраться в столицу Югославии⁵⁹.

Первые полтора года жизни в Белграде Кравченко, по его словам, существовал на средства, получаемые от Державной комиссии, а затем устроился на работу помощником повара в русской столовой⁶⁰. Обосновавшись на новом месте, он, по-прежнему выступавший от имени УФДП, развил бурную деятельность. «Группа украинских федералистов в Белграде, представляемая Зоц-Кравченко, хотя и имеет тенденцию русофильскую, характеризуется очень слабой по своему составу. Входящие в нее лица беспринципны, это “бывшие верные защитники России”, которые за чечевичную похлебку продают свое первородство и пошли на авантюру, рассчитывая на эфемерные блага», — сообщал в декабре 1928 г. начальник военного отдела русской делегации полковник В. И. Базаревич председателю Русского общевойскового союза (РОВС) генералу от инфантерии А. П. Кутепову. По мнению автора доклада, члены этой группы вошли в нее потому, что «слышали о повышении украинских акций», после же их падения никого там не останется⁶¹. Кравченко, именовавший себя действительным статским советником и бывшим помощником министра торговли в гетманском правительстве, поддерживал контакты с белградской «Просвитой» (при этом, правда, некоторые ее члены считали его «авантюристом и проходимцем»), а также через Н. В. Кочубея и А. А. Сахно-Устимовича, с которым у него была «старая дружба» (видимо, с крымских времен), вошел в связь с гетманской управой и занялся подготовкой доклада для Скоропадского об общем положении украинцев в стране, для чего выяснял общее количество украинцев по специальностям и родам оружия. По данным Базаревича, Кравченко и члены белградской «Просвиты» вели «чисто иезуитскую» политику: для сербов и русских они представлялись федералистами, для англичан и представителей других держав, заинтересованных в украинском вопросе, — самостийниками. Так, например, Кравченко докладывал

⁵⁸ Зоц-Кравченко Н. А. Указ. соч. С. 10–15.

⁵⁹ В Царьгороді // Тризуб. 1928. 6 травня. № 17 (123). С. 31.

⁶⁰ ЦА ФСБ. Д. П-6142. Л. 22 об.

⁶¹ Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). Russkii Obshche-Voinskii Soiuz (ROVS) records. Box 132. Folder «Ukrainian Separatist Movements». Доклад «Организация украинцев в Королевстве С.Х.С.», 23.XII.1928.

начальнику управления по делам русских эмигрантов В. И. Штрэндтману, что «украинцы полагают освобожденную Украину представить в виде плацдарма для совместной с русскими борьбы с большевиками, не делая территориальной разницы», и русский дипломат отнесся к этому заявлению «очень симпатично». Кроме того, Кравченко встречался с митрополитом Антонием (Храповицким) и рядом других русских и сербских деятелей⁶².

В 1931 г. Кравченко угодил в шпионский скандал, окончившийся для него весьма печально. В августе он предложил русскому эмигранту Н. Г. Иванову работу на гетмана, которому якобы содействуют англичане. Кравченко утверждал, что Англия решила создать «великую Украину», которая вместе с Польшей, Чехословакией, Румынией и Югославией преобразуется в Центральное славянское государство под главенством Скоропадского. Он начал собирать для гетмана и англичан информацию по экономическим вопросам, «так как в университете особенно успешно изучал экономические и финансовые науки», сбор же данных о югославских путях сообщения и военных решил предложить Иванову. Иванов испугался, решив, что Англия и гетман являются ширмой, а Кравченко работает на большевиков, и рассказал обо всем знакомому бывшему приставу, тот же посоветовал обратиться в полицию. На запрос югославских властей Базаревич сообщил, что еще в бытность в Константинополе Кравченко работал на английскую разведку. Штрэндтман в письме в белградскую полицию выразил мнение, что Кравченко «нельзя считать благонадежным ни в политическом, ни в моральном отношении», но при этом никаких сведений о его связях с большевиками нет. По словам Штрэндтмана, примерно полтора года назад Кравченко принял наружный вид человека ненуждающегося, что заставило русскую делегацию относиться к нему с осторожностью, так как источник его существования не был ясен. Русские круги еще с начала 1931 г. подозревали, что Кравченко занимается экономическим шпионажем в пользу англичан, и даже предупреждали об этом военного и морского министра Югославии. В итоге 8 сентября 1931 г. на квартире Кравченко агентами управы Белграда был произведен обыск, а 22 января 1932 г. он был признан виновным в шпионаже и приговорен к 7 годам каторги с высылкой из пределов Югославии по окончании этого срока⁶³.

Сам Кравченко на допросе в Смерше в 1945 г. не отрицал, что работал на английскую разведку, но рассказывал эту историю немного иначе. По его словам, в 1931 г. он встретил в Белграде старого киевского знакомого — В. П. Гриневича, — работавшего переводчиком в английском посольстве в Софии, и попросил у него содействия в получении английской визы. Гриневич согласился, но в ответ предложил выполнить его задания, в частности написать доклады о взаимоотношениях между сербами и хорватами и осветить македонский

⁶² Bakhmeteff Archive... Доклад «Положение украинских организаций в Королевстве С.Х.С.», 28.III.1929.

⁶³ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 125. Л. 1, 3–3 об., 6–7 об., 12, 20, 21, 23–23 об.

вопрос. В течение года Кравченко готовил эти доклады и передавал Гриневичу, а взамен получил от него 3000 динаров. Осенью 1931 г. у Гриневича прошел обыск, но сам он успел бежать. Обнаружение докладов Кравченко привело уже к обыску у него самого, в ходе которого была найдена запрещенная македонская пресса. В итоге бывший лидер УФДП предстал перед югославским судом и получил срок за политический шпионаж⁶⁴.

Осенью 1938 г., после отбытия наказания, Кравченко выехал в Румынию, где якобы обратился в советское посольство с просьбой разрешить въезд в СССР, но ответа так и не дождался. С июля 1939 г. он поселился в Праге и в течение первого года жил на помощь Российского общества Красного Креста, а затем обратился в Украинское бюро помощи, где ему предложили вступить в одну из украинских эмигрантских организаций. Он записался в гетманскую Украинскую народную громаду, после чего был назначен референтом социальной помощи и прикомандирован к бюро помощи. Эти сведения, скорее всего, были им выдуманы в 1945 г. с целью оправдаться перед советскими спецслужбами, в действительности же он с самого начала пребывания в Праге включился в работу гетманцев (во время допроса он врал, что во время жизни в Константинополе ни к каким антисоветским организациям не примыкал, хотя это было не так). С февраля 1941 г. по март 1942 г. Кравченко руководил состоявшей из 220 человек пражской Украинской громадой, занимаясь привлечением новых членов, сбором денег и ведением канцелярии, устройством ежемесячных собраний и докладов. После того как в 1942 г. Громада слилась с Союзом гетманцев-державников, он ушел из нее из-за чувства личной обиды и нежелания подчиняться новому руководству⁶⁵.

В марте 1943 г. Кравченко по приглашению генерал-поручика М. В. Омеляновича-Павленко вступил в Запорожский отдел Казачьего национального движения, возглавляемого инженером В. Г. Глазковым и противостоявшего общероссийской казачьей организации. Кроме работы в Запорожском отделе, выступавшем за создание самостоятельного федеративного казачьего государства вместе с донцами, кубанцами и терцами, Кравченко стал редактором и корректором украиноязычных статей в газете «Казачий вестник»⁶⁶. Примечательно, что теперь он уже не называл себя действительным статским советником, а подписывался как «доктор», хотя совершенно неясно, когда и где он мог бы получить ученую степень (не в югославской же тюрьме). За 1943–1944 гг. он опубликовал на страницах «Казачьего вестника» несколько статей сепаратистского, антирусского и пронацистского содержания, доказывая, что «национальные тенденции казачества с его традиционной военно-авторитарной государственностью» враждебны «интернациональному большевизму» и «всемирной жидовско-масонской демократии», и поэтому запорожские

⁶⁴ ЦА ФСБ. Д. П-6142. Л. 23–23 об.

⁶⁵ Там же. Л. 23 об. – 24, 25–25 об., 39, 42, 55.

⁶⁶ Там же. Л. 25 об. – 26 об., 42, 74, 78.

казаки должны идти вместе с немецкой армией⁶⁷. Угрозу для «казацкого народа» и «всей Европы» бывший федералист Кравченко теперь видел в «империалистических тенденциях Москвы»⁶⁸, племена которой, по его словам, принадлежат к урало-алтайской расе и не имеют никакого отношения к Руси⁶⁹.

После отъезда Омеляновича-Павленко из Праги в начале 1945 г. Кравченко стал временно исполняющим обязанности атамана Пражской станицы Запорожского казачества⁷⁰. 12 мая 1945 г. он был задержан красноармейцами у себя в квартире в доме № 4 по ул. Напрсткова в Праге 1 по подозрению во враждебной Советскому Союзу деятельности. 24 мая Кравченко был официально арестован, а принадлежавший ему нансеновский паспорт изъят. На допросах в Смерше он объяснял свое сотрудничество с украинскими и казачьими организациями исключительно материальными соображениями, так как пенсии ему едва хватало на полмесяца. Впрочем, он был вынужден признать, что во время одного из собраний после нападения Германии на СССР выступил с краткой речью, в которой провозгласил славу гетману П. П. Скоропадскому и его союзнику А. Гитлеру. Руководитель Украинской громады по Чехословакии А. А. Корнейчук в своих показаниях сообщил, что Кравченко жил на маленькую пенсию для престарелых и потому много времени проводил на работе в Громаде, где был «самым ярким активистом». 25 июля военный трибунал Центральной группы войск осудил Николая Афанасьевича Зоц-Кравченко по ст. 58-2 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу, а 6 августа 1945 г. приговор был приведен в исполнение. В 2002 г. Главная военная прокуратура признала Зоц-Кравченко осужденным необоснованно и реабилитировала, ссылаясь на его же показания, согласно которым он вступил в украинские националистические организации с целью получения от них материальной помощи (что если и соответствовало действительности, то лишь отчасти), сама же деятельность этих организаций была признана формальной и не имеющей каких-либо вредных последствий⁷¹.

Заключение. Подводя итоги, зададимся вопросом, могла ли УФДП сыграть какую-то значимую политическую роль в том случае, если бы Врангелю удалось удержаться в Крыму? Сам Кравченко, осуществлявший наблюдение за крымскими украинскими организациями, вероятно, воспринимался властями Юга России как весьма полезная фигура, но вряд ли аналогичную пользу принесла бы и его партия. УФДП, возглавляемая действительными статскими советниками и русскими монархистами, не имевшими ранее никакого отношения к украинскому лагерю, вряд ли смогла бы произвести какое-либо впечатление на убежденных петлюровцев. И, кажется, она не столько

⁶⁷ Казачий вестник. 1943. 15 июня. № 12 (43).

⁶⁸ Там же. 15 сентября. № 18 (49).

⁶⁹ Там же. 1944. 15 августа. № 17 (74).

⁷⁰ ЦА ФСБ. Д. П-6142. Л. 25 об., 47 об., 80.

⁷¹ Там же. Л. 5, 7, 8, 27, 33, 108–108 об., 179, 180.

отвращала идейных украинцев от сепаратизма, сколько, напротив, втягивала в «украинство», пусть и с приправой в виде «федерации», представителей бюрократии и общественных деятелей, ранее об этом вообще не помышлявших, и тем самым это «украинство» легитимизировала (даже если считать, что временное превращение Гижицкого и Кочубея в украинцев было просто маскарадом). Учитывая авантюристическую натуру лидера партии и его дальнейшую судьбу, включая арест за шпионаж, работу на англичан и немцев и переход в сепаратистский лагерь, можно предположить, что проект поддержки «правильных», «пророссийских» украинцев в противовес «неправильным» ни к каким позитивным результатам для врангелевских властей все равно бы не привел.

Литература

1. Любовець О. М. Українські партії революційної доби 1917–1920 рр.: Нариси історії та програмні документи. Київ: Парламенське видавництво, 2012. 612 с.
2. Старовойтенко І. Листи Федора Шульги до Євгена Чикаленка // Пам'ятки: археографічний щорічник. Київ, 2012. Т. 13. С. 139–166.
3. Чемакин А. А. «Деникин относится к нам определенно отрицательно, считая нас слишком правыми...»: Всероссийский национальный союз в 1917–1920 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 105–113. <https://doi.org/10.17223/19988613/79/13>
4. Чередниченко Д. Павло Чубинський. Київ: Альтернативи, 2005. 376 с.

References

1. Lyubovets O. M. Ukraïns'ki partii revoliutsiinoï dobi 1917–1920 pp.: Narisi istoriï ta programni dokumenti [Ukrainian parties of the revolutionary era 1917–1920: Essays on history and program documents. Kiiiv: Parlamens'ke vidavnitstvo, 2012. 612 p. (In Ukr.).
2. Starovoitenko I. Listi Fedora Shul'gi do Evgena Chikalenka [Letters from Fedor Shulga to Yevhen Chykalenko] // Pam'iutki: arkheografichnii shchorichnik [Ukrainian Archeographic Year-Book]. Kyiv, 2012. Vol. 13. P. 139–166. (In Ukr.).
3. Chemakin A. A. «Denikin otnositsia k nam opredelenno otritsatel'no, schitaia nas slishkom pravymi...»: Vserossiiskii natsionalnyi soiuz v 1917–1920 gg. [“Denikin views us certainly negatively having us done as a too much right-wing...”: All-Russian National Union in 1917–1920] // Tomsk State University Journal of History. 2022. № 79. P. 105–113. <https://doi.org/10.17223/19988613/79/13> (In Russ.).
4. Cherednichenko D. Pavlo Chubins'kii [Pavel Chubinsky]. Kiev: Al'ternativi, 2005. 376 p. (In Ukr.).

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-167-177

Смирнова Юлия Валерьевна

кандидат исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

smirnovayuv@mgpu.ru; ORCID: 0000-0001-5314-6626

Бусаров Иван Владимирович

аспирант

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

busarovivan@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8692-8931

**«150 ШКОЛЬНЫХ ЗДАНИЙ ДЛЯ СТОЛИЦЫ»:
НЕПОБИТЫЙ РЕКОРД 1936 г.**

Аннотация. В работе предпринята попытка систематизации разрозненных источников о реализации распоряжений советского правительства, МГК ВКП (б) и Моссовета по закладке и сооружении школ города Москвы в 1936 г. В указанный год был поставлен рекорд в области школьного строительства столицы по возведению 152 зданий, некоторая часть из которых эксплуатируется до сих пор. Рекорд строительства не побит по сей день. На основе официальных печатных органов, документов МК и МГК ВКП (б), Мособлисполкома, Моссовета и МОСПС, МОНО, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Центральном государственном архиве города Москвы (ЦГА г. Москвы), материалов местной печати, воспоминаний современников авторы выявляют характер и темпы строительства школьных зданий, место и роль в этом процессе московской власти и общества, показывают основные итоги и результаты массового школьного строительства.

Ключевые слова: реконструкция Москвы, московское образование, периодические печатные издания как исторический источник, школы-новостройки, школьное строительство, стахановское движение, история Москвы.

Для цитирования: Смирнова Ю. В., Бусаров И. В. «150 школьных зданий для столицы»: непобитый рекорд 1936 г. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 167–177. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-167-177>

Original article

UDC 93/94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-167-177

Smirnova Yulia V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

smirnovayuv@mgpu.ru; ORCID: 0000-0001-5314-6626

Busarov Ivan V.

Postgraduate Student

Moscow City University

Moscow, Russia

busarovivan@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8692-8931

**“150 SCHOOL BUILDINGS FOR THE CAPITAL”:
AN UNBEATEN RECORD IN 1936**

Abstract. The paper attempts to collect a temporary systematization of disparate sources on the implementation of orders from the Soviet government, the Moscow State Committee of the VKP (b) and the Moscow City Council for the laying and construction of schools in Moscow in 1936. In that year, a record was set in the field of school construction in the capital for the construction of 152 buildings, some of which are still in operation. The construction record has not been beaten to this day. Based on official publications, documents of the MK and MGK of the VKP (b), the Moscow City Executive Committee, the Moscow City Council and the Moscow City Council, MONO, stored in the State Archive of the Russian Federation (GARF) and the Central State Archive of the City of Moscow (CGA of Moscow), local press materials, memoirs of contemporaries, the authors identify the nature and pace of construction of school buildings, The place and role of the Moscow government and society in this process are shown by the main results and results of mass school construction.

Keywords: reconstruction of Moscow, Moscow education, periodicals as a historical source, new-build schools, school construction, the Stakhanov movement, the history of Moscow.

For citation: Smirnova Yu. V., Busarov I. V. “150 school buildings for the capital”: an unbeaten record in 1936 // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 2 (58). P. 167–177. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-167-177>

Введение. Современная градостроительная политика Москвы предполагает увеличение объемов строительства объектов образования города, увеличение количества мест в школах и детских садах. Связано это в первую очередь с большим приростом населения. Перед городской властью встает вопрос о расширении социальной инфраструктуры. Важно отметить, что с подобными процессами столица и правительство Москвы сталкиваются не в первый раз.

Известно, что рост населения столицы в XX в. начался сразу после 1918 г. (когда Москва вновь обрела статус главного города России) и особенно в 1920-е гг. Прирост городского населения, связанный с проведением политики индустриализации, требовал новой инфраструктуры: началось создание проекта первой очереди метрополитена и запуск первых троллейбусных линий, строительство канала Москва – Волга для увеличения водных ресурсов и т. д. Назревшей проблемой города была и школьная: в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в советских и, в частности, в московских школах учились в три смены. В 1935 г. принимается генеральный план реконструкции столицы, который предусматривал ввод в строй в ближайшие три года 390 школьных зданий.

В этой связи авторы статьи предметом своего исследования сделали характер и темпы строительства школьных зданий, место и роль в этом процессе московской власти и общества, а также основные итоги и результаты строительства школьных зданий столицы в первый — 1936-й — год реализации плана реконструкции столицы. В целом тема школьного строительства в Москве в первой половине XX в. является малоизученной. Тем не менее и она имеет свою историографию. Первыми попытались проследить, как образовательные реформы с 1930-х по 1952 г. повлияли на внешний и внутренний вид школьных зданий П. Ф. Алешин, А. И. Маринченко, В. В. Колесников¹. Значительной работой можно назвать книгу московеда А. В. Рогачева «В московских мы учились школах», где исследуется как внешний вид зданий и история их строительства, так и влияние на них других всевозможных факторов (образовательные реформы, официальная критика и пр.)². В монографии Ю. К. Калистратова затронута проблема участия рабочих в деле развития народного образования, в том числе и в Москве³. В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится проект неопубликованной статьи архитектора И. П. Машкова «Школьное строительство в Москве»⁴, которая охватывает период с 1935 по 1940 г. Однако перечисленные выше работы не исчерпывают заявленной для исследования темы.

Ход и результат исследования. Для истории школьного образования Москвы 1936 г. является знаковым. Именно в этом году началась ликвидация педологии. В марте этого же года был объявлен конкурс на лучший учебник по истории для начальной школы. В 1936 г. в столице открывается первый городской Дом пионеров и октябрят. Меняется подход к образованию: оно становится частью общедоступных благ и в новой, сталинской конституции этого же года закрепляется право на его свободное получение. Руководство

¹ Алешин П. Ф., Маринченко А. И., Колесников В. В. Архитектура школьных зданий. Киев, 1952.

² Рогачев А. В. В московских мы учились школах. Новые сорок сороков. М., 2001.

³ Калистратов Ю. К. Рабочий класс и советская культура в 20–30-е годы. Н. Новгород, 1997.

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1981. Оп. 1. Ед. хр. 262. Л. 1–39.

страны поставило задачу обучить всех неграмотных в возрасте до 50 лет в течение 1936–1937 гг. Еще одной амбициозной задачей становится ликвидация трехсменного, а впоследствии и двухсменного обучения. Очевидно, что для решения таких задач были необходимы большие усилия, в том числе по созданию необходимой школьной инфраструктуры. Президиумом Моссовета был объявлен конкурс на лучший проект школьного здания⁵.

Школы в Москве строили и ранее. Генеральный план развития города предполагал строительство 72 школ в 1935 г.⁶ СНК и ЦК ВКП (б) отметили полное выполнение плана школьного строительства в 1935 г., хотя и отразили в своем постановлении недочеты: «превышение плановой стоимости школьного строительства в большинстве городов и слабое руководство строительством школ со стороны органов народного образования»⁷. Данные замечания подтверждаются протоколами заседаний с директорами школ-новостроек Москвы 1935 г.⁸ Отмечаются недоделки, а также непродуманность утвержденных проектов зданий.

Новое постановление МГК ВКП (б) о строительстве в Москве одновременно 150 школьных зданий бросает вызов архитектурному сообществу города. Очевидно, что кампания по такому масштабному строительству предполагалась ранее начала календарного года. К плану на грядущий год усердно готовились. В Государственном архиве Российской Федерации сохранились протоколы заседаний Наркомпроса совместно с отделом проектирования Моссовета по утверждению строительства школ в 1936 г., проведенные в ноябре 1935 г.⁹ Результатом работы стал выбор наиболее удачных с точки зрения проектирования и дешевизны проектов школьных зданий. Здесь же утверждались участки для будущего строительства, обсуждались возможные проблемы при постройке (например, участок на месте выгребной ямы, стройка в низине, участок неправильной формы и т. д.). Проблема городской застройки с ее непрямыми, подчас узкими дворовыми пространствами для размещения школьных зданий никуда не делась. Таким образом, получили дальнейшее распространение весьма спорные в смысле планирования проекты школ архитекторов А. И. Капулана и Я. Б. Горфайна, А. А. Кеслера, К. Ф. Арбузова и В. Н. Катуклова, И. А. Кириллова и пр.

Предельный объем здания вырос на 500 кубометров. Архитекторы заново пересмотрели свои проекты: количество лестниц (и вестибюлей для них) было сокращено с трех до двух и, следовательно, увеличилась площадь других

⁵ *Рогачев А. В.* Москва. Великие стройки социализма. М., 2014. С. 85.

⁶ Строительство 72 школ // Строительство Москвы. 1935. № 4. С. 38.

⁷ Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП (б) от 1 апреля 1936 г. «О школьном строительстве в 1936 г.» // Исторические Материалы: сайт. URL: <https://istmat.org/node/44440> (дата обращения: 05.12.2024).

⁸ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА г. Москвы). Ф. 528. Оп. 1. Д. 242. Л. 1–118.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А2306. Оп. 70. Д. 6799. Л. 2–19.

помещений¹⁰. Основными отличиями в целом стали расширение коридоров-рекреаций (3,5–4 м против 2,5 м по нормативам 1935 г.), наличие двух входов в вестибюль, появление лаборантских, кабинета для медицинского персонала.

При этом актовый и спортивный залы по-прежнему отсутствовали в общеобязательных требованиях. И это несмотря на то что 8 октября 1935 г. в Москве проводились совещания учителей физкультуры из школ-новостроек, которые все как один жаловались на невозможность выполнения плана программы по физкультуре («занятия приходится проводить в коридорах, до тех пор, пока нас оттуда не выгоняют другие учителя, ведущие в этот момент уроки в своих кабинетах»; «качественные занятия проводим только на улице в теплое время года»¹¹ и пр.).

Фактически строительство школ, запланированное на 1936 г., началось в конце 1935 г., поскольку перед строителями стояла задача успеть к началу нового учебного года — 1 сентября. Уже 3 января «Вечерняя Москва» сообщает: «Школа в Сверчковом переулке сейчас имеет 25 процентов готовности. Готовы два этажа. Даже в передовом по школьному строительству Бауманском районе она занимает одно из первых мест»¹². На следующий день газета пишет: «Борьба за выполнение плана школьного строительства становится всё напряженнее. К 15 августа 1936 года передать все 150 зданий директорам школ — такова боевая задача, поставленная МГК ВКП (б) и Моссоветом перед строителями». В этом же номере затрагивались и проблемы школьного строительства: «...В резком отставании от графика в значительной степени повинны и сами районные советы. В этом отношении показателен Краснопресненский район, где до сих пор строительство школ развернуто слабо»¹³.

Проблему освещали и другие периодические издания. Так, статья В. А. Дедюхина «150 школ» была опубликована на первой полосе журнала «Строительство Москвы». Автор пишет: «Московский комитет партии и Московский совет дали указания заложить фундаменты всех 150 школ строительства 1936 года осенью и в течение зимы вывести здания вчерне». В статье сообщалось, что «для строительства 150 новых школ использовано 17 лучших проектов строительства 1935 года, переработанных в сторону улучшения внутренней планировки, уменьшения погоняжа лестничных клеток, улучшения графиков движения, расширения площади, занятой под раздевальные, вестибюли, уборные, буфеты. При этом все сделано не за счет новой кубатуры, а за счет более вдумчивого, рационального решения внутренней планировки школы. Общая кубатура школы в 1936 году утверждена в 15 084 м³»¹⁴.

Строительство школ в таких объемах привело к росту стандартизации. «Предложение Президиума Моссовета о стандартизировании деталей школьных зданий

¹⁰ Рогачев А. В. Москва. Великие стройки социализма. С. 87.

¹¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 528. Оп. 1. Д. 256. Л. 11.

¹² Леонидов Л. Стахановская школа на лесах. Опыт одной стройки // Вечерняя Москва. 1936. 3 января. № 2. С. 2.

¹³ Забытая графа. На стройке школ // Вечерняя Москва. 1936. 4 января. № 4. С. 2.

¹⁴ Дедюхин В. А. 150 школ // Строительство Москвы. 1936. № 1. С. 4.

было архитекторами встречено на первых шагах если не в штыки, то без особого энтузиазма. Однако первые же стандарты на столярные изделия и перекрытия сыграли значительную роль. В строительстве 1936 года стандарт завоевывает себе почетное место», — писал В. А. Дедюхин¹⁵.

Успехи не заставили себя долго ждать. Например, 26 января школа в Выставочном переулке имеет уже 36 процентов готовности¹⁶. В газете сообщается, что данную стройку посетил А. С. Бубнов. Начальник строительства Яковлев дал обещание наркому сдать здание на один месяц раньше срока. Уже 3 февраля он отрапортовал, что кладка здания заканчивается и планируется покрыть его крышей¹⁷. Яковлев сдержал свое слово, и школа в Выставочном переулке была сдана на полтора месяца ранее заявленного срока. Она станет первой школой города, построенной в рамках программы «150 школ 1936 года»¹⁸.

В конце января в клубе им. Дзержинского состоялась встреча строителей и представителей Московского союза советских архитекторов. Сообщая о ней, «Вечерняя Москва» указывает, что за невозможностью архитекторов следить за всеми возводимыми по их проектам школьными стройками, архитектор Д. Ф. Фридман «подыскал себе 6 помощников, которые от имени автора и под его руководством осуществляют архитектурный надзор»¹⁹. Были в статье и критические замечания. Например, указывалось, что многие проекты школ были составлены без учета их работы в зимний период: «Не предусмотрена, например, замена железобетонных карнизов и колонн, требующих устройства специальных тепляков, и ряд других деталей»²⁰. Тем не менее 15 марта «Вечерняя Москва» сообщила, что «123 000 учащихся начнут 1 сентября занятия в 150 новых московских школах»²¹.

В апреле 1936 г. «Вечерняя Москва» опубликовала «Письмо магнитогорца». Некто П. Рождественский, работник Магнитогорского завода, проводя свой отпуск в Москве, заинтересовался новыми школами. В результате им в редакцию газеты была прислана статья, где он предлагает возле школьно-новостроек 1936 г. разместить детские дворы. Им также высказано предложение о переустройстве лестниц: «Во всех школах лестничные клетки выходят в коридор. Волна ребят, хлынувшая из класса одеваться или приходящая с лестниц в классы, как бы вталкивается в коридор. В Ленинграде, в школе на Улице ткачей, лестничные клетки примыкают не к коридору, а к широкой площадке,

¹⁵ Дедюхин В. А. Указ. соч. С. 4.

¹⁶ Лучшая из 150. Школа в Выставочном переулке // Вечерняя Москва. 1936. 26 января. № 20. С. 2.

¹⁷ Леонидов Л. Стахановская поправка. На стройке школы в Выставочном // Вечерняя Москва. 1936. 3 февраля. № 27. С. 2.

¹⁸ Леонидов Л. 80 новых школ. Школьное строительство в 1937 году // Вечерняя Москва. 1936. 25 сентября. № 221. С. 2.

¹⁹ Архитектор и строитель. Встреча в клубе им. Дзержинского // Вечерняя Москва. 1936. 28 января. № 22. С. 2.

²⁰ Там же.

²¹ Вечерняя Москва. 1936. 15 марта. № 61. С. 2.

так сказать, к аванзалу. Эту поправку надо бы внести в проекты московских школ»²².

Интересно, что к участию в предложении проектов будущих школ приглашались даже иностранные архитекторы. Так, во дворе дома 17 по Большой Садовой улице была выстроена школа по проекту немецкого архитектора В. И. Шютте. К сожалению, задуманные архитектором украшения из-за дефицита стройматериалов не были реализованы, из-за чего школа превратилась в довольно мрачное строение²³.

За школами для курирования и помощи в постройке закрепили крупнейшие производства города. Вскоре в государственные органы было направлено письмо каменщика-стахановца И. Широкова, а впоследствии в мае 1936 г. бюро МГК ВКП (б) было принято решение о создании стахановского движения на школьных стройках и организации социалистического соревнования. Сам инициатор письма И. Широков работал на шести столичных стройках новых школ и выполнял норму на 180 %²⁴.

Главной проблемой школьного строительства стала нехватка материалов для новых зданий. В Государственном архиве Российской Федерации хранятся распоряжения о выделении и отпуске дополнительных стройматериалов на школьное строительство в Москве (например, столице не хватало 2 000 тонн сортового железа, 850 тонн газовых труб, 10 200 тонн цемента, 350 тонн гвоздей и т. д.). При этом часть поставок содержала брак²⁵. Ввиду отсутствия необходимых материалов и стремления упростить строительство и сэкономить выделенные средства 15 школ решили возвести путем блочного строительства. Для этого школьный проект был переработан архитектором А. Н. Душкиным. Однако в связи с тем, что трест крупных блоков не справлялся с заказами, было решено в качестве основного строительного материала вновь использовать кирпич²⁶.

Внимание городской власти к школьному строительству в 1936 г., пожалуй, было максимальным за всю историю строительства школ в Москве. «Школы должны быть готовы к 10 августа! Это обязательство мы дали нашему Сталину и тов. Молотову, и оно должно быть выполнено...» (из речи Н. А. Булганина на городском собрании рабочих-строителей)²⁷. Тем не менее 10 июня 1936 г. «Вечерняя Москва» приводит следующие цифры: «Из 152 школ, строящихся нынче в Москве, 40–55 школ ещё не завершили каменной кладки. В оставшиеся 5 дней райсоветы, общемосковские и районные строительные тресты обязаны преодолеть это позорное отставание и 15 июня с честью доложить общегородскому собранию строителей о полном выполнении задания МГК ВКП (б)

²² Письмо магнитогорца // Вечерняя Москва. 1936. 8 апреля. №81. С. 2.

²³ *Рогачев А. В.* Москва. Великие стройки социализма. С. 91.

²⁴ Рабочая Москва. 1936. 26 июня.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 18. Д. 2359. Л. 3.

²⁶ Москва на стройке. Строительство школ // Строительство Москвы. 1936. № 10. С. 30.

²⁷ На новый график. Собрание строителей школ // Вечерняя Москва. 1936. 16 июня. № 137. С. 2.

и Моссовета — подведении всех 150 школьных зданий под крышу»²⁸. Однако «Вечерняя Москва» сообщала, что к концу июня, за исключением Ленинского, все районы города отстают от графика: «строительство школ столицы выполнено на 52 проц., а осталось всего 42 дня!»²⁹.

Заметки о совещаниях МГК, посвященные темпам строительства школ, постоянно появлялись в прессе. Особенно много их стало в горячую пору — летом 1936 г.³⁰ Так, 15 июля на первой полосе «Вечерней Москвы» в рубрике «Вчера на президиуме Моссовета» сообщалось о 44 отстающих от графика школьных стройках города: «Многие строители школ и даже некоторые председатели райсоветов, выступив в прениях, пытались оправдать свою плохую работу недостатком штукатуров. В Москве существует машинно-штукатурная контора. Она располагает большим количеством механизмов и могла бы многое сделать, заменив ручной труд штукатуров. Но контора работает плохо. Выяснился безобразный факт — игнорирование этой конторой методов штукатур-стахановца т. Рети»³¹. Еще одна публикация газеты под названием «Богатырев невозмутим» сообщала о неудовлетворительной работе управляющего районным трестом Богатырева. Три школы, расположенные на его участке, были признаны одними из самых отстающих по строительству в городе³². По данным газеты, «на 5 августа план строительства всех 150 школ выполнен на 77,4 проц. Вместо 95,7. Темпы строительства за последнюю пятидневку несколько снизились. Если за прошедшую пятидневку прирост готовности всех 150 школ был равен 3,47 проц., то за эту пятидневку он снизился до 2,5 проц. 50 школ имеют готовность от 50 до 70 проц.»³³. Кроме Фрунзенского треста, в отстающих числились также Свердловский и Бауманский.

К 13 августа ситуация заметно улучшилась, «Вечерняя Москва» сообщила уже о 80,1 % готовности школьных зданий.

Накануне 1 сентября школам начали уделять особое внимание: «До начала нового учебного года осталось пять дней. На каждой стройке можно уже встретить группы ребят, которые, обходя этажи и классы, торопят строителей», — писала «Вечерняя Москва». Цифры на этот период были таковы: «К 25 августа на 28 стройках полностью закончены все работы. 5 школ находятся в стадии приемки. В ближайшие дни будут представлены к сдаче ещё несколько

²⁸ Собрание строителей школ // Вечерняя Москва. 1936. 10 июня. № 132. С. 2.

²⁹ На стройке школ // Вечерняя Москва. 1936. 27 июня. № 146. С. 1.

³⁰ Напр.: Савельев А. На лесах школьных строек // Вечерняя Москва. 1936. 14 июня. № 135. С. 2; На новый график. Собрание строителей школ // Вечерняя Москва. 1936. 16 июня. № 137. С. 2; На стройке школ // Вечерняя Москва. 1936. 17 июня. № 138. С. 1; На стройке школ // Вечерняя Москва. 1936. 1 июля. № 149. С. 2; На стройке школ. Полтора-два процента в день! // Вечерняя Москва. 1936. 13 августа. № 185. С. 2.

³¹ Вчера на президиуме Моссовета // Вечерняя Москва. 1936. 15 июля. № 161. С. 1.

³² На стройке школ. Богатырев невозмутим // Вечерняя Москва. 1936. 7 августа. № 180. С. 2.

³³ Там же.

десятков школ»³⁴. 27 августа «Вечерняя Москва» опубликовала заметку оператора машинно-штукатурной станции А. Г. Антоновой. Ее автор пишет: «На строительстве школы по Б. Каретному пер. я за день оштукатурила 8 375 квадратных метров при норме 1 800 кв. метров». Однако вскоре, как пишет А. Г. Антонова, «наш рекорд побили оператор Слободенюк и моторист Федотов. В этот день они выполнили 8 500 кв. метров штукатурки»³⁵.

На стройках систематически внедрялись рационализаторские предложения для упрощения строительства. Так, в «Вечерней Москве» сообщается о кровельщике-стахановце Демине, «работающем на стройке школы в Гороховском переулке». Он изобрел «станок для загибания гребней кровельного железа». В заметке утверждается, что, «пользуясь этим станком, даже малоквалифицированный рабочий дает 800 проц. нормы»³⁶.

Однако ускоренное строительство имело и свои недостатки. Нередки были случаи недоделок, внешний вид школьных зданий после «стахановских методов» строительства часто оставлял желать лучшего. Из-за спешки большую часть школ постройки 1935–1936 гг. не штукатурили. Из-за нехватки материалов, здания долго не могли войти в строй. Начальник стройки Егоров договорился с архитектором школы на Озерковской набережной о применении силикатного кирпича. Не поинтересовавшись, с каким рисунком необходимо было класть кирпич, строители выстроили «грязно-пятнистую школу», где красный и серый кирпичи не образовывали на стенах необходимого эффекта³⁷.

В Центральном архиве города Москвы сохранилась стенограмма совещаний директоров школ-новостроек о работе школ за 1936 г.³⁸ Помимо директоров вступивших в строй школ, на совещании были и директора, только принимавшие свои школы. В стенограмме отражены основные проблемы, с которыми они столкнулись. Например, «были тенденции передать в новостройки худшие классы, худших преподавателей. Но мы в самом начале руководствовались теми указаниями, которые по этому поводу имеются, которые говорят о том, что в новостройку нужно дать лучшее, что у нас есть, имея в виду, что в новостройке придется начать дело сначала, тем более что там люди новые». На этом совещании участники, мягко говоря, не стеснялись в выражениях. В стенограмме отражены оскорбления руководителей строительных объединений, бригад, которые не успевали уложиться в поставленные сроки. В основном же разговор шел о комплектации школ необходимым оборудованием. Один из директоров школ сообщал, что новые парты, полученные еще до окончания строительства, он разместил в сарае, снятом за собственные деньги. На совещании директора жаловались на качество строительства: «завозят очень

³⁴ На стройке школ. Решающие дни // Вечерняя Москва. 1936. 26 августа. № 196. С. 1.

³⁵ Рекорд будет за нами // Вечерняя Москва. 1936. 27 августа. № 197. С. 2.

³⁶ Накануне годовщины стахановского движения // Вечерняя Москва. 1936. 19 августа. № 190. С. 2.

³⁷ Альтишуллер В. Школы должны быть красивыми // Московский строитель. 1936. № 16. С. 4.

³⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 528. Оп. 1. Д. 378. Л. 1–49.

плохие материалы», «строители работают медленно» и т. п. Депутат Моссовета Остроумова заявила: «Надо сделать так, чтобы население шло в новостройки с охотой, чтобы мы не слышали в Москве ни одного голоса, что школы строятся, мы одобряем решение партии и правительства, но моему Ванюшке стало хуже. Мы должны сделать так, чтобы каждому Ванюшке стало лучше»³⁹.

Несмотря на все трудности, 26 октября 1936 г. «Вечерняя Москва» констатировала: «По заданию партии в 1936 году в Москве строились 150 школ и в городах Московской области 79. Программа школьного строительства выполнена полностью»⁴⁰. В ноябре 1936 г. газета уточнила, что «кроме 150 школ, в этом году столица получит еще 2 школы. Они строятся по особым проектам. Одна — на Погодинской улице, другая — на Тихвинской. На Погодинской уже ведутся отделочные работы, на Тихвинской — заканчивается кладка здания»⁴¹. Всего же к началу 1937 г. в Москве насчитывалось почти 600 школ, из которых около половины было построено в последние два года⁴². На следующий, 1937 г. в Москве было запланировано строительство еще 80 школ⁴³. Однако построено было всего 73 школы. Из них больше всего по проекту известного архитектора К. И. Джуса-Даниленко⁴⁴.

В 1936 г. проект архитектора Фридмана будет повторен 14 раз, архитектора Каплуна — 13, Антонова — 8, Душкина — 9, Парусникова — 8, Глазова — 8, Джуса-Даниленко — 12, Машинского — 10, Каплуна и Горфайна — 13, Калинина и Вольфензона — 5, Крутикова — 6 раз, архитектора Кеслера — 7 раз⁴⁵.

Заключение. Несмотря на определенные издержки «стахановского» строительства и его рекордные темпы, многие из перечисленных зданий используются по своему назначению до сих пор. Например, Гуманитарно-правовой колледж Московского городского педагогического университета находится в здании постройки 1936 г. (архитектор — К. И. Джус-Даниленко; Москва, 2-й Тульский переулок, 4); здание школы № 1570 (проект архитекторов В. В. Калинина и В. Б. Вольфензона) по адресу 5-я улица Ямского Поля, д. 28 и др. Этот факт сам по себе свидетельствует о правильности выбора архитекторами проектных решений, остающихся актуальными по сей день.

Московские школы 1936 г. — это историческое и архитектурное наследие города и страны. Именно в 1936 г. началось массовое типовое строительство, благодаря которому наступила эпоха тотальной стандартизации и унификации в архитектуре. Построенные здания отражают не только архитектурные,

³⁹ ЦГА г. Москвы. Ф. 528. Оп. 1. Д. 378. Л. 22.

⁴⁰ Давыдов И. Штукатурит машина // Вечерняя Москва. 1936. 26 октября. № 247. С. 2.

⁴¹ Школы // Вечерняя Москва. 1936. 4 ноября. № 255. С. 2.

⁴² Леонидов Л. 80 новых школ. Школьное строительство в 1937 году // Вечерняя Москва. 1936. 25 сентября. № 221. С. 2.

⁴³ Москва на стройке. Школы 1937 года // Строительство Москвы. 1936. С. 30.

⁴⁴ Альтишллер В. Школы строительства 1937 года // Строительство Москвы. 1937. № 4. С. 3.

⁴⁵ Рогачев А. В. Москва. Великие стройки социализма. С. 87.

материальные и другие решения времени (начало стандартизации в архитектуре, решение проблемы с недостатком материалов, ускоренный рабочий график и т. д.), но и идеологические устремления Советского Союза, направленные на создание доступного и качественного образования для всех слоев населения. И активное участие в решении этой сверхзадачи общества и столичной власти позволило в целом выполнить план 1936 г. и установить тот непобитый до сих пор рекорд.

Литература

1. Алешин П. Ф., Маринченко А. И., Колесников В. В. Архитектура школьных зданий / Акад. архитектуры Укр. ССР. Ин-т архитектуры сооружений. Киев: Изд-во Акад. архитектуры Укр. ССР, 1952. 100 с.
2. Калистратов Ю. К. Рабочий класс и советская культура в 20–30-е годы. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. 209 с.
3. Рогачев А. В. В московских мы учились школах... Новые сорок сороков. М.: МИРОС, 2001. 192 с.
4. Рогачев А. В. Москва. Великие стройки социализма. М.: Центрполиграф, 2014. 480 с.

References

1. Aleshin P. F., Marinchenco A. I., Kolesnikov V. V. Arkhitektura shkol'nykh zdaniy [Architecture of school buildings] / Academy of Architecture of the Ukrainian SSR. Institute of Building Architecture. Kiev: Publishing House of the Academy of Architecture of the Ukrainian SSR, 1952. 100 p. (In Russ.).
2. Kalistratov Yu. K. Rabochii klass i sovetskaia kul'tura v 20–30-e gody [The working class and Soviet culture in the 20–30s]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 1997. 207 p. (In Russ.).
3. Rogachev A. V. V moskovskikh my uchilis' shkolakh... Novye sorok sorokov [We studied in Moscow schools... The new forty magpies]. Moscow: MIROS, 2001. 192 p. (In Russ.).
4. Rogachev A. V. Moskva. Velikie stroiki sotsializma [Moscow. The great buildings of socialism]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2014. 480 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 327

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-178-191

Ахмедов Агиль Пирмурадович

кандидат исторических наук, доцент

Институт истории и этнологии им. А. А. Бакиханова

Национальной академии наук Азербайджана

Баку, Азербайджан

agilahma@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9212-5147

ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКО-ТАДЖИКСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Азербайджанская Республика и Республика Таджикистан, расширившие экономические и торговые отношения, сотрудничество на пространстве СНГ и в рамках международных организаций, за период, прошедший после восстановления государственной независимости, развили политические и дипломатические отношения. Укрепление политического диалога между республиками на протяжении многих лет, несомненно, также поднимает такие естественные и деликатные вопросы, как миграция. Политические отношения не препятствуют развитию миграционных отношений, хотя серьезных проблем с миграцией между сторонами не возникает. Миграция — одна из областей сотрудничества, которая меняется и неоднозначно воспринимается на Кавказе и в Центральной Азии, как и во всех регионах. Основываясь на исторической дружбе и культурных связях, Азербайджан и Таджикистан давно знакомы с миграционными процессами, но в Новейшее время вопросы миграции повысили актуальность на региональном и международном уровнях. В научно-исследовательской работе было показано, что миграция играет важную роль в развивающихся политических отношениях между Азербайджаном и Таджикистаном и является приоритетом для сотрудничества. По этой причине анализ, проведенный в статье, дает основания полагать, что изучение миграционных связей обеих стран сохраняет актуальность и в наше время.

Ключевые слова: Азербайджан, Таджикистан, миграция, сотрудничество, внешняя политика, социально-экономическое развитие.

Для цитирования: Ахмедов А. П. Вопросы миграции в азербайджанско-таджикских политических отношениях // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 178–191. <https://doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-178-191>

Original article

UDC 327

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-178-191

Ahmadov Agil P.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Institute of History and Ethnology named after A. A. Bakikhanov
Azerbaijan National Academy of Sciences
Baku, Azerbaijan
agilahma@gmail.com; ORCID: 0000-0002-9212-5147

MIGRATION ISSUES IN AZERBAIJAN-TAJIK POLITICAL RELATIONS

Abstract. The Azerbaijan and Tajik republics, which have expanded their economic and trade relations, cooperation in the CIS and within the framework of international organizations, have developed diplomatic and political relations since the restoration of state independence. The strengthening of the political dialogue between the republics over the years has undoubtedly also raised such natural and sensitive issues as migration. Political relations do not hinder the development of migration relations, although there are no serious problems with migration between the parties. Migration is one of the areas of cooperation that is changing and is perceived ambiguously in the Caucasus and Central Asia, as in all regions. Based on historical friendship and cultural ties, Azerbaijan and Tajikistan have long been familiar with migration processes, but in the modern era, migration issues have increased their relevance at the regional and international levels. The research work showed that migration plays an important role in the developing political relations between Azerbaijan and Tajikistan and is a priority for cooperation. For this reason, the analysis conducted throughout the article gives reason to believe that the study of migration relations between both countries sounds relevant in our time.

Keywords: Azerbaijan, Tajikistan, migration, cooperation, foreign policy, socio-economic development.

For citation: Ahmadov A. P. Migration issues in Azerbaijan-Tajik political relations // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 2 (58). P. 178–191. <https://doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-178-191>

Введение. История азербайджанско-таджикских отношений восходит к периоду существования в древние и Средние века Великого шелкового пути, протянувшегося из Китая в Центральную и Переднюю Азию. Торговые пути, охватывавшие важные регионы мира, проходили от Кавказа через Азербайджан, через Таджикистан, известный своей древней историей и культурой. Таким образом государства Южного

Кавказа и Центральной Азии — Азербайджан и Таджикистан — как создатели общей культуры уже давно установили исторические связи друг с другом и продолжают расширять торгово-политические отношения в современном мире.

В Новейшее время международные транспортные коридоры, которые обсуждаются или уже существуют в Центральной Азии, имеют большое значение для стран региона. Подавляющее большинство маршрутов проходит через центральноазиатские страны¹. Современные транспортные коридоры как логическое продолжение исторического Шелкового пути оказывают важное влияние на развитие экономико-политических и миграционных связей между государствами региона.

В возникновении экономических и политических отношений, а также миграционных связей между двумя государствами не менее важную роль, чем исторический Шелковый путь, сыграли литературные контакты. В Азербайджане получили известность произведения таких выдающихся деятелей таджикско-персидской литературы, как Абу Абдулла Рудаки, Саади Ширази, Абулькасим Фирдоуси, Омар Хайям, Хафиз Ширази, Абдуррахман Джами. В свою очередь, в Таджикистане широко распространены внесшие большой вклад в мировое культурное наследие произведения Мухаммеда Физули, Низами Гянджеви, Хагани Ширвани и других поэтов и мыслителей Азербайджана. Как видно, торговые, научно-литературные и культурные ценности, сближающие народы, имеют серьезное значение с точки зрения оценки чувствительных миграционных вопросов в азербайджанско-таджикских политических отношениях в XXI в. В связи с этим исследование исторических корней межгосударственных отношений открывает научную дискуссию по изучению миграционного фактора в современных политических связях и показывает, что тема звучит актуально для азербайджанской историографии.

Контакты между двумя странами продолжались и в период 70-летней советской истории азербайджанского и таджикского народов. Азербайджанец Мирза Давуд Гусейнов в 1930–1933 гг. был первым секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Таджикистана. В советский период азербайджанско-таджикские связи охватывали в основном образовательную, научно-литературную, техническую и культурную сферы. Ученые Академии наук Азербайджана и Таджикистана имели возможность встречаться и обмениваться мнениями на конференциях и мероприятиях, проводимых в СССР. В августе 1990 г. Азербайджан посетила делегация во главе с первым заместителем Совета министров Таджикской ССР Т. Н. Назаровым, целью которой была подготовка соглашения об экономическом, научно-техническом, культурном сотрудничестве на 1991 г.²

¹ Жильцов С. С. Роль транспортных коридоров в развитии Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 3. С. 189.

² Ələkbərli Ə. B. Azərbaycanın Mərkəzi Asiya ölkələri ilə elmi əlaqələri (1920–1991). Bakı, 2023. S. 272.

Распад СССР привел к образованию независимых государств в регионах Кавказа и Центральной Азии. Сложившаяся ситуация сыграла решающую роль в восстановлении суверенитетов азербайджанского и таджикского народов. Независимые политико-дипломатические отношения между обоими государствами были установлены 29 мая 1992 г.³ В республиках, вышедших из состава СССР, заметно активизировались миграционные процессы. В те годы по разным причинам, особенно под негативным влиянием регрессирующих социально-экономических факторов, люди были вынуждены уезжать за пределы своей родины, т. е. эмигрировать.

Азербайджан открыл свое посольство в Таджикистане в 2007 г., а Таджикистан открыл свое дипломатическое представительство в Азербайджане год спустя, в 2008 г. С этого момента азербайджанско-таджикские политические отношения перешли на новый этап в плане сотрудничества; начали развиваться и углубляться дипломатические отношения. Возникновение и укрепление политических отношений с годами постепенно оказало положительное влияние на развитие азербайджанско-таджикских миграционных связей.

Следует отметить, что как в первые годы государственной независимости Азербайджана и Таджикистана, так и в последующий период случаев массовой эмиграции (выезда из страны) и иммиграции (въезда в страну) в отношениях между этими странами не наблюдалось. Несмотря на это, в настоящее время в Таджикистане проживает около четырех тысяч представителей азербайджанской диаспоры. Подавляющее большинство из них были отправлены в Таджикистан и другие республики Центральной Азии в 20–30-е гг. XX в. как жертвы сталинских репрессий, другая часть — для ликвидации неграмотности.

В течение коротких пяти лет, прошедших после 44-дневной Отечественной войны 2020 г., Азербайджанская Республика, формируя атмосферу мира и сотрудничества на Южном Кавказе, добилась динамичного сотрудничества в политической, экономической, культурной сферах со странами Центральной Азии, в том числе и со стремительно развивающейся Республикой Таджикистан. Интерес обоих государств друг к другу оказывает значительное влияние на развитие их сотрудничества и политических отношений. По мере развития политического сотрудничества, наряду с различными темами в отношениях, возникают такие вопросы, как миграционные связи, что создает благоприятные условия для обмена мнениями по этому вопросу. Такие деликатные темы, как трудовая миграция, права мигрантов и миграционное законодательство, открывают путь для дискуссий во всех регионах мира и требуют научно-теоретического подхода к теме.

Проведенные исследования показывают, что миграционные связи в политических отношениях Азербайджанской Республики с Республикой Таджикистан за прошедший период не только не изучены комплексно, но и не являются

³ Каримов М. А. Ҳамкории фарҳангӣ-гуманитарӣ дар давраи истиқлолияти Тоҷикистон ва Озарбойҷон // Рӯзнамаи донишгоҳи педагогӣ. 2020. С. 271.

объектом самостоятельных научно-исследовательских работ, несмотря на важность изучения и применения положительного опыта в такой глобальной сфере, как миграция, которая набирает популярность в региональных и международных рамках.

Ход и результаты исследования. Двусторонние азербайджанско-таджикские политические отношения положительно влияют на миграционные связи между республиками и свидетельствуют о расширении диалога. Формирование инвестиционного климата и реализация международных инфраструктурных проектов в таких богатых природными ресурсами регионах, как Кавказ и Центральная Азия, вызывают интерес у трудовых мигрантов. Миграционные связи, являющиеся естественным процессом, в связи с этим приводят к положительной динамике развития в обоих регионах и открывают новые возможности для сотрудничества. Следует отметить важность совместной борьбы со случаями незаконной миграции и необходимость обсуждения вопросов национальной безопасности. Хотя для Азербайджана и Таджикистана, не имеющих между собой государственных границ, это не столь актуально.

Как отмечается в миграционном кодексе Азербайджанской Республики, принятом 2 июля 2013 г., законодательство предусматривает уважение прав и свобод человека и гражданина, законность, равенство перед законом, справедливость и т. д.⁴ Миграционное законодательство расширяет перспективные возможности правовой базы как двустороннего, так и многостороннего миграционного сотрудничества Азербайджана.

29 января 2014 г. на встрече азербайджанского посла в Таджикистане с министром труда, миграции и занятости этой страны обсуждались вопросы двусторонних миграционных связей и сотрудничества. Посол рассказал о перспективах присоединения после запуска железной дороги Таджикистан – Афганистан – Туркменистан к проекту железной дороги Баку – Тбилиси – Карс в будущем. Было отмечено, что такие проекты, как Центральная Азия, Кавказ – Европа и Центральная Азия, Персидский залив, придадут большой импульс укреплению экономики стран-участниц⁵. Следует отметить, что 30 октября 2017 г. в церемонии открытия железной дороги Баку – Тбилиси – Карс принял участие представитель Таджикистана⁶. Представление Таджикистана на столь важном мероприятии оказало динамичное влияние на развитие

⁴ Azərbaycan Respublikasının Miqrasiya Məcəlləsi (30 sentyabr 2017-ci il tarixədək olan əlavə və dəyişikliklərlə) = Миграционный кодекс Азербайджанской Республики (с дополнениями и изменениями до 30 сентября 2017 года). Bakı, 2017. S. 1, 14.

⁵ Обсуждены вопросы сотрудничества между Азербайджаном и Таджикистаном в сфере труда, миграции и занятости 29.01.2014. URL: https://www.yeniazərbaycan.com/SonXeber_e2256_az.html (дата обращения: 17.11.2024).

⁶ Nəbiyev F. Müasir dünyada miqrasiya prosesləri: Azərbaycan reallığı kontekstində = Миграционные процессы в современном мире: в контексте Азербайджанской реальности // Xalq qəzeti. 2017. 17 dekabr. S. 5.

будущих политических и социально-экономических отношений между двумя странами. Азербайджан положительно относится к участию Таджикистана в проектах Южно-Кавказского региона и стремится к расширению экономических и политических отношений, а также миграционных связей между республиками. Во время официальных встреч президентов и дипломатов двух стран подчеркивается историческое, политическое и социально-экономическое значение взаимовыгодного сотрудничества.

Таджикское общество давно знакомо с миграцией населения, известной со второй половины XIX в., когда территория Таджикистана была присоединена к Российской империи⁷. В Таджикистане, как и во всех регионах мира, реализуются государственные проекты, связанные с миграцией. Республика уделяет внимание созданию и укреплению сотрудничества в этой сфере с Кавказским регионом, в том числе и с Азербайджаном.

Концепция трудовой миграции Республики Таджикистан утверждена правительством 9 июня 2001 г. документом № 242⁸. Статья 10 миграционного закона Таджикистана «Права и обязанности иммигрантов» гласит: «Лицо, признанное иммигрантом и получившее вид на жительство, пользуется всеми правами и свободами в Республике Таджикистан, а также несет обязанности, предусмотренные законами или международными договорами Республики Таджикистан»⁹. Такой пункт также содержится в миграционном законодательстве Азербайджана, концепция которого была создана в 2003 г., и касается всех трудовых мигрантов, перемещающихся по территории страны. Азербайджан в своем законодательстве разделяет принципы международного права в такой чувствительной теме, как защита прав и свобод иммигрантов. Так иммигрирующим иностранным гражданам и лицам без гражданства рекомендуется помогать в трудоустройстве и не создавать препятствий для их передвижения.

Первые состоявшиеся в 2007 г. взаимные визиты президентов Азербайджана и Таджикистана открыли новую перспективную страницу в развитии дипломатических и политических отношений между республиками. В соответствии с распоряжением Президента Азербайджана от 7 февраля 2008 г. между двумя государствами была создана совместная межправительственная комиссия по вопросам торговли и экономического сотрудничества. Последующий в июле 2012 г. официальный визит президента Таджикистана в Азербайджан, а также ответный визит азербайджанского лидера в Таджикистан 16 октября 2014 г. послужили дальнейшему развитию политических отношений¹⁰.

⁷ Наботов Ф. С., Алимов Д. Х. Историография проблемы миграции в Таджикистане в период независимости // Вестник Педагогического университета. 2022. С. 328.

⁸ Ҳақназаров У. Н., Ҷӯраев А. Д. Сиесати муҳоҷирати меҳнатӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон // Рӯзномаи донишгоҳи педагогӣ (илмҳои Табиӣ). 2022. № 4(16). С. 75.

⁹ Закон Республики Таджикистан о миграции URL: <https://www.mehnat.tj/files/laws/e80d8ab2-9cc2-4e06-8600-de706910a6b1.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

¹⁰ Мəтмəдди Н. Azərbaycan-Tacikistan münasibətləri dinamik inkişaf edir = Азербайджанско-таджикские отношения развиваются динамично // Yeni Azərbaycan qəzeti. 2014. № 190. 21 oktyabr. S. 8.

Официальные визиты глав государств, встречи в рамках региональных и международных организаций отражают серьезное значение трудовой миграции в политических отношениях. А возникновение миграционных связей и двусторонняя политическая воля, приводящая к реализации сотрудничества в этом вопросе, свидетельствуют о взаимном интересе республик в развитии двусторонних отношений в самых разных сферах.

В 2023 г. на основании Концепции привлечения иностранных соотечественников в качестве партнеров по развитию страны, утвержденной постановлением правительства Таджикистана от 29 мая 2010 г. № 277, и плана мероприятий по реализации концепции на 2021–2025 гг. Министерство труда, миграции и занятости Республики Таджикистан, общественные организации, осуществляющие официальную деятельность за рубежом, установили прочные связи и наладили плодотворное сотрудничество с таджикскими культурными центрами за рубежом и диаспорами¹¹. Принятые государственные программы играют заметную роль в формировании связей Таджикистана с соотечественниками за границей.

15 марта 2007 г. в Душанбе было подписано соглашение между правительством Азербайджанской Республики и правительством Республики Таджикистан о взаимном безвизовом въезде и выезде граждан¹². Подписанный документ не только открывает двери для трудовых мигрантов, но и заявляет о важности совместного решения проблем, которые могут возникнуть в данной сфере. 15 мая 2015 г. в Государственной миграционной службе (ГМС) Азербайджанской Республики состоялась встреча с таджикским послом, который отметил, что деятельность ГМС как учреждения, оказывающего профессиональные услуги заявителям на основе совершенной законодательной базы, приветствуется гражданами Таджикистана, посещающими Азербайджан¹³. Посол также положительно оценил использование трудовыми мигрантами Таджикистана преимуществ, закрепленных в прогрессивном миграционном азербайджанском законодательстве. Такие встречи показывают, какую важную роль в развитии миграционных связей играет диалог, укрепляющий азербайджанско-таджикские межгосударственные отношения.

¹¹ Пресс-релиз дар бораи фаъолияти Вазорати меҳнат, муҳоҷират Ва шугли аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар Соли 2023 = Пресс-релиз о деятельности Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан в 2023 году. URL: <https://www.mehnat.tj/files/laws/b36ddf2b7-1d0d-40f0-9db0-fce3684ce27e.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

¹² “Azərbaycan Respublikası Hökuməti və Tacikistan Respublikası Hökuməti arasında vətəndaşların qarşılıqlı vizasız gediş-gəlişi haqqında” Sazişin təsdiq edilməsi barədə = «Закон Азербайджанской Республики об утверждении соглашения между правительством Азербайджанской Республики и правительством Республики Таджикистан о взаимном безвизовом въезде и выезде граждан». Город Баку, 5 июня 2007 года, № 365-IIIQ. URL: <https://e-qanun.az/framework/13396> (дата обращения: 15.11.2024).

¹³ Mayın 15-də Dövlət Miqrasiya Xidmətində Tacikistan Respublikasının ölkəmizdəki səfiri ilə görüş olub = 15 мая в Государственной миграционной службе состоялась встреча с послом Республики Таджикистан в нашей стране. 15.05.2015. URL: https://www.migration.gov.az/az/news_detail/9225 (дата обращения: 17.11.2024).

20 июня 2016 г. в Душанбе между Министерством труда и социальной защиты Азербайджанской Республики и Министерством труда, миграции и занятости Республики Таджикистан было подписано соглашение о сотрудничестве в области труда и занятости населения¹⁴, что служит показателем того, что азербайджанско-таджикские отношения развиваются по восходящей линии. 12 октября 2016 г. министр труда, миграции и занятости Таджикистана принял участие в 19-м заседании Совета руководителей миграционных органов государств — участников СНГ в Баку¹⁵. Последующие годы показали, что факторы труда и миграции между республиками открывают новые направления для сотрудничества.

Экономическое и торговое сотрудничество в рамках СНГ создает благоприятные условия для появления новых перспектив в сфере миграции между Азербайджаном и Таджикистаном. Хотя в настоящее время в этом вопросе между государствами не возникает серьезных проблем, на общих мероприятиях СНГ часто поднимаются такие сложные для решения вопросы, как нелегальная миграция, контрабанда, торговля людьми.

В последующие годы в ГМС Азербайджана было проведено несколько встреч с послом Таджикистана. В ходе обсуждения, состоявшегося 29 сентября 2017 г., начальник службы рассказал о применении принципа одного окна в предоставлении миграционных услуг в Азербайджане, единой миграционной информационной системе и соответствующих процедурах, отраженных в миграционном кодексе¹⁶. Создание этой системы значительно облегчило обращение мигрантов в государственные структуры Азербайджана. 27 августа 2019 г. во время двусторонней встречи с послом Таджикистана было уделено внимание дальнейшим перспективам развития сотрудничества Азербайджана и Таджикистана в области миграции и усилению существующей правовой базы¹⁷. Было отмечено значение совершенствования правовой базы для регулирования миграционных отношений и развития сотрудничества. Принятие совместных

¹⁴ Azərbaycan Respublikasının Əmək və Əhalinin Sosial Müdafiəsi Nazirliyi ilə Tacikistan Respublikasının Əmək, Miqrasiya və Əhalinin Məşğulluğu Nazirliyi arasında əmək və əhalinin məşğulluğu sahəsində əməkdaşlıq haqqında Sazişin təsdiq edilməsi barədə Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı = Указ Президента Азербайджанской Республики Об утверждении Соглашения между Министерством труда и социальной защиты населения Азербайджанской Республики и Министерством труда, миграции и занятости Республики Таджикистан о сотрудничестве в области труда и занятости населения // Azərbaycan qəzeti. 2016. 8 sentyabr. S. 2.

¹⁵ Bakıda MDB iştirakçı dövlətlərin Miqrasiya Orqanları Rəhbərləri Şurasının 19-cu iclası keçiriləcək = В Баку состоится 19-е заседание совета руководителей миграционных органов государств-участников СНГ 10.10.2016. URL: https://www.yeniazərbaycan.com/SonXeber_e16297_az.html (дата обращения: 13.11.2024).

¹⁶ Dövlət Miqrasiya Xidmətinin rəisi Tacikistanın Azərbaycandakı səfiri ilə görüşüb = Начальник Государственной миграционной службы встретился с послом Таджикистана в Азербайджане. 27.09.2017. URL: https://www.migration.gov.az/az/news_detail/10130 (дата обращения: 16.11.2024).

¹⁷ Dövlət Miqrasiya Xidmətinin rəisi Tacikistanın ölkəmizdəki səfiri ilə görüşüb = Начальник Государственной миграционной службы встретился с послом Таджикистана в нашей стране 27.08.2019. URL: https://www.migration.gov.az/az/news_detail/13586 (дата обращения: 18.11.2024).

решений, по мнению обеих сторон, служит совершенствованию миграционного законодательства Азербайджана и Таджикистана. Очередная встреча главы ГМС Азербайджана с послом Таджикистана состоялась 2 декабря 2023 г. Говоря о важности обмена опытом и информацией в области регулирования миграции, начальник службы отметил, что в этом направлении большое значение придается развитию договорно-правовой базы¹⁸.

Регулярно проходили встречи и на более высоком уровне. Так, 17 мая 2022 г. глава ГМС встретился с министром труда, миграции и занятости Таджикистана в рамках первого международного форума ООН по миграции. В ходе встречи были обсуждены текущее сотрудничество, а также перспективы дальнейшего взаимодействия в рамках Регионального центра по миграции, созданного в Азербайджане и охватывающего 13 стран региона¹⁹. Деятельность этого центр демонстрирует, что использование информационных ресурсов в области миграции может привести к позитивным изменениям в этой сфере. Как видим, в становлении и развитии миграционных связей и сотрудничества Азербайджана с Таджикистаном активное участие принимают международные организации, в частности ООН.

23 ноября 2023 г. в Баку был подписан План мероприятий по сотрудничеству между Министерством социальной защиты населения Азербайджанской Республики и Министерством труда, миграции и занятости Республики Таджикистан на 2024–2025 годы²⁰. А 25 ноября таджикский министр посетил центр ДОСТ инклюзивного развития и творчества при Министерстве труда и социальной защиты населения²¹. Как положительные, так и отрицательные тенденции, вызванные миграцией, носят глобальный характер. Они наблюдаются и в Кавказском регионе. Но наше исследование выявляет доминирование положительной динамики в развитии миграционных связей между Азербайджаном и Таджикистаном.

26 февраля 2024 г. в рамках очередного визита министра труда, миграции и занятости Таджикистана в Азербайджан состоялась встреча в Министерстве

¹⁸ Dövlət Miqrasiya Xidmətinin rəisi Tacikistanın ölkəmizdəki səfiri ilə görüşüb = Начальник Государственной миграционной службы встретился с послом Таджикистана в нашей стране 02.12.2023. URL: https://www.migration.gov.az/az/news_detail/16155 (дата обращения: 20.11.2024).

¹⁹ Dövlət Miqrasiya Xidmətinin rəisi Vüsal Hüseynov Beynəlxalq Miqrasiya İcmalı Forumu çərçivəsində ikitərəfli görüşlər keçirib = Начальник Государственной миграционной службы Вюсал Гусейнов провел двусторонние встречи в рамках Международного форума по миграционному обзору. 18.05.2022. URL: https://www.migration.gov.az/az/news_detail/15251 (дата обращения: 20.11.2024).

²⁰ Azərbaycan və Tacikistan sosial sahədə əməkdaşlıq sazişi imzalayıb = Азербайджан и Таджикистан подписали соглашение о сотрудничестве в социальной сфере // Azərbaycan qəzeti. 2023. № 256. 24 noyabr. S. 7.

²¹ Tacikistan nümayəndə heyəti DOST İnküziv İnkişaf və Yaradıcılıq Mərkəzində olub = Делегация Таджикистана посетила Центр инклюзивного развития и творчества «ДОСТ». 25.11.2023. URL: <https://www.sosial.gov.az/media/xeberler/tacikistan-numayende-heyeti-dost-inkluziv-inkisaf-ve-yaradiciliq-merkezinde-olub> (дата обращения: 19.11.2024).

труда и социальной защиты населения. Таджикиский министр подчеркнул, что существует заинтересованность в расширении социального сотрудничества, обмене опытом в процессе реформ в этой сфере²². Расширение и углубление политического диалога между Азербайджаном и Таджикистаном свидетельствует о пользе проведения встреч и дискуссий, предметом которых являются миграционные процессы, и подтверждает, что двустороннее сотрудничество так же актуально, как и многостороннее.

23 мая 2024 г. в Баку было подписано Соглашение о сотрудничестве в области миграции между правительством Азербайджанской Республики и правительством Республики Таджикистан²³. Этот документ знаменует собой начало качественно нового и динамичного этапа развития отношений Азербайджана с Таджикистаном после Отечественной войны 2020 г. Соглашение, поощряющее сотрудничество между двумя странами в области миграции, призвано развить отношения в этой сфере и расширить политический диалог.

28 мая 2024 г. на XXVIII заседании Совета руководителей миграционных органов государств — участников СНГ в Душанбе приняла участие делегация Азербайджана. Основной формой работы совета являются регулярные заседания, на которых обсуждаются вопросы и документы, касающиеся содействия легальной трудовой миграции и борьбы с нелегальной миграцией²⁴. Проблемы последней наблюдаются не только на пространстве СНГ, но и в любом регионе мира. В связи с этим на региональном заседании СНГ в Душанбе была подчеркнута важность расширения политического диалога между республиками по этому вопросу. Азербайджан за короткое время добился положительных результатов, изучив и применив как региональный, так и международный опыт в сфере регулирования миграции.

Наряду с историческими, политико-экономическими и торговыми факторами в развитии азербайджанско-таджикских миграционных отношений, безусловно, играют роль образовательные и научно-культурные связи. В частности, за пять лет после победы Азербайджана в Отечественной войне 2020 г. азербайджанско-таджикские связи заметно расширились, были подписаны новые документы о развитии культурного, студенческого и научного обмена. Вследствие этого возросло количество молодых людей, желающих учиться

²² Tacikistan nümayəndə heyəti ilə görüş olub = Состоялась встреча с делегацией Таджикистана. 26.02.2024. URL: <https://dma.gov.az/media/xeberler/tacikistan-numayende-heyeti-ile-gorus-olub?hl=az> (дата обращения: 09.11.2024).

²³ “Azərbaycan Respublikası Hökuməti ilə Tacikistan Respublikası Hökuməti arasında miqrasiya sahəsində əməkdaşlığa dair Saziş”ın təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Fərmanı = Указ Президента Азербайджанской Республики «Об утверждении Соглашения о сотрудничестве в области миграции между Правительством Азербайджанской Республики и Правительством Республики Таджикистан» // Azərbaycan qəzeti. 2024. № 136. 3 iyul. S. 6.

²⁴ Дар бораи кори ЧАЛАСАИ XXVIII Шӯрои роҳбарони мақомоти муҳоҷирати давлатҳои иштирокчи ИДМ. 28.05.2024. URL: <https://www.mehnat.tj/ru/news/dt/0647c125-9e1f-460c-819d-c75275a80b2f> (дата обращения: 10.11.2024).

и проводить исследования по обмену. Данный факт дает основание говорить о том, что в контексте азербайджанско-таджикских политических отношений сложились двусторонние интеллектуальные миграционные связи.

Выдающийся таджикский поэт Камаль Худжанди (1321–1400), живший еще в XIV в., ездил в Гянджинский и Тебризский регионы Азербайджана, где занимался теологией. Спустя много веков, во времена СССР многие ученые Таджикистана получили высшее образование в Азербайджане и защитили здесь свои диссертации. На современном этапе, в июле 2012 г. в рамках официального визита президента Таджикистана в Азербайджан между странами было подписано соглашение об образовательном обмене. Межгосударственный документ создал благоприятные условия для обмена студентами и преподавателями, особенно по нефтегазовой, геологической, кибернетической и медицинской специальностям²⁵. Официальные данные свидетельствуют о большом значении интеллектуальной миграции в жизни государств региона в XXI в.

В соответствии с Государственной программой на 2022–2028 годы по обучению молодежи в престижных высших учебных заведениях зарубежных стран, утвержденной главой Азербайджана 28 февраля 2022 г., азербайджанско-таджикские образовательные связи перешли на новый этап развития²⁶. В настоящее время продолжается набор студентов по различным специальностям. В ходе интеллектуальной миграции, наряду с получением образования бакалавра, впервые для азербайджанских студентов была создана возможность обучения в магистратуре в Таджикистане.

Не менее активно развивались и культурные связи между двумя странами. В октябре 2007 г. в Азербайджане прошли Дни таджикской культуры, а 9–12 ноября 2008 г. в Таджикистане — Дни азербайджанской культуры. Первый телемост дружбы и сотрудничества Баку – Душанбе, посвященный общности культур, состоялся 28 апреля 2012 г. по телеканалам «Иджтимаи телевизия» (Баку) и «Джахоннамо» (Душанбе). В 2012 г. при финансовой поддержке посольства Азербайджана в Таджикистане был издан сборник произведений «Хамса» на таджикском языке в связи с 870-летием великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. В 2013 г. в городах Душанбе, Худжанд, Курган-Тюбе и Хорог (Горно-Бадахшанская автономная область) были проведены 13 концертов азербайджанских мастеров искусств, посвященных 90-летию со дня рождения лидера азербайджанского народа Гейдара Алиева. В мае 2013 г. прошла постановка оперы «Лейли и Меджнун» на сцене Государственного академического театра оперы и балета им. С. Айни. Фольклорный

²⁵ Qədirova A. Azərbaycan və Tacikistan arasında elm və təhsil münasibətləri (17.09.2023). URL: <https://yenigundem.az/azerbaycan-ve-tacikistan-arasinda-elm-ve-tehsil-munasibetleri/> (дата обращения: 02.04.2025).

²⁶ “Gənclərin xarici ölkələrin nüfuzlu ali təhsil müəssisələrində təhsil almalarına dair 2022–2028-ci illər üçün Dövlət Proqramı”nın təsdiq edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Sərəncamı. URL: <https://e-qanun.az/framework/49209> (дата обращения: 02.04.2025).

мугамный квартет «Карабах» Азербайджанской Республики принял участие в 5-м Международном фестивале музыки, искусства и туризма «Крыша мира», который прошел в г. Хорог (ГБАО) с 5 по 7 июля 2013 г. В этом же году при финансовой поддержке посольства Азербайджана в Таджикистане были переведены на таджикский язык и изданы книги писателя-публициста Э. Ахундовой «Гейдар Алиев — Личность и Эпоха» в семи томах, и Н. Зинкевича «Зигзаги жизни»²⁷.

Как видим, азербайджанско-таджикские миграционные связи охватывают практически все сферы сотрудничества. Если торгово-экономические отношения привлекают внимание трудовых мигрантов обеих стран, то образовательный и научно-культурный обмен развивает интеллектуальную миграцию между странами.

Заключение. Культурные ценности, сближающие оба народа, принадлежащих к исламской цивилизации, оказывают положительное влияние на развитие их отношений, в том числе и миграционных связей. Проведенный анализ показывает, что за последние пять лет дипломатические и политические отношения между Азербайджаном и Таджикистаном развивались в русле сотрудничества и добрососедства и оказали значительное влияние на их экономическое взаимодействие. Важную роль также сыграли проводимые мероприятия по регулированию миграционных связей между республиками и оценке перспектив их развития. Взаимные визиты президентов, налаженные связи между государственными органами, осуществляющими деятельность в сфере миграции и социальной защиты населения, свидетельствуют о том, что вопросы трудовой миграции, стоящие на повестке дня, успешно разрешаются.

Как показывают данные Государственного комитета статистики Азербайджана (ГКСА), в 2015 г. в Азербайджан прибыли 1 224 граждан Таджикистана, в 2020 г. — 1 483; 2021 г. — 819; 2022 г. — 2 733; 2023 г. — 5 008²⁸. Всего за последние пять лет число граждан Таджикистана, прибывших в Азербайджанскую Республику, составило 11 267 человек. Подавляющее большинство из них являлись трудовыми мигрантами. Статистика свидетельствует, что миграционные процессы между странами не являются интенсивными, но все же имеют определенную тенденцию к развитию.

С точки зрения развития миграционных связей представляют интерес и статистические данные о торговом обороте между Азербайджаном и Таджикистаном, представленные ГКСА за 2005–2023 гг. (см. табл.).

²⁷ Азербайджано-таджикские отношения. URL: <https://dushanbe.mfa.gov.az/ru/content/3/dvustoronnie-otnosheniya> (дата обращения: 02.04.2025).

²⁸ “Azərbaycanın statistik göstəriciləri 2024”. Statistik məcmuə (Azərbaycan və ingilis dillərində) / icraçılar: L. Kərimova, H. Mahmudova, R. Məmmədخانov. Bakı: Azərbaycan Respublikasının Dövlət Statistika Komitəsi. 2024. S. 278.

Таблица

**Торговый оборот между Азербайджанской Республикой
и Республикой Таджикистан (тыс. долларов США)**

Год	Торговый оборот
2005	79 044,7
2006	131 186,7
2007	52 079,3
2008	46 102,4
2009	8 837,1
2010	9 437,2
2011	15 985,6
2012	44 149,7
2013	13 805,9
2014	2 824,7
2015	6 443,8
2016	12 320,5
2017	2 045,8
2018	6 587,2
2019	3 160,8
2020	5 237,7
2021	7 516,6
2022	5 949,8
2023	6 127,2

Источник: составлено автором по материалам Государственного комитета статистики Азербайджана за 2024 г.²⁹

Из статистики следует, что падение объемов торгового оборота приводило и к уменьшению миграционных потоков. Развитие политических отношений между дружественными странами дает основание говорить об углублении двусторонних миграционных связей, что, надеемся, своим следствием будет иметь и рост внешнеторгового оборота.

Вопросы регулирования миграции как составной части вопроса национальной безопасности являются одним из важных направлений как во внутренней, так и во внешней политике Азербайджана и Таджикистана. Отсутствие серьезных проблем между государствами в вопросах трудовой миграции и защиты прав трудовых мигрантов, отсутствие таких проблем, как безопасность границ и контрабанда, создают благоприятные возможности для дальнейшего углубления межгосударственного сотрудничества. Комплексный подход к развитию миграционных процессов на фоне длительных и стабильных политических и дипломатических отношений Азербайджанской Республики с Республикой Таджикистан создает новые перспективы для их сотрудничества в различных сферах.

²⁹ The foreign trade of Azerbaijan // The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan: site. URL: <https://www.stat.gov.az/source/trade/> (дата обращения: 16.11.2024).

Литература

1. Жильцов С. С. Роль транспортных коридоров в развитии Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 3. С. 188–197. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-188-197>
2. Каримов М. А. Ҳамкориҳои фарҳангӣ-гуманитарӣ дар давраи истиқлолияти Тоҷикистон ва Озарбойҷон = Культурно-гуманитарное сотрудничество в период независимости Таджикистана и Азербайджана // Рӯзнамаи донишгоҳи педагогӣ. 2020. С. 271–275.
3. Наботов Ф. С., Алимов Д. Х. Историография проблемы миграции в Таджикистане в период независимости // Вестник Педагогического университета. 2022. № 6-1 (101). С. 328–334.
4. Ҳакназаров У. Н., Ҷӯраев А. Д. Сиёсати муҳоҷирати меҳнатӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон = Трудовая миграционная политика в Республике Таджикистан // Рӯзнамаи донишгоҳи педагогӣ (илмҳои Табиӣ). 2022. № 4 (16). С. 73–77.
5. Ələkbərli Ə. Azərbaycanın Mərkəzi Asiya ölkələri ilə elmi əlaqələri (1920–1991) = Научные связи Азербайджана со странами Центральной Азии (1920–1991). Bakı: Birol Group MMC, 2023. 408 s.

References

1. Zhiltsov S. S. Rol' transportnykh koridorov v razvitii Tsentral'noi Azii [The role of transport corridors for the development of Central Asia] // Post-Soviet Issues. 2024. Vol. 11. № 3. P. 188–197. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-3-188-197> (In Russ.).
2. Karimov M. A. Cultural and humanitarian cooperation during the period of independence of Tajikistan and Azerbaijan // Newspaper of the Pedagogical University. 2020. P. 271–275. (In Tajik).
3. Nabotov F. S., Alimov D. Kh. Istoriografiya problemy migratsii v Tadjikistane v period nezavisimosti [Historiography of the problem of migration in Tajikistan during independence] // Vestnik Pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of the Pedagogical University]. 2022. № 6-1 (101). С. 328–334. (In Russ.).
4. Khaknazarov U. N., Churayev A. D. Labor migration policy in the Republic of Tajikistan // Diary of the Pedagogical University (Natural Sciences). 2022. № 4 (16). P. 73–77. (In Tajik).
5. Ələkbərli Ə. Scientific relations of Azerbaijan with Central Asian countries (1920–1991). Bakı: Birol Group MMC, 2023. 408 p. (In Azerb.).

Рецензия на книгу

УДК 3.3(2)46

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-192-198

Козлова Юлия Алексеевна

кандидат исторических наук

Институт российской истории РАН

Москва, Россия

sakyлина77@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5208-8767

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Копелев Д. Н. Труды и дела Петра Великого.
Исторические этюды. СПб.: Крива, 2024. 415 с.**

Для цитирования: Козлова Ю. А. Рецензия на книгу: Копелев Д. Н. Труды и дела Петра Великого. Исторические этюды. СПб.: Крива, 2024. 415 с. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 2 (58). С. 192–198. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-192-198>

Book review

UDC 3.3(2)46

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-258-192-198

Kozlova Yulia A.

Candidate of Historical Sciences

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: sakyлина77@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5208-8767

BOOK REVIEW:

**Kopelev D. N. The works and deeds of Peter the Great.
Historical sketches. St. Petersburg: Kriva, 2024. 415 p.**

For citation: Kozlova Yu. A. Book review: Kopelev D. N. The works and deeds of Peter the Great. Historical sketches. St. Petersburg: Kriga, 2024. 415 p. // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 2 (58). P. 192–198. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-258-192-198>

Книга «Труды и дела Петра Великого. Исторические этюды» петербургского исследователя Д. Н. Копелева, безусловно, займет достойное место в иерархии исследований, посвященных Петровской эпохе. Книга представляет собой сборник статей автора, опубликованных в разное время. При этом значительная часть их объединена общим сквозным сюжетом, в основе которого личность Петра I на фоне эпохи.

В книге представлено двенадцать взаимосвязанных сюжетов, позволяющих увидеть Петра I абсолютно с иного ракурса: царь представлен в разнообразных амплуа — от плотника и ученика до геополитического стратега. Примечательно, что в книге отсутствуют ссылки, это делает ее доступной для самого широкого круга читателей.

Монографию сложно подвести под одну нить повествования, так как сюжеты довольно разнообразные и в рамках одной рецензии все они не могут быть освещены в полном объеме. Тем не менее мы попытались сделать акцент на основных моментах исследования, дополнив их некоторыми своими замечаниями. Разумеется, начиная анализировать петровское наследие, мы невольно попадаем в капкан модернизационных процессов, характерных для периода конца XVII – начала XVIII в. Автор книги пытается через детство юного царя показать, какое влияние на него оказали жители Немецкой слободы (с. 15–20). Должное внимание уделено и трансферу европейского знания во времена Великого посольства 1697–1698 гг., где особое внимание уделено пребыванию русской делегации в Лондоне (с. 32–36). Это и неудивительно: Лондон в конце XVII в. становится настоящей ареной, где разыгрывались различные политические и дипломатические пасьянсы. Петр I именно в Англии уловил настроения предстоящей Войны за испанское наследство (1701–1714), что в последующем повлияло на переориентацию с юго-востока на северо-запад в геополитической доктрине России.

Отдельное место в книге уделено восприятию европейцами личности Петра I. Царь Московии не был похож ни на одного правящего европейского монарха: был легок в общении с простым народом, безуданно познавал новое, был неприхотлив в быту (с. 36, 217–219). Примечательно, что во времена первого заграничного путешествия и во вторую поездку российского монарха 1716–1717 гг.¹ это восприятие остается неизменным. Жители Лондона, Парижа и других европейских городов, курфюршества и иных административных единиц наблюдают одну и ту же картину: царь Московии в поисках знания. Автор монографии иронизирует на этот счет, поддерживая самый знаменитый

¹ Козлова Ю. А. Путешествие Петра I в Западную Европу 1716–1717 гг. М., 2020. С. 119.

русский миф, используемый на Западе: «в театре, обнаружив, что вся публика устала сидеть на нем, как на бродячего медведя, он смутился, пересаживался в задний ряд, стараясь затеряться среди людей и смотрел постановку из-за спин своих подданных» (с. 37). Однако, как справедливо отмечает исследователь, некоторые изменения все же происходят: от шуточного представления Петра I как русского медведя Запад приходит к осмыслению русской угрозы. «Русская угроза» — это понятие, которое появляется с усилением петровской внешней политики, когда позиции России перестают соответствовать западным представлениям о ее роли в Европе. Важно отметить, что здесь прослеживается крайне интересная связь того, как Россия приходит на место Швеции в самом широком понимании этого значения.

Исследование Д. Н. Копелева вообще состоит из очень интересных источниковедческих подборок, которые представляют наиболее полную картину Петровской эпохи в целом. Среди них материал, связанный с зарождением российского флота, что неудивительно: исследователь долгие годы занимается институциональной историей российского флота, проблемами европейской экспансии, истории географических открытий, пиратством и каперством. В книге отражены некоторые особенности процесса становления российского флота и отношение автора к этому событию, иначе как объяснить такое подробное повествование про знаменитый ботик Петра Великого и его судьбу?! (с. 22–24). Касаясь некоторых аспектов этой темы, важно понимать проблему отсутствия кадров для реализации столь амбициозной идеи. В связи с чем на момент первой заграничной поездки Петра I в Европу основным познавательным объектом для царя становились корабельные верфи и оборонительные сооружения.

Натура русского царя проявлялась в попытке привлечь иностранцев на русскую службу и покупке нужных для России инструментов и прочих атрибутов повседневной и научной жизни (с. 40). Петру I удалось призвать на русскую службу европейских мастеров разных национальностей: итальянцев, голландцев, англичан, французов. Остановимся на одном из сюжетов. Царь пригласил на русскую службу мастеров из Венеции, считая, что они станут у истоков создания русского флота (с. 63). Однако венецианским мастерам не удалось закрепиться на русской службе и к 1700 г. они вернулись на родину (с. 64). Отправка московских людей в Венецию на обучение сроком 1,5 года принесла определенный результат: русские дворяне обучились знаниям в области кораблестроения, черчения и т. д. (с. 79–80). Однако и это не смогло решить главную проблему всей петровской модернизации — нехватку квалифицированных национальных кадров! Учиться были готовы не обладающие материальным достатком категории населения, но возможности такие предоставлялись не им, а дворянству, значительная часть которого не проявляла особого желания овладевать новыми знаниями. Примером может служить Школа математических и навигацких наук в Москве².

² Клейтман А. Л. Школа математических и навигацких наук в Москве (1701–1705 гг.). М., 2024. С. 16.

В книге есть очень интересный сюжет, рисующий Петра I не как ученика или стратега, а именно как человека, в частности о его отношении к животным (с. 154–155). Прагматичный царь велел держать котов для отлова крыс и мышей, которых было предостаточно в Петербурге. Но есть и другой случай, который совершенно по-другому раскрывает личность царя. Известно, что у Петра I был любимец — кот Василий, — который, можно сказать, спас А. Д. Меншикова от верной гибели, пролив чернила на царские документы, где «светлейшего князя» хотели лишить чинов и имений за очередные коррупционные схемы (с. 159). На наш взгляд, в случае с крайне темпераментным характером Петра I и его подвижной психикой любимые домашние животные были своего рода громоотводами, способными смягчить состояние ярости, в которое периодически впадал русский царь. Такую же роль выполняли и близкие Петру люди: супруга Екатерина и ближайший соратник А. Д. Меншиков³.

Для нас наиболее значимым в книге является попытка Д. Н. Копелева вплести в общую канву преобразований Петра I анализ внешнеполитического курса европейских государств и роль России в этом процессе. Вводя читателя в курс дела, автор повествует об основных событиях европейской дипломатии конца XVII в. Маршрут Великого посольства был выстроен так, чтобы посетить все страны, способные создать коалицию против Османской империи. Россия, Польша, Венеция и империя заключили договор против Константинополя. Однако до Венеции Петр I, как известно, не доехал. Да и в целом европейская политическая ситуация не располагала к реализации петровских устремлений на юго-восток. Вскоре после возвращения царя в Россию началась Северная война (1700–1721). Но взор европейских стран был обращен в сторону этого конфликта лишь после окончания Войны за испанское наследство.

К 1716 г. стало очевидно две вещи: во-первых, Петр I понял, что на Великобританию как арбитра в делах Северной войны он полагаться не может, а следовательно, нужно государство, которое имеет ощутимый политический вес⁴. Д. Н. Копелеву удастся разобраться в сложнейших дипломатических перипетиях, предшествующих поездке царя во Францию (с. 214–215). Однако, на наш взгляд, следует внести небольшую ясность относительно создания русско-французского союза. Франция после подписания Утрехтского мира 1714 г. вышла проигравшей стороной, и ее международное положение заметно ухудшилось. В 1716 г. Париж полностью поменял дипломатическую стратегию в сторону Лондона, что оформилось в довольно прочный союз, просуществовавший до 1731 г.⁵ Данный факт не помешал Франции выстроить

³ Мухин О. Н. «Громоотвод судьбы»: о роли А. Д. Меншикова в жизни и деятельности Петра I // Материалы XVI Петровского международного конгресса. СПб., 2024. С. 329–330.

⁴ Стерликова А. А. Переговоры о мире со Швецией в письмах русских дипломатов (1716–1717 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. Т. 21. № 1. С. 233.

⁵ Lodge R. The Anglo-French alliance 1716–1731. 1934. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.59197/page/n15/mode/2up> (дата обращения: 06.10.2024); Black J. The Anglo-French alliance

конструктивный диалог с Россией. Ей нужно было вернуться на мировую арену в качестве не второй, а утверждающей силы. Франция по Амстердамскому договору становилась посредником между Петербургом и Стокгольмом.

Далее автор анализирует пребывание Петра I в Париже (с. 218–219). Этот сюжет освещен довольно подробно⁶, поэтому мы не будем на нем останавливаться. Выскажем лишь мнение о том, что Д. Н. Копелев правильно показал замысел царя и его реализацию. Что могло интересовать Петра I во Франции — передовой культурной столице, задававшей тон всему миру? Вопрос риторический, но все же. Царя интересовал Версаль! Реформаторские задумки продолжали реализовываться, но не хватало самого главного — идеологического обоснования курса, проводимого Петром I. Обновленная Россия не могла существовать без репрезентации власти, которая, кстати, была заимствована именно у Франции. Вся внешняя атрибутика Версаля буквально кричала о сильной власти монарха. Автор справедливо отмечает этот факт: «Он загорелся мыслью обзавестись под Петербургом “русским Версалем”, который был бы еще великолепнее» (с. 230).

Следующий аспект русско-французских отношений заключается, разумеется, в попытке Петра I устроить будущее своей любимицы — Елизаветы Петровны. Столь амбициозное намерение выдать дочь за французского короля Людовика XV, положив тем самым начало матримониальным отношениям между странами, не могло увенчаться успехом. Политические и международные игры в Европе были настолько сложными, что отдать предпочтение Елизавете, мать которой была незнатного происхождения, для европейских правящих кругов было невозможно (с. 233).

Матримониальные планы царя были вплетены в общую картину внешнеполитической стратегии. Петр довольно быстро познал искусство политической интриги, поддерживая сторонников якобитского заговора (с. 255). В монографии дается многоаспектный анализ всей политической ситуации: от истоков заговора и его хода до агентурных данных, основанных на изучении личной корреспонденции помощников короля Якова III. Сюжет с «якобитской интригой» показывает, что Петр I использовал особые инструменты для достижения своих дипломатических и торговых целей. Вообще, идея расширения торгового и дипломатического пространства России проходит красной нитью через всю эпоху правления Петра Великого. Автор уделяет должное внимание просто фантастическим по сегодняшним меркам замыслам Петра I (с. 299). Кто бы мог подумать, что Московия сможет отвоевать Балтийское побережье или выйти к Черному морю и Атлантике, или же организовать

се 1716–1731. A study in eighteenth-century international relations // Francia. 1985. № 13. P. 295.

⁶ См.: Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб., 2015; Козлова Ю. А. Указ. соч.; Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Путешествующий царь, или В поисках имперских одежд // Европейские маршруты Петра Великого: материалы IX Международного Петровского конгресса. СПб., 2018; Акимов Ю. Г., Минкова К. В. Подготовка поездки Петра I в Париж: дискуссионные моменты и новые интерпретации // Вестник РХГА. 2020. Т. 21. № 4 (2). С. 234–249 и др.

экспедиции на Камчатку, или на Мадагаскар? Безусловно, не все нами перечисленное было реализовано в правление Петра I, но его последователи смогли в полной мере воплотить задумки царя, выведя Россию на абсолютно новый уровень.

Таким образом, к выходу в свет подготовлено интересное и актуальное издание, расширяющее наши представления о многогранной личности Петра I на фоне эпохи. Данная книга, несомненно, представляет интерес для самой широкой читательской аудитории, в том числе и для профессиональных историков.

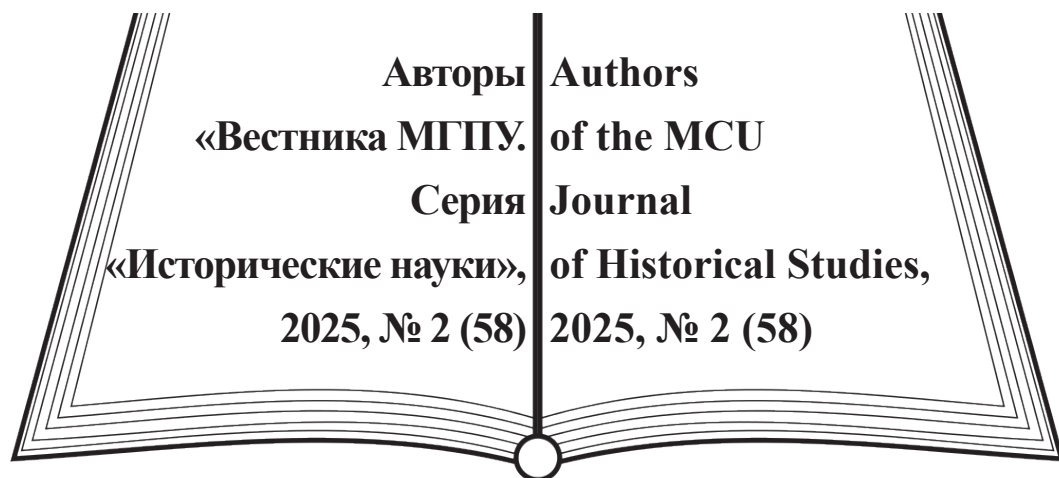
Литература

1. Акимов Ю. Г., Минкова К. В. Подготовка поездки Петра I в Париж: дискуссионные моменты и новые интерпретации // Вестник РХГА. 2020. Т. 21. № 4 (2). С. 234–249. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.2.21.026>
2. Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Путешествующий царь, или В поисках имперских одежд // Европейские маршруты Петра Великого. К 300-летию визита Петра I во Францию: материалы IX Международного Петровского конгресса (Париж – Реймс, 20–22 апреля 2017 г.). СПб.: Европейский дом, 2018. С. 18–31.
3. Клейтман А. Л. Школа математических и навигацких наук в Москве (1701–1705 гг.). М.: Сфера, 2024. 256 с.
4. Козлова Ю. А. Путешествие Петра I в Западную Европу 1716–1717 гг. М.: Ломоносов, 2020. 192 с.
5. Мезин С. А. Петр I во Франции СПб.: Европейский дом, 2015. 303 с.
6. Мухин О. Н. «Громоотвод судьбы»: о роли А. Д. Меншикова в жизни и деятельности Петра I // Санкт-Петербург — город петровской мечты: материалы XVI Международного Петровского конгресса (Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 г.). СПб.: Европейский дом, 2024. С. 329–341.
7. Стерликова А. А. Переговоры о мире со Швецией в письмах русских дипломатов (1716–1717 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. Т. 21. № 1. С. 232–238.
8. Black J. The Anglo-French alliance 1716–1731. A study in eighteenth-century international relations // Francia. 1985. № 13. P. 295–310.

References

1. Akimov Yu. G., Minkova K. V. Podgotovka poezdki Petra I v Parizh: diskussionnye momenty i novye interpretatsii [International relations in Europe in the mid-1710s and preparation of the voyage of Peter I to Paris: controversial issues and new interpretations] // RCAH Review. 2020. Vol. 21. № 4 (2). P. 234–249. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2021.2.21.026> (In Russ.).
2. Guzevich D. Yu., Guzevich I. D. Puteshestvuiushchii tsar', ili V poiskakh imper-skikh odezhd [The traveling Czar, or In search of imperial robes] // Evropeiskie marshruty Petra Velikogo. K 300-letiiu vizita Petra I vo Frantsiiu: materialy IX Mezhdunarodnogo Petrovskogo kongressa (Parizh – Reims, 20–22 apreliia 2017 g.) [Peter the Great's European routes. On the 300th anniversary of Peter the Great's visit to France: proceedings of the IX International Peter's Congress (Paris – Reims, April 20–22, 2017)]. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2018. P. 18–31. (In Russ.).

3. Kleitman A. L. Shkola matematicheskikh i navigatskikh nauk v Moskve (1701–1705 gg.) [School of mathematical and navigational sciences in Moscow (1701–1705)]. Moscow: Sfera, 2024. 256 p. (In Russ.).
4. Kozlova Yu. A. Puteshestvie Petra I v Zapadnuuiu Evropu 1716–1717 gg. [Peter the Great's journey to Western Europe 1716–1717]. Moscow: Lomonosov, 2020. 192 p. (In Russ.).
5. Mezin S. A. Petr I vo Frantsii [Peter the Great in France]. St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2015. 303 p. (In Russ.).
6. Mukhin O. N. «Gromootvod sud'by»: o roli A. D. Menshikova v zhizni i deiatel'nosti Petra I [“Lightning rod of fate”: about the role of A. D. Menshikov in the life and work of Peter the Great] // Sankt-Peterburg — gorod petrovskoi mechty: materialy XVI Mezhdunarodnogo Petrovskogo kongressa (Sankt-Peterburg, 9–10 iyunia 2023 g.). St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2024. P. 329–341. (In Russ.).
7. Sterlikova A. A. Peregovory o mire so Shvetsiei v pis'makh russkikh diplomatov (1716–1717 gg.) [Negotiations about peace with Sweden in letters from Russian diplomats (1716–1717)] // Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy [St. Petersburg and the Nordic countries]. 2019. Vol. 21. № 1. P. 232–238. (In Russ.).
8. Black J. The Anglo-French alliance 1716–1731. A study in eighteenth-century international relations // Francia. 1985. № 13. P. 295–310.

Авторы **Authors**
«Вестника МГПУ» **of the MCU**

Серия **Journal**
«Исторические науки», **of Historical Studies,**
2025, № 2 (58) **2025, № 2 (58)**

Ахмедов Агиль Пирмуадович — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории имени А. А. Бакыханова Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан.

Ahmadov Agil P. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of History named after A. A. Bakykhanov of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan.

E-mail: agilahma@gmail.com

Бусаров Иван Владимирович — аспирант департамента истории, методист отдела методологии и перспективной дидактики Института содержания, методов и технологий образования Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Busarov Ivan V. — Postgraduate Student of the Department of History, Methodologist at the Department of Methodology and Advanced Didactics of the Institute of Educational Content, Methods and Technologies of Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: busarovivan@yandex.ru

Воронцов Юрий Александрович — аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия.

Vorontsov Yuriy A. — Postgraduate Student of Perm State National Research University, Perm, Russia.

E-mail: ura1550@mail.ru

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Ivanov Andrey A. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Modern History of Russia, Institute of History, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Исаков Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, профессор департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Isakov Vladimir A. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: Isakov-va@yandex.ru

Козлова Юлия Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра «Россия в международных отношениях» Института Российской истории РАН, Москва, Россия.

Kozlova Yulia A. — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Russia in International Relations, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: sakyлина77@mail.ru

Маслова Анна Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия.

Maslova Anna A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of History Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia.

E-mail: avonavi.anie@gmail.com

Местковский Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, учитель истории средней школы № 86 г. Волгограда, Волгоград, Россия.

Mestkovsky Dmitry A. — Candidate of Historical Sciences, history teacher at Secondary School № 86 in Volgograd, Volgograd, Russia.

E-mail: mestkovskiy@mail.ru

Огородникова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Ogorodnikova Olga A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: ogorodnikovaoa@mgpu.ru

Смирнова Юлия Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент, начальник департамента истории Московского городского педагогического университета, Москва Россия.

Smirnova Yulia V. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of the Moscow City University, Moscow, Russia.

E-mail: smirnovayuv@mgpu.ru

Соколов Юрий Вячеславович — младший научный сотрудник Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Sokolov Yuri V. — Junior Research Officer of the Institute of International Relations and World History of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: sapsan118@yandex.ru

Сорокин Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Sorokin Alexander A. — Candidate of Historical Sciences, Senior Research Officer, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Local History of the Institute of International Relations and World History of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: skaliger1989@yandex.ru

Чемакин Антон Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Chemakin Anton A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History for teaching in the natural sciences and humanities, Institute of History, Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Черникова Татьяна Васильевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия.

Chernikova Tatyana V. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of World and Russian History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: tchernikova1961@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». **MCU Journal of Historical Studies** принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы на русском и английском языках по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы для публикации научной статьи следует направлять по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически). Не допускаются разрывы между абзацами, автоматические переносы, автоматическая нумерация списков.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Подрисуночные подписи выполняются кеглем 12; отдельно предоставляются рисунки в формате *jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Метаданные

Метаданные приводятся до основного текста статьи на русском или английском языке в зависимости от того, на каком языке написана статья, и затем повторяются на другом языке.

Данные указываются в обозначенной последовательности без разделения запятыми:

УДК (www.teacode.com/online/udc/)

Ф. И. О. (Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan I.)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается *название статьи* (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют *аннотация* (200–250 слов) и *ключевые слова* (7–10 слов). В аннотации указываются актуальность и цель исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи, включать основные категории и понятия, отражающие ее содержание.

Ниже ключевых слов могут быть размещены благодарности, посвящения и сведения о финансировании исследований (при наличии).

Разделы научной статьи

Введение: постановка проблемы; научная новизна и актуальность исследования; историография вопроса; источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования: должны соответствовать целям и задачам исследования, результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение: содержит выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Ссылки на источники

Используемые в статье источники и литература должны быть отражены в подстрочных ссылках (сносках), при оформлении которых следует руководствоваться ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: Общие требования и правила составления».

Подстрочные ссылки (сноски) на используемые в статье материалы автоматические, нумерация сквозная, кегль — 10; интервал — 1.

Литература и References

Ниже текста статьи должны располагаться разделы «Литература» и References, содержащие библиографические описания использованных научных работ (монографий, диссертаций, авторефератов и статей). В эти разделы **не включаются** источники, энциклопедии, справочники, электронные ресурсы, художественные произведения и т. п.

В разделе «Литература» приводятся названия работ на языке оригинала (русском, английском и т. п.), которые располагаются по алфавиту. Библиографические описания на языках с разной графикой оформляются в следующем порядке: 1) кириллица; 2) латиница; 3) другие виды графики, транслитерация (в русской транскрипции).

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние пять лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

В разделе References работы, написанные на русском или других языках, использующих кириллицу, приводятся в транслитерации (сайт для автоматической транслитерации: WWW.TRANSLIT.RU. Режим транслитерации — LC / Library of Congress). Их названия дублируются переводом на английский язык, заключенным в квадратные скобки. В конце библиографического описания для изданий на кириллице в скобках указывается язык оригинала: (In Russ.), (In Bulg.), (In Ukr.).

Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, они приводятся в разделе References (например, MCU Journal of Historical Studies).

Литература, написанная на английском или других языках, использующих латиницу, приводится на языке оригинала. Порядок размещения работ в разделе References повторяет порядок в разделе «Литература».

Несоответствие разделов «Литература» и References предъявляемым требованиям (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал / Scientific Journal

**Вестник МГПУ.
Серия «Исторические науки».**

**MCU Journal
of Historical Studies**

2025, № 2 (58)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

кандидат исторических наук, директор, профессор
Института гуманитарных наук МГПУ *В. В. Кириллов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 08.08.2025 г.

Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.

Объем: 13 печ. л. Тираж: 1000 экз.